0 41/208

VI
381

МНИМЫЙ „ТУРАНИЗМЪ“ РУССКИХЪ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНОРОДЦАХЪ

И

ПЕРЕСЕЛЕНІЯХЪ ВЪ РОССІИ.

П. А. Безсонова.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.

1885.

Б-405
О 41/208 Сл
Б. 39 м.

МНИМЫЙ „ТУРАНИЗМЪ“ РУССКИХЪ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНОРОДЦАХЪ И ПЕРЕСЕЛЕНІЯХЪ ВЪ РОССІИ.

П. А. Безсонова.

БИБЛІОТЕКА № 381 Новгородсѣверской Гимназіи
хр 1869

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

НОВГОРОДСѢВЕРСКАЯ ГИМНАЗІЯ

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1885.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1885 г. кн. 4-я.

2007099328

МНИМЫЙ „ТУРАНИЗМЪ“ РУССКИХЪ.

Къ вопросу объ инородцахъ и переселеніяхъ въ Россіи.

Вопросъ выставленный нами въ заглавіи, и не новый, и далеко не законченный въ наукѣ, въ литературѣ, въ области ходячихъ политическихъ мнѣній. Онъ періодически повторяется отъ времени до времени и часто съ новою силою, хотя и съ обыкновенною неудачею; онъ извѣстенъ и у насъ и между Славянами, особенно среди Поляковъ; онъ отзывается иногда и съ замѣтными слѣдами въ иностранныхъ сужденіяхъ о Россіи. Мы нѣкогда подробно разобрали его въ отношеніи къ «народному творчеству», * по поводу статей почтеннаго археолога г. Стасова, который выводилъ изъ Азіи, отъ Туранцевъ и Монголовъ даже самое содержаніе, а тѣмъ болѣе пріемы нашего народнаго эпоса: между тѣмъ сужденія автора въ новомъ видѣ и историческомъ примѣненіи, еще очень недавно занимали пятый Археологическій Съѣздъ, встрѣчая конечно возраженія, но не теряя за собою иниціативы и вызывательнаго характера. Еще недавно въ Галиціи изданъ учебникъ **, предназначенный для народныхъ школъ и увѣряющій, что «по ученымъ изслѣдованіямъ Русскіе или Москали не относятся къ Славянскому племени и не происходятъ отъ расы Кавказской, напротивъ отъ Монгольской—Азіатской». Самъ К. Дм. Кавелинъ столь извѣстный историкъ и публицистъ въ своихъ очеркахъ Россіи, вынесенныхъ изъ послѣднихъ поѣздокъ во внутреннія ея области и печатавшихся въ нашей періодической прессѣ, не далекъ отъ убѣжденія въ томъ же, хотя и съ замѣтнымъ сожалѣніемъ, какъ бы противу собственной наклонности. Наконецъ, и г. Кулишъ поднялъ

---

* Въ VIII-мъ томѣ изданія «Историческихъ Пѣсней».

** *Gauetier.* «Всеобщая Географія. (Geografia powszechna).

то же знамя надъ своими произведеніями въ Галиціи и по его теоріи оказывается, что *Туране* начинались уже чуть не съ лѣваго берега Днѣпра вплоть до Москвы. Не говоримъ о болѣе мелкихъ явленіяхъ печати въ томъ же родѣ, со временъ Екатерины доселѣ, ни о той фалангѣ людей, порою весьма безпристрастныхъ, увлеченныхъ въ сторону подобнаго воззрѣнія ради авторитетовъ, въ странахъ современнаго Славянства.

Все это даетъ вопросу въ нашихъ глазахъ значительную важность, неоспоримую уже ради одного только періодическаго повторенія, ради именъ въ немъ участвующихъ и ради близкой къ намъ современности. Если въ немъ видную роль играютъ иногда политическія тенденціи и разсчеты, не справляющіеся съ наукой, то къ этому мы совершенно ровнодушны, полагая, что политика должна истекать изъ дѣйствительной жизни и истины, а не наоборотъ; самые «ужасные» выводы, разсчитанные на политику, нисколько насъ не пугаютъ и мы готовы въ ихъ адептахъ признавать всю искренность убѣжденія, всю готовность послѣдовать истинѣ, если она убѣдительна. Но когда подобные взгляды пролагаютъ себѣ путь въ серіозную науку или прикрываются «учеными изслѣдованіями», якобы несомнѣнными и безъ строгаго отчета въ ихъ результатахъ, безъ повѣрки, а по слуху или на слово; когда при этомъ выставляются quasi-«неопровержимыя» данныя этнографіи и этнологіи, антропологіи и археологіи, вообще же фигурируетъ «ученость» и «подлинная наука»; когда это не одинъ уже литературный очеркъ, не одинъ пріемъ публициста и намѣренный мотивъ политика: во всѣхъ этихъ случаяхъ мы, такъ сказать, чувствуемъ себя неловко, ибо по нашимъ крайнимъ убѣжденіямъ и доступнымъ свѣдѣніямъ здѣсь наука рѣшительно ни причемъ, всѣ мнѣнія основаны чисто на одномъ невѣдѣніи или недоразумѣніи, а самый простой взглядъ науки, самая азбука ея пріемовъ, ведутъ прямо въ сторону противуположную. Еще болѣе: мы сознаемъ уже свою обязанность и непремѣнный долгъ—войти въ разсмотрѣніе вопроса и по существу и по его притязательной формѣ. Мы это и сдѣлаемъ въ предѣлахъ и въ характерѣ статьи журнальной.

Есть еще одна важная сторона разбираемаго вопроса: онъ ведетъ прямо къ вопросу о такъ называемомъ «Монгольскомъ (у другихъ «Татарскомъ» или «Туранскомъ») игѣ», о нашихъ отношеніяхъ къ выходцамъ Азіи, къ нашимъ врагамъ или послѣдовавшимъ нашимъ пріемышамъ, о противодѣйствіи имъ, вліяніи на насъ или ассимиляціи съ ними, и все это съ древнѣйшихъ временъ отъ Гунновъ (или даже ранѣе) до новѣйшихъ Турокъ и Текинцевъ. Струя этихъ отношеній

и взаимодѣйствій протекаетъ всю нашу исторію и во многомъ ее условливаетъ. Разумѣется, кромѣ научнаго интереса «Русской исторіи», это отозвалось и отзывается на составѣ нашего народа, на складѣ общества и на строѣ государства; а далѣе уже на вѣрованіяхъ и преданіяхъ, на языкѣ и творчествѣ, на всемъ внѣшнемъ бытѣ до его послѣднихъ мелочей. Вездѣ здѣсь неотразимо важно знать и даже пользоваться знаніемъ, на сколько помянутыя отношенія, воздѣйствія, сліянія или отпоры тому были дѣйствительны, глубоки и сильны. Это очевидный уже переходъ къ *практикѣ* и къ *примѣненію* знанія.

Всякое знаніе и въ самой строгой наукѣ, ближе или дальше въ концѣ концовъ имѣетъ и обнаруживаетъ примѣненіе къ практикѣ жизни. Отстраняя въ этомъ родѣ политику, помянутую выше, въ данномъ вопросѣ мы указывали однако лишь только *ту* политику, которая своими разсчетами «простерта на насъ, въ нашу сторону», чтобы вредить намъ или, въ лучшемъ смыслѣ, установить правильныя отношенія къ намъ. Но есть же и должна быть, кромѣ того, политика *наша собственная* и не та одна, которая касается государственнаго устройства или дипломатіи, и не одна полиція (того же происхожденія), но и политика въ коренномъ смыслѣ—политическая жизнь *гражданъ* среди условій общественныхъ, и политическія отношенія къ *народу*, и отношенія *его самаго* къ *политическому бытію*. А здѣсь вопросъ о помянутыхъ сношеніяхъ, взаимодѣйствіяхъ и ассимиляціи—вопросъ важности первостепенной, *прямо, безъ посредства* дѣйствующій на ежедневную и обиходную практику жизни. Вопросъ о Туранствѣ и Монголизмѣ, о вліяніи его, объ отпорѣ ему или дѣйствіи на него, о чистотѣ или подмѣси народнаго состава, общественнаго склада и государственнаго типа, этотъ вопросъ тѣснѣйше связанъ съ *вопросомъ объ инородцахъ вообще*, стоящимъ на очереди со всею неотложностію. Всякіе Туране и Монголы не одиноки въ своемъ типѣ и въ исторіи столкновеній или жизни съ нами: многочисленными вѣтвями, чертами и постепенными переходами они непремѣнно связуются съ *инородцами прочими*, не Русскаго вообще или въ частности Азіатскаго происхожденія и типа, племени, нарѣчія и быта; эти послѣдніе въ большей или меньшей связи съ Туранами и Монголами, но также точно входили и входятъ въ нашъ составъ, складъ, строй и бытъ, положительно ли своимъ вліяніемъ и ассимиляціей или отрицательно—нашимъ противодѣйствіемъ, или наконецъ — положительнымъ воздѣйствіемъ на нихъ самихъ, со стороны силъ нашихъ, неизбѣжно отъ того напрягавшихся и формировавшихся такъ или

БИБЛІОТЕКА № Новгородсѣверск. Гимназіи

иначе. Между тѣмъ, не говоря здѣсь объ инородцахъ *европейскихъ* (гораздо болѣе съ родни намъ), ни объ *симитическихъ* (слишкомъ вліятельныхъ еврействомъ), ко всѣмъ *прочимъ инородцамъ*, какъ нарочно всего болѣе связаннымъ съ Туранствомъ и Монголизмомъ, напримѣръ къ разнымъ вѣтвямъ *Чуди*, мы стоимъ доселѣ болѣе, чѣмъ странно и въ знаніи и на практикѣ. Мы или эксплоатируемъ ихъ, подавляемъ и заставляемъ вымирать (какъ преимущественно въ Сибири), или допускаемъ ихъ эксплуатировать насъ самихъ (какъ частію въ Европейской Россіи), или вытѣсняемъ ихъ въ Азію, или теряемъ для себя отъ сліянія ихъ съ цивилизаціей сосѣдей Европейскихъ или портимъ ихъ, или не пользуемся какъ слѣдуетъ ихъ способностями и силами, или хладнокровно допускаемъ простыя наши массы поддаваться ихъ типу, или насильно руссируемъ ихъ, или грубо отталкиваемъ отъ себя, или безотчетно воспринимаемъ отъ нихъ въ себя самихъ худшее, не зная и не оцѣнивая лучшаго и т. д. Однимъ словомъ, мы и не *знаемъ* ихъ научно и практически, а въ то же время *игнорируемъ*, въ практикѣ ведемъ ихъ *куда-то* безотчетно, подчинены же имъ *безсознательно* и *пассивно*. Тутъ нѣтъ *мѣры силъ*, ни своихъ, ни чужихъ, а потому нѣтъ и *правильнаго пользованія* и должной *пользы* ни имъ, ни намъ. Все это можетъ продолжаться *такимъ путемъ* или должно кончиться дурно: а все это зависитъ отъ недоразумѣнія, далѣе отъ невѣдѣнія, au fond—отъ безучастія и отсутствія науки. Понятно, что мы всей душою желали бы возвысить посильный ея голосъ, пользуясь ближайшимъ случаемъ, чтобы по крайней мѣрѣ намѣтить и опредѣлить *существенныя черты* вопроса.

И этого мало. Съ вопросомъ объ инородцахъ неразрывно связанъ вопросъ и о *переселеніяхъ*, поставленный уже на очередь и, слава Богу, пущенный такъ или иначе въ ходъ. Мы не знаемъ еще хорошенько *состава* нашего народа, не вѣдаемъ въ точности и объ другихъ, *историческіе* ли они народы, съ извѣстнымъ достояніемъ и обязательностію своихъ задатковъ, или крупныя *племена*, или мелкія и низшія *расы*, или даже *дикія*; съ организованнымъ ли *языкомъ*, или съ *нарѣчіемъ* и *первыми* ступенями рѣчи. Естественно, мы не знаемъ и отъ того практически не можемъ съ правильностію рѣшить, *кого* намъ беречь, какъ свою основу, кого выводить, *каковы* ихъ историческія потребности и каковы *дѣйствительныя* средства для удовлетворенія, *куда* ихъ переселять, съ *какими сосѣдями* сводить, отъ какихъ удалять или предостерегать, однимъ словомъ, *какъ направлять* все это движеніе и какъ *фиксировать* осѣдлость. Мы въ этомъ дѣлѣ

совершенные младенцы: для нашего взора не только одинаковы Остякъ и Якутъ, Мордвинъ и Башкиръ, Осетинецъ и Калмыкъ, Черемисинъ и Татаринъ, Киргизъ и Тунгузъ, и т. д., но даже—увы—сверхъ мѣстности, податей и потребности въ пищѣ одинаковы намъ собственные крестьяне — Смолянинъ и Костромичъ, Новгородецъ и Калужанинъ, Малорусъ и Вологжанинъ, Тулякъ и Олончанинъ, и т. д. При переселеніяхъ, безъ знанія основъ и различій въ семъ дѣлѣ, какая путаница возможна, одинъ Богъ знаетъ: воображая оказать благодѣяніе, мы можемъ подсѣчь историческіе корни народности, перемѣшать и перебить разные типы, безъ нужды разложить одни, безъ пользы усилить другіе, лишиться лучшаго подъ руками, отдать надежнѣйшее подъ вліяніе враждебное, пополнить и возрастить элементы намъ враждебные, обезсилить и стѣснить присные. Никакія отвлеченныя воззрѣнія филантропіи, политической экономіи и администраціи тутъ не помогутъ: тутъ дѣло съ *жизнію и типами народонаселенія*. По счастію, сюда уже обращены взоры науки и, на сколько она доступна намъ, мы примѣнимъ ея данныя по поводу мнимаго Туранскаго «происхожденія Руси».

Размѣры журнальной статьи и, какъ кажется, первой въ этомъ родѣ, на ступени «опыта», не позволяютъ намъ ни вдаваться въ мелкія частности, ни расширять вопроса, и безъ того общаго, до «всеобщности». Мы обязаны прежде всего ограничиться значеніемъ *Турана* и *Туранства* въ примѣненіи къ вопросу о происхожденіи и историческому развитію *Русскаго народа*. Мы должны при этомъ указать только *ближайшихъ* къ сему дѣлу *инородцевъ* и роль ихъ относительно племеннаго состава, народнаго типа, вліянія на общество и исторію. Мы возьмемъ ихъ въ исторіи *давнихъ передвиженій* и съ истекающими отсюда *результатами*, которые самъ уже читатель легко выведетъ для практики *переселеній новѣйшихъ*. А чтобы избѣгнуть широты обозрѣнія въ самомъ началѣ, мы возьмемъ прежде *частный случай и поводъ*, отъ котораго уже *постепенно* войдемъ въ глубь нашего дѣла. Такимъ случаемъ и поводомъ, наиболѣе рельефнымъ, а потому и доступнымъ для всѣхъ, послужитъ намъ вышедшее нѣсколько времени назадъ сочиненіе *г. Сумцова*: «О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно Русскихъ» (Харьковъ). Существенное содержаніе и значеніе его мы разобрали критически въ №№ газеты «Русь». Но здѣсь есть еще отдѣлъ, который ищетъ, по означеннымъ обрядамъ, опредѣлить типъ *Русскій* (Великорусскій съ Бѣлорусскимъ) и *Малорусскій*, тѣмъ самымъ восходитъ къ происхожденію обоихъ, возводитъ читателя къ *происхожденію Руси вообще*, а на этомъ пути

сталкивается съ вопросомъ о *Туранствѣ* (и Монголизмѣ): ибо, какъ извѣстно, послѣдователи теоріи о семъ послѣднемъ, ставя Великую (и бѣлую) Русь въ ближайшее соотношеніе началъ съ Тураномъ, изъемлютъ отсюда *Русь Малую*. Г. Сумцовъ, какъ осторожный авторъ, не держится здѣсь воззрѣнія крайняго; но, предлагая факты, склоняющіе въ ту или другую сторону, вмѣстѣ съ симъ даетъ намъ самый лучшій *поводъ*, начать разсмотрѣніе нашего дѣла именно съ *свадебнаго обряда*, самаго характернаго для опредѣленія типа народностей и ихъ столкновенія.

I.

Старинная поговорка. — «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ или близокъ въ сношеніяхъ, и я скажу, кто ты таковъ», примѣняется къ данному вопросу въ такомъ видѣ: «скажите, какова у кого *свадьба* и какъ къ ней относятся, тогда мы рѣшимъ, *народъ* ли это, призванный жить исторически, или *племенная вѣтвь* и мелкая *раса*, въ *дикости* ли, или на ступени *кочевья*, въ переходномъ *дружинномъ* быту, или съ прочной осѣдлостью, земледѣліемъ и землевладѣніемъ, въ организаціи *народной* и на пути къ устройству самобытнаго *государства*. И это естественно: *свадьба* есть форма и выраженіе, обрядъ и главный актъ для началъ *брака*; бракъ есть основа и неизбѣжное условіе созданію *семьи;* семья есть твореніе, существенная принадлежность и отличительный признакъ организованной *народности*; народность вырабатывается вѣками и плодомъ ея—мировое явленіе, живое и обособленное существо *народа*, завершающаго свое призваніе въ жизни *политической*. Въ свадьбѣ выражается, запечатлѣвается и всѣмъ становится наглядна *исторія семьи*, со всѣми путями и періодами ея созданія, а вмѣстѣ и съ наличнымъ ея состояніемъ: кто семьи не создалъ, до нея не дошелъ или остановился на полудорогѣ, у того нѣтъ и непрерывной исторіи сему явленію, а слѣдовательно нѣтъ и выраженія полнаго—въ свадьбѣ. Но, какъ семья состоитъ изъ *членовъ*, такъ исторія ея вмѣстѣ есть исторія и выраженіе роли *отдѣльныхъ членовъ семьи*, въ дѣлѣ же брака, разумѣется, по преимуществу исторія *сына*—жениха и будущаго супруга, а еще болѣе, еще главнѣе,— исторія разныхъ образовъ и ролей *дѣвы* *). И въ исторіи самой семьи

---

*) Мы употребляемъ названіе — *дѣвы:* такова она у «подлинныхъ», «историческихъ» народовъ, со своимъ древнимъ, «божественнымъ», то-есть исконнымъ смысломъ и происхожденіемъ, какъ идеалъ, какъ *diva* (*дива* же и по произношенію многихъ Славянъ),—«божественная и дивная». Человѣческая же, по физиче-

на поприщѣ реальной дѣйствительности, и въ ея творческомъ выраженіи обрядомъ и словомъ свадьбы, одинаково обрисовывается и выступаетъ передъ нами яркій образъ «дѣвы», по всѣмъ ступенямъ развитія ея *собственнаго* и развитія *представленій* объ ней, какъ жила и живетъ она въ окружающей средѣ, какъ ее поставила и какъ понимаетъ самая среда; такой образъ есть вмѣстѣ очеркъ среды, симптомъ ея понятій и отличительный признакъ ступени въ развитіи. Здѣсь представляется намъ рельефно, во очію и въ слухъ: положеніе, значеніе и пониманіе *женщины* вообще, женщины «просто или всякой»; далѣе выработанная высокая роль и добытое сознаніе объ ея *началахъ* или идеалѣ, — въ замкнутости ключей дѣвства, недоступности, таинственности, важности, въ очарованіи и привлекательности, однимъ словомъ значеніе и роль *дѣвы*, какъ самобытнаго и, скажемъ, «спеціальнаго» явленія и существа въ мірѣ человѣческомъ (чего достигли далеко не всѣ расы и племена, въ чемъ достояніе «народовъ историческихъ»); потомъ (старше по ступени развитія и раньше другихъ фазъ) выступаетъ роль *сестры* — въ отношеніи къ брату, братьямъ и другимъ *сестрамъ*; за симъ опредѣляется значеніе *дочери* — предъ лицомъ отца и матери (опредѣлившихся, какъ извѣстно, столь же не скоро *поверхъ* физическихъ условій); послѣдуетъ участіе дѣвы, сестры и дочери во *воспитаніи* семейства, въ устройствѣ его и въ хозяйствѣ (каковы—уходъ за малолѣтными и старыми, привлекательность родинѣ, призоръ за домомъ и животными, заготовленіе приданаго и т. п.); появляется отношеніе къ *мужчинѣ* изъ иной семьи или другаго рода, выдвигающее *жениха;* обрисовывается положеніе *невѣсты*, во всѣхъ періодахъ до завершенія — *смотрѣнной*, *обытованной*, *суженой*, *сговоренной*, *зарученной*, *вѣнчанной*, и наконецъ *молодой* и готовой впереди *матери*, чѣмъ образуется уже *новая* семья, возрожденіемъ старшей, началомъ будущей. Такое дѣло и такая перипетія, раньше еще всякаго выраженія въ творчествѣ обряда и слова, въ обычаѣ и учрежденіи, на пути собственнаго развитія, а потомъ и въ выраженіи, въ признаніи основъ и цѣлей, въ актахъ, реализованныхъ народнымъ бытомъ и закрѣпленныхъ гражданскими узаконеніями, такое — говоримъ дѣло — создаваясь и развиваясь съ постепенностью и твердостью выдержки, какъ рѣшеніе существеннаго вопроса въ созданіи творившейся семьи и вмѣстѣ съ тѣмъ слагавшагося народа,—занимали они собою тысячелѣтія, волновали цѣлый міръ бурями

ской натурѣ и бытовая называется у нашего народа въ «производной» и «уменьшительной» формѣ—*дѣв-ица, дѣв-ушка.*

ожесточенной борьбы, огненными жертвами, кровавыми войнами, физическими насильствами и моральными страданіями; выстраданы въ смыслѣ собственномъ, взяты съ боя тѣми, кому суждено было явиться народами и занять передовое историческое мѣсто; оставили за собою другихъ, остановившихся на ступени племенной, закружившихся въ кочевьѣ, окаменѣвшихъ въ дикости, но мстившихъ, но всячески мѣшавшихъ передовымъ; сопутствовали всему ходу созрѣванія народности изъ племенныхъ вѣтвей, вошли во всѣ формы быта, въ творчество и языкъ, отпечатлѣлись во всѣхъ «вѣкахъ» Археологіи, отличили и обособили собою расы, выдвинувши народы, а изъ нихъ передовые; вмѣстѣ съ «народами» вывели за собою положительную исторію и цивилизацію, гражданство и политику; проникли насквозь всѣ религіозные культы, миѳы и поэтическіе образы; зашевелились въ зародышѣ между Тигромъ и Евфратомъ, разгорѣлись на Кавказѣ, сопровождали будущихъ индо-европейцевъ въ кочевьѣ по Ирану; съ мидо-персами и ихъ собратіями, послѣдующими представителями Европы, прошли по всей Малой Азіи, разрушили здѣсь культы древніе, несогласные съ ролью «Семьи» и «Дѣвы», создали новые, реформировали архаической Эллинизмъ и воздвигли Аѳину-Палладу, подняли Лаціумъ и Энеадовъ, Весту, Весталокъ и Римъ; ввели побѣдоносныя вѣтви зародившихся историческихъ народовъ въ обладаніе почвою Европы, съ кивотомъ «Семьи» въ средѣ дружинъ, со знаменемъ — *всѣ* со знаменемъ «Дѣвы» во главѣ.

Такой путь, даже въ «нынѣшней» наукѣ, какъ еще ни нова она въ вопросахъ «народныхъ», достаточно уже раскрытъ и ясенъ, обставленъ съ групированными фактами и памятниками, значительно изслѣдованъ, но, если кто другой, то Славяне всѣхъ больше повинны труду на этой благодарной почвѣ; они призваны прямо къ рѣшенію *остальныхъ*, сколько нибудь-темныхъ еще, сторонъ вопроса, недоступныхъ для иныхъ странъ и народовъ: именно—благодаря яркому и обильному свѣту Славянскаго *народнаго творчества*, разлитому по всѣмъ нашимъ памятникамъ—отъ летучаго преданія за тысячи опредѣлившихся словесныхъ формъ, до отвердѣвшаго обычаемъ, а потому стойкаго, но не менѣе живаго и жизненнаго обряда. Первѣйшія извѣстія о предкахъ Славянскихъ, еще подъ Кавказомъ, соединены уже со сказаніями о всякой роли, о цѣлыхъ сонмахъ дѣвъ-жрицъ и о полчищахъ дѣвъ «мужественныхъ», *муже-женъ* или такъ называемыхъ «Амазонъ»; * главныя рѣки старшихъ Славянскихъ поселеній

* Темное названіе это лучше всего объясняется Славянскимъ *Манъ-женъ*, (мал-женъ) (ман-желъ)—о соединеніи во едино мужщины и женщины.

рядомъ съ именами «женъ» и «матерей», носятъ уже на себѣ имя «дѣвъ» (напр. «Παρθενίος» у Енетовъ, «Гебръ» или «Марица» у Южныхъ Славянъ). Прошло нѣсколько вѣковъ—и тѣже сказанія, повторяемыя Геродотомъ, оживаютъ еще болѣе: въ Скиѳіи и Сарматіи, т. е. въ нынѣшнемъ южномъ краѣ Руси, по Дону и до Волги, образы передовыхъ дѣвъ запечатлѣваются въ металлѣ и въ живописи; половина Дуная—Истръ (древняя Астара), съ символомъ звѣзды и мѣсяца, олицетворенъ фигурою и именемъ дѣвы; жила тогдашней жизни, главная рѣка Славянскихъ разселеній.—Донъ-Истръ (Днѣстръ) освященъ тѣмъ же именованіемъ; изъ нѣдръ земли возстаютъ нынѣ произведенія, рукою Эллиновъ помогавшія Славянину выразить его любимый и верховный образъ; впервые зазвучавшіе звуки «Славянскаго» языка отождествили уже дѣву съ божествомъ, а въ божествѣ признали дѣвство (это—помянутая *дѣва* и *дива* какъ у Индусовъ и Литовцевъ «дѣва» и «dicwa-s», божество, у Италиковъ Diva и Діана, Діа у Эллиновъ). Начинаются передвиженія съ Дуная въ Карпаты, съ Карпатъ спускаются наши предки дружинами: и вотъ по обѣимъ сторонамъ волшебнаго и священнаго Волхова протекаетъ съ громкою славою рѣка «Дѣвина» (Двина, Παρθενίος Енетовъ), доселѣ у народа на всемъ Сѣверо-Востокѣ, и у Литовцевъ, и у Бѣлоруссовъ, слывущая «вѣщею дѣвою; тѣ же имена и символы при Винетѣ на Балтикѣ, и на Эльбѣ-Лабѣ, Дѣвѣ-Лебеди, бѣлой Лебеди. Сказки—мистеріи нашей доисторическій древности—сгруппированы вокругъ центральнаго образа Царь дѣвицы, Марьи—Маѳы—Елены бѣлой лебеди, повторяемой одинаково и въ эпосѣ; лучшій перлъ былеваго творчества—циклъ Микулы Селяниновича красуется строгою и одинаково нѣжною Настасьею, восторженной и драматическою Василисою; дѣвы—поляницы, дѣвы—богатыри, со своими бѣлыми шатрами, съ доспѣхами и побѣдами надъ страстью мужчинъ, покрываютъ какъ сѣтью Русскую землю среди эпической эпохи, уловляя и удерживая въ сѣтяхъ своихъ восхитительныя черты отдаленной старины; сквозь ту же сѣть замѣтно фильтрируется послѣдующая исторія, на глазахъ народа и творчества превращая поляницъ въ кроткихъ супругъ героямъ и въ полныхъ жертвы матерей героямъ—дѣтямъ; пѣсни семейныя и обрядныя (святочныя и и подблюдныя) возвышаютъ дѣву на престолъ нравственной власти, на треножникъ гаданій и вѣщаній, предоставляя ей вынимать жребій, творить судъ людской судьбинѣ, назначать суженыхъ. Проясняется ли положительная исторія (VII вѣка), олицованы дружины, колонизовавшія съ Татръ обширные края послѣдующаго Славянства, территорію «вторичныхъ» и обособившихся народовъ: и отъ Краковскаго

центра, отъ величаваго образа тамошней великодушной Ванды, на переходѣ къ лѣтописи, спускаются въ долины и равнины, въ челѣ дружинъ—какъ ихъ лучшее знамя и вѣрнѣйшій спутникъ, *невѣсты* Славянскаго союза, прототипы будущихъ семей земли Русской, Чешской и Сербо-Хорватской,—это наша Лыбедь (таже Лебедь) съ послѣдующей подобной Ольгою, Кася—Тетка и Любуша на западъ, Туга и Вуга (Волга) на югъ. На зарѣ исторической жизни, прелестнѣйшій цвѣтъ народной поэзіи и вдохновеннаго слова у Чеховъ («Судъ Любушинъ») не рисуетъ еще князя въ челѣ земли, пересозданной для политическаго бытія, но застаетъ уже во всемъ блескѣ дѣву: Любушу княжащую Любушу, правящую единственно силою чистоты и цѣльности бытія, Любушу судію, вѣщательницу, вождя сеймовъ, окруженную сонмомъ дѣвъ, столь же вѣщихъ, древними символами—огня и воды, скрижалями Славянскихъ законовъ съ «правдою по закону святу». Послѣднее слово этой поэмы есть тотъ знаменательный подвигъ, съ которымъ, не сведенная и не низложенная, *сама* Дѣва, силою сознанныхъ требованій исторіи, сходитъ добровольно съ исконнаго престола своего и предоставляетъ его *князю*—своему жениху и будущему супругу. Слѣдомъ затѣмъ, долгая и мятежная борьба народныхъ стихій, искавшихъ выхода къ опредѣленной практикѣ жизни, въ послѣдній разъ изображаетъ намъ остатки дѣвъ въ «дружинныхъ полчищахъ», ихъ крайнія усилія самозащиты и крайности самовластія, горячіе порывы вернуть старину и окончательное украшеніе дѣвъ-амазонокъ: и былины, и первыя страницы лѣтописи (Далимилъ, Косьма), посвященныя этимъ эпизодомъ, закрываютъ отъ насъ завѣсою переломъ вѣковъ переходныхъ. Когда завѣса приподнялась снова, на сценѣ является ясная, простая и даже обиходная, будничная дѣйствительность народа, съ его земствомъ и общинами, съ городами и бытіемъ политическимъ, съ семьею, съ пѣснями «житейскими» и обрядомъ. Казалось бы,—минувшее исчезло навсегда, былое поросло одной былью и много—если уцѣлѣвшими былинами: нѣтъ, самое христіанство, воспринятое въ началѣ же исторіи, съ его высокимъ идеаломъ, сочетавшимъ «дѣву» и «матерь», не повредило давнимъ народнымъ основамъ, не антиквировало сущности въ идеалѣ языческомъ, напротивъ помогло только глубже сознать, понять и яснѣе выразить. И точно, въ эту пору, уже христіанскую и историческую, наступающій періодически среди семьи и народа моментъ *дѣвицы на возрастѣ*, повторяемая въ сей средѣ эпоха *невѣсты* и *свадьбы*—воскрешаетъ съ неудержимой властью духъ прошедшаго, величіе и красоту, жизнь и мысль минувшаго: не какъ исчезшаго и про-

павшаго, какъ основъ народнаго бытія, по требованью минуты снова возстающихъ къ жизни, къ дѣйствію, къ торжеству и празднику. Въ чемъ и какъ это выражается, сейчасъ очертимъ вкратцѣ.

Все что̀ есть лучшаго, нажитаго народомъ, все возбуждено и стекается къ помянутому центру, группируясь вокругъ руководной идеи: глубочайшій смысломъ и разнообразный перипетіями обрядъ, роскошное его убранство, широта пира, какая только доступна земле-владѣльцу и земледѣльцу, самая драматическая пѣсня, самая выразительная рѣчь въ тысячѣ условныхъ, издревле идущихъ и наслѣдованныхъ, формулъ, трогательнѣйшія мелодіи, массы переливовъ, оттѣнковъ и мелкихъ узоровъ въ нарядной и цвѣтистой обстановкѣ. Всматриваясь и вслушиваясь, видимъ и слышимъ, что совершается по истинѣ какое-то *таинство*, и не даромъ христіанство, принявъ его изъ вѣдѣнія язычества, признало въ немъ «таинство» брака: не совершается таинство не молчаливо, не въ нѣмомъ дѣйствіи обряда, а до внутреннѣйшей глубины высказано, выговорено, пропѣто, такъ что всякій приглашается къ разумѣнію. Выговаривается и поется слѣдующее. Та, которая была прежде на престолѣ или на горней вершинѣ земнаго міра (и въ обиходной жизни отъ того живетъ «на вышкѣ, въ горницѣ»),—дѣва сходитъ съ высоты, покорная «волѣ батюшки», ласковому увѣщанію матушки, голосу пришельца—какъ призыву будущности. Та, которая судила, была «дѣвою судною», подавала другимъ жребій изъ суда своего (изъ *со-суда*, вмѣщавшаго въ себѣ судъ и жребій по смыслу слова), получаетъ теперь жребій и на свою долю: и ей самой, какъ поетъ пѣсня, «къ суду пришло», и надъ ней повисъ роковой приговоръ, и ей сужденъ суженый, и ей—дотолѣ свободнѣйшей всѣхъ—паряженъ нарядъ, другъ и будущій владыка ряженый. Обречена она уговоромъ и заручена въ жертву: но, сверхъ того, должна *сама*, добровольно, личнымъ актомъ воли, подтвердить слово сговора, подать руку заручennому—обручнику, клятвою личнаго обѣта закрѣпить обѣщанія сторонъ, свѣщавшихся о судьбѣ ея. Ей предстоитъ жертва—въ честь союза, народомъ выработаннаго и установленнаго, на благо узъ, связующихъ самый народъ, въ честь семьи родной и на благо семьи новой: она должна принести жертву—самой собою, лицомъ и особою: собственной честью, чистотою, невинностью, стыдливостью; должна пожертвовать утраченной и оставляемой позади «лаской батюшкиной, нѣгой матушкиной», любовью братской, дружбой подругъ, привѣтомъ рода; эта жертва и далеко впередъ—на физическія муки и нравственныя тревоги, на заботы и труды новаго дома. Кто виноватъ здѣсь? *мы* можемъ понять, что виновна

исторія,—виновно явленіе міровое, сложившійся народъ и созданная имъ семья. Но лицо, обреченное на жертву, теряется въ догадкахъ личныхъ и останавливается на одномъ: невѣста признается передъ всѣми, что *виновата сама она*—своимъ возрастомъ, красотою, приманкою прелести, очарованіемъ, которое прежде въ рукахъ ея казалось всесильными, покоряющими чарами; виновата чувствомъ любви, простертымъ въ мірѣ, зашевелившимся въ личномъ сердцѣ; она, какъ поетъ пѣсня «сама наложила руки на себя и на свою голову», какъ возлагалъ руки жрецъ на облюбованную богами жертву. Сочетаніе силъ міровыхъ и законовъ народныхъ съ самыми рѣшительными актами личной воли. Еще слава Богу, что въ туманномъ гаданіи проносится утѣшеніе и проясняется будущее до непреложнаго пророчества; что честь возвратится сугубо въ почетной роли супруги и матери, что жертва окупится священнымъ долгомъ и законнымъ счастіемъ, но отъ того не легче для текущей минуты: гроза и туча надвигаются встрѣчу; «уже сажаютъ, уже везутъ, уже ставятъ къ вѣнцу,» повторяется вокругъ; въ трепетѣ и слезахъ-живая, невинная, добровольная мученица всесильной натуры и историческаго прогресса. Подняты высоко чувства, мысли и рѣчи всѣхъ присутствующихъ: не даромъ Германцы назвали свадьбу *Hoch zeit*,— «возвышенное время, величавый моментъ.» Кругъ дѣвицъ—подругъ, какъ *хоръ за всѣхъ* въ смыслѣ классическомъ, какъ лицо жизни всеобщей разсказываетъ въ пѣсняхъ о совершающемся, рисуетъ прошлое, выражаетъ участіе современное, предвѣщаетъ будущее и въ послѣдній разъ провожаетъ члена дѣвической судьбы своей на судьбу новую. Подлинное таинство изъ таинствъ, драма изъ драмъ: торжество жизни текущей, зеркало доисторической, завѣтъ будущей. Не одни здѣсь слезы и поцѣлуи окружающихъ, не одни ихъ рѣчи, причитанья и пѣсни: изъ глубины доисторической притекаетъ сюда вся религія язычества, пытаясь обмѣномъ идей сочетаться съ христіанствомъ; встаютъ образы миѳологіи, оживаетъ наслѣдство вѣковаго творчества; со дна племенной и народной жизни, изъ основъ представленій и изъ давнихъ стихій языка, всколыхнувшись, бьетъ волна какъ текущая дѣйствительность: съ яркостью отражаетъ она и прозрачное дно, и на поверхности своей окраску отъ явленій современности.

Нужно только дивиться, какъ весь этотъ, широкій, величавый, прекрасный и громкій міръ Европейская цивилизація свела въ скорлупу, засушила безумнымъ парадомъ, лишила слова, мелодіи, музыки и всего творчества, обнажила отъ драматическаго дѣйствія, упростила простотою физическихъ матеріальныхъ условій и коммерческаго дого-

вора, а юрисдикція перевела на листъ бумаги съ нѣсколькими чернильными строчками. Но еще удивительнѣе, какъ мы сами у себя не знаемъ своего наслѣдія и богатства, игнорируемъ совершающееся, не изучаемъ уцѣлѣвшее въ тысячѣ памятниковъ живыхъ; какъ изучая при случаѣ, мы бѣдны мыслію и пониманіемъ, довольствуемся жиденкою книжкой, срисовываемъ въ нее значки и буквы исторической жизни, кое-какія формы обряда и кое-какія толкованія изъ сочиненій нѣмецкихъ «спеціалистовъ».

Между тѣмъ, отступая отсюда хоть на минуту, задаемся вопросомъ: очерченное нами вкратцѣ, въ двухъ-трехъ чертахъ изъ милліоновъ, и какъ явленіе дѣйствительности, и какъ выраженіе въ словѣ, пѣснѣ, музыкѣ, обрядѣ и цѣлой вереницѣ образовъ, а наконецъ, какъ пониманіе, отсюда же истекающее, какъ связь идей, условленная этими фактами,—*существуетъ* ли все это или хоть *возможно* ли въ мірѣ Туранскомъ и Монгольскомъ, какъ бы широко мы ни представляли его? Конечно нѣтъ, неизвѣстно тамъ или проникло туда въ самомъ лишь грубомъ видѣ, въ извращенномъ смыслѣ или въ формѣ займа и подражанія. Міръ Аріискій, міръ Индо-европейскій, міръ «историческихъ—народовъ» всегда былъ въ данномъ случаѣ богатъ и полонъ, развѣ только *утратилъ* изъ наслѣдства средп теченія политическихъ водоворотовъ на западѣ Европы; у насъ же, Славянъ и Русскихъ, доселѣ *сохранилъ* достояніе, во всемъ еще обиліи и разнообразіи, также постепенно утрачивая, но *далеко еще не утративъ*. По одному уже этому, какое же Туранское *вліяніе*, а тѣмъ паче *происхожденіе*? но пойдемъ далѣе.

Изъ предыдущаго ясно, какъ важны всѣ *подробности* «свадьбы», въ обширномъ, означенномъ выше, объемѣ: нѣтъ мелочи, которая не имѣла бы глубокаго значенія для исторіи женщины и особенно дѣвицы, для разъясненія, какъ слагалась семья, творился народъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ рисуется характеръ Индо-Европейцевъ, въ частности же Славянъ и Русскихъ, существенно отличный отъ Туранизма и Монголизма. Потому мы очень рады помянутой книгѣ г. Сумцова: она посвящена именно древностямъ, на которыхъ остановимся и мы, извлекая постепенные выводы для нашего главнаго вопроса.

Къ сожалѣнію и эта книга, и всѣ помянутыя сочиненія подъ вліяніемъ одного направленія указываютъ на знаніе положительной или лѣтописной исторіи, на чтеніе письменныхъ и печатныхъ памятниковъ, но вмѣстѣ обличаютъ слишкомъ недостаточное знакомство съ *бытомъ* и *складомъ* народа, и наличнымъ, и въ доисторической судьбѣ его постепеннаго созиданія, однимъ словомъ—съ Этнографіей и Этно-

логіей, опирающихся на Археологію. Съ другой стороны, при сличеніи съ другими народами и племенами, особенно же съ Туранцами и Монголизмомъ, фигурирующими всего болѣе, знаніе оказывается еще скуднѣе: оно не держится даже вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ, не прибѣгаетъ къ нимъ, а довольствуется легкими отзывами, кое-какими воспоминаніями изъ чего-то читаннаго, нѣсколькими выдержками и цитатами изъ популярныхъ и ходячихъ сочиненій» да «общимъ мнѣніемъ», безотчетно сложившимся въ убѣжденіе. И это простирается одинаково на сужденія всѣхъ нашихъ писателей не-спеціалистовъ отъ г. Стасова до гг. Кавелина и Кулиша. Имѣя дѣло съ г. Сумцовымъ, мы одинаково отвѣчаемъ и имъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ мы вызваны указать нѣкоторыя черты, изъ быта или склада помянутыхъ народовъ и племенъ, утвержденныя современною наукою до оксіомы.

Наконецъ, теорія «Туранизма» имѣетъ тотъ существенный признакъ, что совершенно выдѣляетъ изъ сей «заразы» *Малую Русь*, и по происхожденію, и по вліянію на нее, обрушивая всѣ потоки гибельнаго источника на *Русь Великую*, вмѣстѣ или отчасти съ *бѣлою*. Это оказываетъ неотразимое воздѣйствіе на писателей и ученыхъ изъ *Малороссовъ*; что заставляетъ одинаково и дѣтей нашего Сѣвера, и Востока, «огораживать», «защищать» и «устранять» съ опаснаго поля изслѣдованій «неповинную и безучастную въ Турано-Монгольствѣ Малороссію. Сохрани насъ Богъ усматривать здѣсь вѣяніе какого-то «сепаратизма», самое предположеніе и имя котораго становится нынѣ гнусно или пошло. Всякій долженъ любить свой край, отстаивать его рѣчь, плѣняться его звуками и образами, дорожить его исторіей, поддерживать самостоятельное развитіе его народныхъ основъ; а со стороны, не принадлежа къ этому краю по рожденію, всякій можетъ и въ правѣ отдавать ему предпочтеніе, въ извѣстныхъ отношеніяхъ и на твердыхъ опорахъ убѣжденія. Мы первые тому сочувствуемъ, всего менѣе склонны здѣсь къ какому либо пристрастію: нѣтъ дѣла никому до нашихъ предковъ (которые однакоже принадлежали Галичу и Волыни); солидарность же нашихъ интересовъ съ *Южнымъ Русскимъ краемъ* свидѣтельствуется уже тѣмъ, что мы посвящаемъ ему настоящіе труды, а можетъ статься и послѣдніе годы. Вообще работы наши «на Славянъ» и «для Славянъ» обезпечиваютъ намъ мирное гражданство въ каждомъ «Славянскомъ» уголкѣ, не говоря уже о «Русскомъ» какой бы то ни было вѣтви. Потому, между прочимъ, мы наиболѣе горюемъ и досадуемъ даже, когда писатели изъ Малороссовъ недостаточно изучаютъ свой край, а сторонники ихъ съ Сѣвера и Востока не доказываютъ своего участія вниманіемъ и

трудомъ изслѣдованія *). Но тѣмъ больше, гдѣ явно нарушается безпристрастіе, по невѣдѣнію или предубѣжденію и въ явной ущербъ наукѣ, гдѣ незаслуженно несетъ упреки Русь Великая съ бѣлою, а предпочтительныя достоинства Руси Малой не утверждаются на точномъ знакомствѣ съ ней, притомъ гдѣ это клонится не къ теоріи Туранизма,—тамъ мы обязаны возстановить *равновѣсіе сторонъ*: именно для главной нашей цѣли, чтобы опредѣлить мѣру вліянія Туранизма на ту или другую сторону, и способность сторонъ къ воспринятію вліянія, и пассивность ихъ или энергію и отпоръ. Мы и начнемъ съ выписки такихъ «щекотливыхъ» мѣстъ изъ книги г. Сумцова: мелочи лучше всего доведутъ насъ до крупнаго (но мы здѣсь не будемъ повторять того, что высказали уже въ рецензіи на книгу, въ газетѣ «Русь»).

Такъ у автора мы встрѣчаемъ положеніе, что въ Малорусскихъ свадьбахъ и въ сопровождающихъ ихъ пѣсняхъ «оказывается болѣе *простоты и естественности*» (стран. 175), а нѣсколько выше высказана аксіома: «Хотя во всѣхъ Славянскихъ свадьбахъ много языческаго, древняго, свадьба южно—Русская отличается *особенной цѣльностью*» (стр. 5). Кромѣ голословности такихъ завѣреній, кромѣ того что авторъ не цитуетъ и видимо не знаетъ ни всей массы Великорусскихъ свадебныхъ пѣсней, ни самихъ свадебъ, совершаемыхъ во многихъ областяхъ Великорусскихъ съ такою торжественностью и цѣльностью, которая далеко оставляетъ за собою нынѣшнюю Малороссію, въ приведенныхъ аксіомахъ явное противорѣчіе, ибо напр. «особенная торжественность» обряда конечно уже исключаетъ «простоту». Но промахъ болѣе увеличивается, когда преимущество свободы Малорусской, выражаемое «простотою, естественностію» и «цѣльностью», и «истекающее по мнѣнію автора изъ остатковъ «язычества и древности», въ то же время противуполагается свободѣ *Великорусской*, между тѣмъ какъ на тѣхъ же страницахъ у автора начало свадьбы (восходящее слѣдовательно къ язычеству и древности), свадьбы «*въ особенности Великорусской*», отличается *грубою первобытностью*.

---

*) Когда наприм. г. Сумцовъ, распространяясь о «солнечномъ культѣ» и «лунѣ» въ ихъ вліяніи на Русскую свадьбу, забылъ (и это лучшее предположеніе) отмѣтить и выставить «Малорусское значеніе имени *луны*—какъ «отраженія» и «отзвука» (сколько бы онъ выигралъ отсюда результатовъ для характеристики отношеній дѣвы къ женѣ, невѣсты къ жениху, жены къ мужу!); или когда типическое *тильце*, играющее передовую роль въ Малорусской свадьбѣ, онъ во всей книгѣ называетъ почему-то *вильце* (срубленное дерево, Шѳменк. *Holz*), поправляясь только (почему?) въ прибавочныхъ «положеніяхъ».

Первобытность въ данномъ случаѣ, появляющаяся «въ началѣ», прямо изъ эпохи язычества и древности», она и есть конечно ничто иное, какъ «простота и естественность». А всего рельефнѣе тотъ примѣръ, что авторъ, руководясь въ результатахъ лишь памятниками изданными и пѣснями отпечатанными, но пропуская здѣсь не только массу свѣдѣній и описаній, помѣщенныхъ въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и подобныхъ источникахъ, не зная даже такого изданія, какъ «Веселая Эрато на Русской свадьбѣ» (1800 г.), пользуется самыми пѣснями такъ, что печатаетъ: на деревѣ кипарисовомъ заморскія пташечки «поютъ *Ростовскія* пѣсни», вмѣсто «*райскія*» (стр. 178). Какъ же при такомъ обращеніи съ источниками, даже не *посмотрѣвъ* свадебъ Великорусскихъ и не *послушавши* ихъ пѣсней на мѣстѣ (а въ этомъ авторъ долженъ сознаться и на это даже не претендуетъ), рѣшаться на предпочтеніе мѣстному родному краю и на смѣлый укоръ другому?

Слѣдующіе за тѣмъ выводы автора ближе къ фактамъ, касаются прямо *частностей* и *дробностей*, а потому намъ легче и скорѣе можно ихъ провѣрить. Такъ (стр. 25) читаемъ, что «въ Великой Россіи *родительскій произволъ* господствуетъ еще *неограниченно*, и невѣста *продолжаетъ* призывать Бога *судьей* надъ ея отцомъ и матерью, *приневолившими* ее выйти за мужъ.» Явленіе, конечно, нехорошее и дѣйствительно кое-гдѣ замѣчаемое за послѣднее время: но вопервыхъ какъ *частный случай* и *исключеніе*, вовторыхъ какъ естественное послѣдствіе *огрубѣнія народа*, спущеннаго *въ низшій классъ* и вѣка два *закрѣпощеннаго*, лишеннаго долго существеннаго права, пособія цивилизаціи, средствъ жизни, школъ грамотности и т. д.,—все очень хорошо извѣстное. Еслибы народъ былъ только *предоставленъ самому себѣ* и *безъ государства* (какъ напримѣръ это было у южныхъ Славянъ, гдѣ конечно нельзя же считать «государствомъ» владычество наѣзжей орды въ теченіе 400 лѣтъ), такой порчи не могло бы произойти: въ государствѣ же, рядомъ съ народомъ, почти всего лишеннымъ, стояли классы все получавшіе, а народу даже не «дозволялось» оставаться самимъ собою, въ него вторгались формы и силы, разъѣдавшія его бытъ и самое существо. Очевидно, что въ первомъ отношеніи случай возможенъ всюду, не исключая и Малороссіи, во второмъ отношеніи порча одинаково простиралась и на нее. Между тѣмъ, какъ видите, авторъ совсѣмъ напротивъ, явленіе и случай возводитъ въ «господство» и притомъ «неограниченное», съ прибавкою «сице» и съ замѣчаніемъ, что протестъ угнетенной дочери «продолжается», стало быть начало явленія возводится къ самой древности и оттуда истекаетъ какъ послѣдствіе. Это и значитъ преувеличивать, «разду-

вать и прибѣгать къ такъ называемому «petitio principis». Понятно, что доказательствъ на такой пріемъ уже не подберешь: изъ области подробностей и частностей, куда онъ устремился, возвращается онъ къ огульному положенію и общему мѣсту. Къ сожалѣнію авторъ не остановился и на этомъ, онъ опять спѣшитъ противуположить Малороссію: «Въ *настоящее* время въ Малой Россіи за дѣвушкой *признаютъ право* выбора мужа». Очень характерно это выраженіе—«въ *настоящее* время:» а въ прошлое, стало быть, участь родительскаго произвола простиралась и сюда? И спаслась и усовершенствовалась малорусская народная сфера, благодаря помянутой цивилизаціи и мѣрамъ государственнымъ? Въ числѣ этихъ же благодѣтельныхъ причинъ состояло конечно и отношеніе къ малорусскому парѣчію, на что и по справедливости жалуются тѣ же писатели изъ Малороссовъ? Такъ малѣйшая линія «фалышиваго» направленія ведетъ въ громадный уже уголъ зрѣнія, одинаково невѣрный. Излишне прибавлять, что авторъ въ подтвержденіе не выставилъ фактовъ, взятыхъ изъ личнаго изслѣдованія на мѣстѣ. Относительно Великой Россіи, основаніемъ указываетъ онъ «протестъ» дочери, взятый изъ пѣсни: а пѣсня эта извѣстная,—«Богъ судья родителю—матушкѣ, отдаютъ меня зеленую, незрѣлую, не дали пожить мнѣ подъ кровомъ родительскимъ, развѣ не слуга я была, не послушная работница» и т. д., и т. п. Протестъ сосредоточенъ на *рано*. Онъ самъ доказываетъ *прежнее житье у родителей въ холь*, самъ *жалѣетъ* о выходѣ изъ роднаго дома, вовсе не рисуетъ тамъ *произвола*, въ сущности выражаетъ помянутый трагизмъ *всеобщаго* положенія невѣсты, которой не легко же видѣть въ себѣ обреченную жертву и позволительно, осматриваясь отыскивать ближайшихъ виновниковъ; въ этомъ исканіи онъ упрекаетъ обыкновенно и брата, что не удержалъ, и подругъ, что выдали, однимъ словомъ—все окружающее, отнюдь не запятнанное «неограниченнымъ произволомъ;» кончается же онъ обычно низкою и смиренною *благодарностью* всѣмъ; кончался такъ въ *пѣснѣ* и *обрядѣ*, а помимо того, и прежде обряда съ пѣснею, невѣста уже объявляетъ свое «добровольное согласіе», и послѣ подтверждаетъ его въ публичномъ актѣ при вѣнчаніи. Что же касается до Малороссіи, то авторъ какъ будто забылъ слѣдующія выраженія ея пѣсней: «Алесь ми мовилъ, та мої любый батейко, що мя не дашь видъ себе, а ты мя даешь, видносагаешь, долейки не осуждаешь;» или въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «техническое» названіе родителямъ «преданьци,»—предатели съ картиною: «Не сила сьмо пили, Марисю сьмо пропили, за кварту горилки позбыли сьмо дивки... Пропила мати дочку на солодкимъ медочку: было

меду не пити, та дивкою робити» (Галицкія). Неужели мы, по способу автора, будемъ выводить отсюда, что въ малорусскомъ народѣ, при томъ у вѣтви удаленной отъ заразы великорусской, дѣйствительно родители всѣ издревле *предатели* и *пропиваютъ* дочерей?

Предыдущія положенія авторъ старается еще *усилить* развитіемъ. Оказывается (стр. 32, 33), что въ Великой Россіи бракъ совершается «въ формѣ *исключительно родительскаго уговора*;» а «въ Малороссіи получило *полное* право гражданства и *всеобщее* распространеніе—заключеніе бракосочетаній *по взаимному договору самихъ брачущихся*». Разумѣется, памятниковъ и актовъ такому уговору и договору, одному гибельному, другому спасительному, авторъ опять не приводитъ и не цитуетъ; обрядъ и пѣсни изъ одинакаго корня славянской народности; источникъ нравственной порчи и возможность случайности простирается на оба края въ мѣрѣ равной; лѣтописи; какъ извѣстно, по вопросу браковъ, отзываются *гораздо хуже* о жителяхъ края южнаго и Кіевской области, умалчивая о подобныхъ явленіяхъ у Новгородцевъ, Псковитянъ, Тверичей, Смольнянъ и т. д., въ наличной современности не оказывается ни на Сѣверо-Востокѣ чего-либо въ родѣ «исключительнаго уговора родителей», ни на Югѣ и Югозападѣ—чего-либо «договорнаго» въ смыслѣ техническомъ между брачущимися «безъ всякой зависимости отъ свободы отъ родителей». Стало быть и здѣсь «положеніе» ученаго превращается опять въ «общее мѣсто». Потому не имѣя серіозной опоры; но по требованію ученой добросовѣстности, авторъ какъ бы безсознательно, тутъ же, въ числѣ перипетій брачнаго обряда помѣщаетъ: «спрашиваніе жениха и невѣсты *ихъ родителями* или сватами *о согласіи на вступленіе въ бракъ*», а за симъ женихъ и невѣста *изъявляютъ согласіе* послѣ *продолжительнаго*, въ *присутствіи гостей*, смотрѣнья другъ на друга»... Какого нужно еще больше *согласія*, гдѣ же меньше *неограниченнаго произвола родителей* и *исключительнаго* ихъ уговора? Тутъ и намѣренное спрашиваніе и свидѣтели отвѣта, и продолжительность обсужденія рѣшенію, и досугъ на рѣшимость. И, любопытно, авторъ все это находитъ «во многихъ мѣстахъ Россіи, въ губерніяхъ Вятской, Ярославской, Орловской, Вологодской» (онъ не заглянулъ еще, хотя по печатнымъ отзывамъ, въ Олонецкую, Архангельскую, Пермскую, Нижегородскую и т. д.). Но авторъ спѣшитъ и здѣсь ослабить силу факта тѣмъ, что спрашиваніе и согласіе «обрядовое», т.-е. какъ бы фиктивное, не отвѣчающее правдѣ жизни. Позволимъ себѣ выразиться, что это недостойно изслѣдователя, посвятившаго цѣлую книгу «обрядамъ»: послѣ того и подпись «брачнаго обыска», и «церковная

формула» съ произнесеніемъ согласія, и всякій гражданскій бракъ при свидѣтеляхъ съ нотаріемъ, все это можетъ быть подтасовано, фиктивно, для одного лишь «внѣшняго обряда», въ сущности же и дѣйствительности по всей Европѣ царствуютъ неограниченные произволы родителей, исключительныя ихъ сдѣлки промежъ себя, примучиванье дочерей и т. д. Тогда Великая Русь по крайней мѣрѣ не хуже всѣхъ другихъ, въ уровень съ лучшими.

Первый случай, гдѣ г. Сумцовъ заговорилъ нѣсколько опредѣлительнѣе, стараясь высвободиться изъ огульныхъ приговоровъ и общихъ мѣстъ, это вопросъ—одинъ изъ главныхъ въ свадьбѣ—о *вѣнкѣ* или *вѣнцѣ*. Свадебный вѣнокъ, какъ символъ чистоты и невинности невѣсты, а вмѣстѣ знакъ лучшихъ нравовъ и понятій играетъ весьма важную роль; примѣненіе его къ «дѣвѣ» несравненно шире самой свадьбы, означая и нравственно, и даже физически, «замкнутость существа», тѣсныя узы *одной* семьи, которыя порываются бракомъ лишь для *другой новой*; а въ остальной народной жизни, для выраженія ея *союзовъ, общины* и тѣсной *связи членовъ*, употребленіе еще того обширнѣе. Но авторъ и здѣсь, въ силу извѣстнаго намъ направленія, торопится прибавить, что свадебный вѣнокъ «встрѣчается у Западныхъ и Южныхъ Славянъ (подразумѣвая Малороссію) *чаще и съ большей торжественностью*, чѣмъ у Славянъ Сѣверо-Восточныхъ» (т. е. Великорусскихъ, стр. 82 — 84), а немного спустя (86), на основаніи этихъ словъ, какъ будто уже *доказанныхъ*, доводитъ положеніе свое уже до крайности, увѣряя, что «у Великоруссовъ вѣнокъ, *какъ уже было выше замѣчено*, встрѣчается *очень рѣдко* (не просто «рѣже», въ соотвѣтствіе «чаще»). Не довольный однако и этимъ, онъ ослабляетъ у Великоруссовъ роль народнаго вѣнка тѣмъ, что здѣсь господствуетъ вѣнецъ *церковный*, который, еще болѣе, въ Костромской какой-то пѣснѣ будто бы «знаменуетъ *тяжелую жизнь*», а по Олонецкой «подъ вѣнцомъ *голова болитъ*». Такъ шагъ за шагомъ, благодаря ошибочному толчку въ направленіи, растетъ предположеніе до аксіомы и оставляетъ наконецъ Великую (и бѣлую) Русь съ головною болью, съ тяжестью брака, подъ знакомъ обряда церковнаго и съ утратою символа народнаго. Увы. Начать съ того, что храмовые вѣнцы, отъ массы и украшеній, бываютъ иногда въ дѣйствительности такъ тяжелы (и чѣмъ богаче приходъ, тѣмъ тяжелѣе), что породили необходимость держать ихъ мужчинѣ надъ головою невѣсты, и это именно чаще въ Великой Руси, обладающей богатствомъ церковной утвари несравненно больше, чѣмъ гдѣ-либо въ Малороссіи. Но это же дало поводъ и народнымъ воззрѣніямъ, въ пѣсняхъ *позднѣйшихъ*, пріурочить сюда сим-

волическп *тяжесть положенія невѣсты*, достаточно уже намъ знакомую: тяжесть момента, переломъ жизни, нравственную и физическую жертву, предстоящія для супруги и матери труды и страданія. Еще любопытнѣе, что въ Малороссіи (и особенно въ Галиціи и у прочихъ вѣтвей народности внѣ Русскаго государства), гдѣ нѣтъ и богатства утвари церковной, и приданое у простаго народа гораздо бѣднѣе предметами наряда или уборовъ (больше только скота, хлѣба и т. п.), и вѣнокъ «искусственный» не составляетъ вовсе принадлежности семейной укладки *), по мѣрѣ оскудѣнія въ сихъ отношеніяхъ воспользовались богатствомъ — сравнительнымъ — *природы внѣшней, Юга*: именно, тамъ господствуетъ вѣнокъ *изъ зелени и цвѣтовъ*, постепенно смѣняемый—для нѣкоторыхъ временъ года и для городовъ—вѣнкомъ изъ *дѣланыхъ*, обыкновенно *очень плохихъ*, цвѣтовъ (бумажныхъ); тоже самое находимъ и далѣе по направленію къ *Западу*, гдѣ Славянство не имѣетъ роли передоваго народопаселенія, бѣднѣе въ простомъ народѣ, сдавлено Католицизмомъ или совсѣмъ обнажено отъ народныхъ обрядовъ Протестантствомъ, а природа внѣшняя опять благопріятнѣе для зелени и живыхъ цвѣтовъ. Вотъ что и принялъ авторъ, совсѣмъ въ противуположность дѣйствительности, за выраженіе богатства и торжественности, за прямое наслѣдство особенной древности, за вѣрность народному типу. Между тѣмъ, разумѣется, употребленіе зелени и цвѣтовъ затруднительнѣе на Сѣверѣ, особенно на крайнемъ или въ степяхъ Востока: тамъ иногда и вовсе нѣтъ ихъ, и ни за что не достанешь, преимущественно въ главную, осеннюю и зимнюю пору свадебъ; и это конечно дѣлитъ отъ Малороссіи, гдѣ, напримѣръ, нынѣшній годъ въ августѣ и сентябрѣ «вторично» расцвѣли цвѣты по майскому, а Западные успѣваютъ даже надѣлать изъ нихъ вѣнковъ и заготовить на осень, на зиму, сухими, безъ потери цвѣтности. Но, отчасти по этому же, отчасти по причинамъ, которыя вскорѣ увидимъ, во *всей* Великой Россіи *издавна* выдѣлывались, хранились и потреблялись вѣнки изъ какой-либо *матеріи* и изъ *металла*, болѣе прочные, дорогіе и не терявшіе цѣнности, съ узорами и вышивками, съ бусами, бисеромъ, жемчугомъ, камнями. Такіе вѣнки или вѣнцы, составлявшіе иногда цѣлый капиталъ и равные полному приданому, переходили изъ рода въ родъ, наслѣдствомъ, въ составъ приданаго

*) И Малорусы разныхъ вѣтвей пришли *постепенно* къ тому же, чѣмъ *пробивались* въ старину Великорусы бѣднѣйшихъ слоевъ: къ употребленію вѣнковъ картонныхъ, деревянныхъ и проволочныхъ, обвязанныхъ кое-какими, сдѣланными за просто, цвѣтами, лентами, тесьмами.

внукамъ и правнукамъ (вмѣстѣ съ «кокошниками», «кичками», «сорóками» того же матеріала и искусства, для «замужнихъ»); самъ авторъ, по слуху откуда-то (а могъ бы онъ это увидать самъ во многихъ еще областяхъ), долженъ былъ замѣтить, что «бѣдные берутъ его у богатыхъ на прокатъ. Далѣе, исконный народный обычаи ввелъ такого рода вѣнки даже въ *моду*, въ бытъ *цивилизованный* и въ *постоянное* сопровожденіе *всякой* дѣвической одежды, — таковы извѣстныя *повязки* или *діадемы*, — а наконецъ даже ко *Двору* — князей, царей и всѣхъ государей, *преимущественно* на Руси Великой, какъ неотъемлемое уже убранство *Русскаго* платья. Разумѣется, это далеко важнѣе какихъ нибудь вѣнковъ зеленыхъ и цвѣточныхъ, обязанныхъ веснѣ и природѣ, въ вѣтвяхъ народа «простаго» и «обѣднявшаго». Какой нибудь «румяный вѣнокъ», которымъ по вынужденной необходимости красуется Южное и Западное Славянство, ни чѣмъ не выше и не древнѣе нашихъ *лентъ* и *платковъ* (узкой полосою), прикрывшихъ голову крестьянской дѣвушки, послѣ того какъ металлическіе, узорчатые и дорогіе отошли къ *высшимъ классамъ*: его явленія совершенно *параллельныя*. Есть однако и еще черта, и важнѣйшая: въ Этнографіи, Этнологіи и Археологіи добыто современною наукою положеніе, что *жемчужные* и раковинные, *бисерные*, *бусовые*, *металлическіе* всякаго рода, а затѣмъ *тканые* и *шитые* вѣнцы «дѣвъ» (и адептовъ «дѣвства» въ какомъ бы то ни было отношеніи) гораздо *первобытные*, *основные* и *старше* цвѣточныхъ или изъ зелени, и въ *семъ* именно видѣ извѣстны по древнимъ памятникамъ, на статуяхъ, въ храмахъ, въ могилахъ, въ поэзіи и миѳологіи. Наконецъ, что до вѣнцовъ *церковныхъ*, разумѣя христіанскіе, то они, во первыхъ, отнюдь *не замѣна* цвѣточныхъ или зеленыхъ, а прямое наслѣдіе помянутыхъ металлическихъ, бисерныхъ жемчужныхъ повязокъ и т. п., изъ рукъ обрядовъ языческихъ, жреческихъ и т. д. (почему святые отцы нѣкоторые и возражали противъ такого употребленія): лучшимъ доказательствомъ того, что они *не замѣна* цвѣтовъ и зелени, служитъ *употребленіе* сихъ послѣднихъ и при нихъ, при церковныхъ, свободно и независимо; слишкомъ извѣстно, что и по всей Европѣ, и у Русскихъ, въ классахъ разбогатѣвшихъ и поднявшихся, доселѣ господствуютъ цѣлые вѣнки или приколы букетовъ на головѣ новобрачныхъ, преимущественно изъ флёръ-д'оранжа, «дѣланаго» (у Южныхъ же Славянъ, особенно Сербовъ, изъ живыхъ цвѣтовъ померанцевыхъ). Во вторыхъ, вѣнцы церковные вовсе *не противуположность* «народныхъ»: самая глубокая, не-научная ошибка — считать обряды «христіанскіе» *отрицаніемъ* и *уничтоженіемъ* «языческихъ»: это только

пользованіе элементами архаическими, примѣненіе ихъ, очищеніе, одухотвореніе и возведеніе въ *смыслъ высшій*. «Языкъ» въ нашей древности синонимъ «народа», «язычество»—синонимъ созидавшейся «народности»; когда же народы созрѣли, зрѣлость ихъ сопровождалась и отчасти доселѣ сопровождается (у отставшихъ и «примыкающихъ» къ народамъ) принятіемъ христіанства, а вмѣстѣ выходомъ на сцену положительной исторіи. Даже не только въ области «обрядовъ», въ сферѣ самихъ вѣроученій и догматовъ, изъ многихъ примѣровъ достаточно напомнить апостола Павла, начавшаго проповѣдь христіанства съ послѣдняго слова языческаго, растолковавшаго Ареопагитамъ ихняго «невѣдомаго», но уже признаннаго и существовавшаго, бога—богомъ христіанскаго явленія, (какъ откровенія смыслу зародившемуся). Потому «истинная» церковь христіанская никогда не отвергала народности, не искала уничтоженія народовъ съ достояніемъ ихъ выработанныхъ началъ: въ дѣлѣ обрядовъ вся эпоха Сиріи, Александріи и Византіи прошла главнымъ образомъ въ усиліяхъ — примѣнить народное, озарить подлиннымъ свѣтомъ и значеніемъ. Въ томъ числѣ вѣнцы свадебные отъ дѣвы перешли на обоихъ брачущихся, изъ коихъ въ христіанствѣ и для жениха предполагается въ извѣстномъ смыслѣ «дѣвство», а кромѣ того напомнили болѣе широкое употребленіе ихъ въ «народахъ и языкахъ», простиравшееся именно, какъ сказано выше, на всѣхъ «адептовъ культа Дѣвы», отличавшаго Аріевъ (Индо-европейцевъ), и на жрецовъ, и всѣхъ избранниковъ (по религіозному представленію), помазанниковъ, героевъ торжествъ, воеводъ дружинамъ (выступавшимъ, какъ помянуто, подъ знаменемъ «Дѣвы»), и т. д. Цѣлый этотъ «соимъ» съ членами «вѣнчанными» удержалъ обрядъ вѣнка и вѣнчанія доселѣ, въ самомъ полномъ развитіи христіанства (тіары первосвященниковъ, съ вѣнчиками, того же происхожденія): на половину здѣсь доселѣ разумѣется *союзъ* съ народомъ и обществомъ, какъ и древнѣе—въ язычествѣ—союзъ семьи, общины, народа; частію здѣсь представляется «союзъ съ церковью»,—но это опять въ корнѣ древнѣйшій союзъ народа во имя *религіозныхъ началъ;* а частью, какъ въ эпоху рыцарства, на знаменахъ полковыхъ — дружинныхъ, въ гербахъ городовъ и даже государствъ—образъ Дѣвы Божественной (Богоматери), коей присягали и служили. Во всякомъ случаѣ, вездѣ здѣсь вѣнецъ знаменуетъ *торжество* и *восторженное* настроеніе представленой или *чрезвычайность* явленія, достигающаго божественной идеи: отнюдь же не *тяжесть жизни* и не *головную боль*, отысканную нашимъ авторомъ у христіанъ Великорусскихъ; хотя опять, разумѣется, вѣнчанному лицу, подобно

дѣвѣ, напримѣръ герою, побѣда доставалась *не легко*, а для главы государства *тяжесть* впереди значительнѣе всякой невѣсты.

Для изслѣдователей разбираемаго рода постепенно настаетъ въ заключеніи пора, когда они откровенно должны уже сознаться и объявить, что собственно все клонится у нихъ къ *Туранизму* Великой Руси (съ Бѣлою): тѣмъ любопытнѣе для насъ, ибо прямѣе. Такимъ поводомъ въ данномъ случаѣ является уваженіе *порога*, весьма замѣтное при обрядахъ свадебныхъ: и, скажемъ, весьма естественное, ибо самымъ *внѣшнимъ* образомъ, на практикѣ жизни, въ длинномъ ходѣ свадебнаго обряда слишкомъ часто (изъ дома въ домъ) и слишкомъ *многимъ* (сторонамъ, сватамъ, дружкамъ, провожатымъ, гостямъ и т. д.) приходится *переступать порогъ*, причемъ и выражается обычное къ нему *уваженіе*, воспитанное длиннымъ процессомъ созданія семьи и домашней жизни; а съ этимъ, какъ и вездѣ въ народѣ, неизбѣжно связуется исконный смыслъ въ *примѣненіи* и *толкованіи*, ближе къ данному обряду и «спеціальному» его значенію, ибо, повторяемъ, свадьба есть по преимуществу *переходная* эпоха въ жизни дѣвы, женихa, двухъ семей, цѣлаго рода и даже народа, *обновляемаго переходомъ* изъ старшаго союза въ новый. Кажется, нѣтъ ничего проще этого. Но ученый, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, даетъ другой ходъ выводамъ (стр. 192, 193 и др.): онъ находитъ *въ Малороссіи* одинъ только случай для роли порога—при поцѣлуяхъ свахъ черезъ него (и это невѣрно, ибо намъ извѣстно обыкновеніе перекреститься новобрачнымъ при переходѣ черезъ порогъ, поднятіе надъ ними и надламываніе переносимаго хлѣба и т. д.). За то, отмѣтивъ слѣды этого уваженія у древнихъ Римлянъ и Германцевъ, обращается къ «*Россіи*» (имя которымъ на югѣ привыкли, къ сожалѣнію, называть исключительно Русь Великую, какъ будто Украйна Мало-*Россія* и т. д. не одинако «Русь», а потому въ книжной формѣ и «Россія») и увѣряетъ: что тамъ столь извѣстное «уваженіе это *могло усилиться подъ Татарскимъ вліяніемъ*, ибо «порогъ *у Татаръ* пользуется большимъ уваженіемъ», таковы же «по свидѣтельству Плано-Карпини *Монголы XIII стол.*». да «*Татары* и по сіе время считаютъ грѣхомъ сидѣть на порогѣ»; и проч. Оставимъ уже въ сторонѣ то, что здѣсь напрасно поставлены на одну доску и повидимому смѣшаны *Татары* съ *Монголами*, а также выставлено аксіомой прямое ихъ отношеніе къ *Великой Руси*, въ сущности для многихъ еще крайне не ясное; о томъ и другомъ мы скажемъ въ главномъ и заключительномъ отвѣтѣ нашей статьи. Отмѣтимъ только рядъ несомнѣнныхъ истинъ этнографіи и археологіи, начиная съ той, что *важное значеніе*, а потому *ува-*

женіе «порога», естественно и такъ сказать физически, *обще* всѣмъ племенамъ *разселявшимся* (съ мѣста на мѣсто съ предѣла на предѣлъ), всѣмъ *развивавшимся* и *поступавшимъ въ развитіи* народамъ (со ступени на ступень), наконецъ всѣмъ *осѣдлымъ*, т.-е. подлинным и созрѣвшимъ народамъ (извѣдавшимъ заключительный порогъ развитія между земли, конецъ города, границу страны, порогъ дома и семьи); то-есть стало быть обще *всему людскому міру* въ его исторіи и прогрессѣ. Не постигъ такого уваженія лишь тотъ, кто *не дошелъ* до порога народной зрѣлости: кто *одичалъ* и судьбою выброшенъ «за бортъ» (у дикихъ всего рѣже встрѣчается «тѣнь» подобнаго воззрѣнія и то «унесенная изъ общаго нѣкогда союза племенъ нараждавшихся); да кто *закружился въ кочевьи* или *кристаллизовался* въ вѣчной смѣнѣ однихъ и тѣхъ же переходовъ, безъ конца и твердаго порога и такова, кстати, значительнѣйшая часть племени Татарскаго и Монгольскаго (о чемъ подробности ниже). Напротивъ Аріи (и послѣдующіе Индо-Европейцы), сверхъ общей участи *разселенія* и переходовъ *временныхъ*, какъ *народъ* (и народы) *по преимуществу*, а потому исключительно осѣдлые и наиболѣе опредѣленные, достигшіе «порога» зрѣлости народной, по преимуществу же сохранили значеніе его и уваженіе къ нему. Съ эпохи ихнихъ террасъ (еще въ Азіи), спусковъ, лѣстницъ и ступеней, съ вершины горъ, къ рѣкамъ и морямъ, такъ называемыхъ въ общей Арійской рѣчи «скалъ» или «скелей» (у Оранцевъ, Грековъ, Италиковъ, Славянъ и т. д.), до высшаго зодчества «храмовъ», отъ межевыхъ и граничныхъ знаковъ до постройки осѣдлыхъ жилищъ, *порогъ* вошелъ всюду *существенною частію въ зодчество*, съ такимъ же внутреннимъ смысломъ какъ и въ другихъ частяхъ. *Гермъ* и *термъ*, *терминъ*, *лимесъ*, *чуръ* и т. д. и у классическихъ и у всѣхъ, позднѣе выдвинувшихся, Арійскихъ народовъ въ томъ числѣ у всѣхъ Славянъ, создали собою тысячу формъ въ языкѣ, бездну географическихъ и политическихъ названій, образовъ творчества и мифологіи, олицетворяя въ себѣ даже нѣкоторыя божества (стóитъ упомянуть одного уже Гермеса). Что подъ порогомъ лежитъ предокъ, жрецъ, скоморохъ, музыкантъ, пѣвецъ, даже песъ—какъ свидѣтель жертвы и погребенія, какъ охрана стаду и дому (извѣстная нѣмецкая пословица) и всѣ вообще «старшіе», *впередъ* ушедшіе, *раньше осѣвшіе* и *погребенные*, хранители въ наличности и изъ глубины прошлаго своимъ вліяніемъ, это вѣрованіе извѣстно у Аріевъ съ глубочайшей древности, отъ Гинду-куша и Прана до Днѣпра, Рейна и Гибралтара, отъ страны Асовъ на Кавказѣ до ихняго Азова и Исланда, извѣстно, закрѣплено и выражено въ веществен-

ныхъ памятникахъ, пословицахъ, пѣсняхъ, именованіяхъ. Въ частности у Славянъ «Златный Прагъ», вокругъ котораго сосредоточенъ полный циклъ легендъ, послѣдующій кругъ религіозной мысли и оборотъ новаго славянскаго возрожденія, своимъ происхожденіемъ и значеніемъ въ Европѣ далеко старше пришествія Татаръ съ Монголами; а «Премыслъ» и «Микула Селяниновичъ» на ихнемъ «желѣзномъ порогѣ» и на «земской межѣ», въ своихъ творческихъ образахъ и въ связанныхъ историческихъ явленіяхъ, достигли до такихъ границъ развитія, до какихъ и не снилось, ни Татарамъ, ни Монголамъ. Эти послѣдніе господа, наоборотъ, сравнительно съ Аріями неизмѣримо *отстали* и не *добрались* ни до *порога*, ни до его уваженія: ибо знали повторяемъ, только разселеніе и кочевье, поле и переходы, не осѣдлость, не землю въ межахъ земледѣлія и землевладѣнія; шатеръ и возъ, не порогъ постояннаго дома; идоловъ въ ковчегѣ, кивотъ на носилкахъ, въ кибиткѣ, внутри орды, не порогъ храма, весьма поздно наслѣдованнаго ими, главнымъ образомъ отъ Аріевъ же (въ столбахъ «кулахъ», «главахъ» и т. п.); не террасы и пристани рѣкъ и морей для приморскихъ городовъ, отбитыя ими позднѣе у Аріевъ же («коники» всѣхъ позже спустились къ водамъ); самыя названія нынѣшнихъ жилищъ и храмовыхъ, и городовыхъ частей, заняты ими изъ языка аріискаго же, какъ доказала современная филологія; «сидѣть же на порогѣ», о чемъ цитовано выше, не страшно для нихъ по *уваженію* къ порогу, а страшно и необычно *по неимѣнію порога* въ древности и въ своемъ племенномъ типѣ потому, что они не сидѣли и не сидятъ на *возвышеніи* и *подставкахъ*, а сидятъ лишь на *плоскости ровной*, не поднимая и не спуская ногъ, иначе имъ и неудобно—это иконная черта ихъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи, нигдѣ столь рѣзко не выражается теорія «Туранизма Великой Руси (съ бѣлою), какъ въ вопросѣ о свадебномъ *покрывалѣ* невѣсты, такъ какъ оно связано съ «затворничествомъ» женщинъ и всего сильнѣе обличаетъ взгляды народа на его домъ и семью. Разбираемый для образца авторъ не избѣгъ того же заключенія своихъ выводовъ. Правда, именованіе *фаты* онъ возводитъ къ древнѣйшей рѣчи всѣхъ вообще Индо-Европейцевъ, видитъ здѣсь, по слѣдамъ покойнаго Аѳанасьева символъ *зари* и увѣренъ, что свадебное покрывало молодой знаменуетъ весенній облачный покровъ, облегавшій время отъ времени землю и дождившій на нее благотворной влагой,» а слѣдовательно, тѣмъ самымъ, возводитъ покрывало къ *древности первобытной*, предшествовавшей выдѣленію и развитію типа Тюрко-Монгольскаго: но такое «увлеченіе» не мѣшаетъ

все-таки ученому склониться къ любимой теоріи Туранизма и привисть ее къ Великоруссамъ (съ бѣлоруссами и даже болгарами). Со стран. 159 онъ смѣло выводитъ: «Что касается до обыкновенія закрывать *платкомъ лицо* (дѣло идетъ спеціально о «свадебномъ покрывалѣ») во время свадьбы, то нужно различать *два способа закрыванія*: 1-й способъ, когда скрывается только *часть лица*, лобъ, виски и немного щеки, и 2-й способъ, когда лицо *вполнѣ завышивается*. Неполное закрытіе лица свойственно, по преимуществу, *Индо-европейскимъ народамъ*, полное народомъ *Тюрко-Монгольскимъ*. У древнихъ Грековъ, *Западныхъ* Славянъ и *Малоруссовъ* лицо невѣсты или совсѣмъ не закрывается, или закрывается только отчасти; у *болгаръ* и *Великоруссовъ* съ *бѣлоруссами* включительно въ большинствѣ случаевъ лицо невѣсты закрывается вполнѣ.» Sapienti sat: Великороссы съ братіею не только подчинились вліянію Тюрко-Монгольскому, но даже повидимому исключены изъ народовъ Индо-Европейскихъ, какъ измѣнившіе типу сихъ послѣднихъ. Вопросъ такъ важенъ и такъ прямо переводитъ насъ къ Тюрко-Монголизму, къ Туранству, что намъ, для главныхъ цѣлей статьи, необходимо высказаться нѣсколько подробнѣе.

Покрываніе головы (и волосъ) тканью, въ видѣ какого угодно покрывала или «плата» (платка, полотенца), въ особенности у *женщинъ*, не извѣстно ни первобытному «Человѣчеству» (Ur-mensch, homo primigenius), ни первымъ эпохамъ такъ называемою «Общаго Племени» (Ur-stamm), ни быту «звѣроловному» и *первому* постушескому» (техническія названія Этнологіи), а потому неизвѣстно и періоду «первоначальнаго» Кавказа: *) тѣмъ естественнѣе, что тогда и не могло быть «тканей», сверхъ «плетенія»—изъ вѣтвей. «Дикія» или, лучше, «одичавшія» вѣтви племенъ, отдѣлившіяся отъ общаго союза въ развитіи, доселѣ держатся крѣпко обычая ранѣе открывать голову и убирая волосы вѣтвями или перьями, а въ нашей Сибири закрывая лишь по необходимости—отъ холода): они уступали обычаю покрова не всѣ, только по вліянію другихъ племенъ, болѣе развитыхъ, или по сосѣдству народовъ, при колонизаціи и покореніи. Потому больше или меньшее открытіе головы, если и возводитъ къ древности, то архаической, въ первоначальной грубости быта, но никакъ не свидѣтельствуетъ о зрѣлости «народной.» За симъ, на слѣдующей ступени развитія, *повязка* и *поясъ* нѣсколько старше покры-

*) Такъ технически именуется періодъ Кавказа при *первомъ* жизни въ немъ Аріевъ, *прежде* выступленія ихъ въ *хочевье* по Ирану (съ Хорасаномъ) до Гиндукума.

вала: они исходятъ еще изъ періода пастушескаго и первичнаго Кавказскаго, а потомъ, измѣняясь въ связи со всѣми видами быта достигаютъ до земства народнаго. Но *покрывало*, въ помянутомъ значеніи, является впервые только съ началомъ и водвореніемъ быта *кочеваго*: тогда-то, и то не вдругъ, постепенно появилась ткань изъ «шерсти», съ развитіемъ скотоводства или еще позже, изъ сѣяныхъ и саженыхъ «злаковъ,» составлявшихъ уже переходъ къ быту и земледѣльческому; *ранѣе* же того, кожа «звѣрей» (въ быту звѣроловномъ) и даже домашняго «скота» (въ пастушескомъ и первоначальномъ кочевомъ) тяжела была для головы, особенно для женской не удобна для кройки и тонкаго шитья; тѣ же свойства имѣла и «природная» растительность съ ея «плетеніемъ. Безспорно, введеніе покрывала имѣло отношеніе, какъ всегда, во всемъ, и къ религіи, и къ возникшимъ отсюда представленіямъ въ миѳологіи и творчествѣ: старшая и первая религія, Астральная или звѣздная, спутница была звѣроловнаго и пастушескаго, при наставшемъ *кочевьи* уступила *броженію стихій* (безконечные переходы и круженіе со скотомъ отвѣчали дѣйствительно моменту стихій въ природѣ внѣшней и въ космологіи); дотолѣ ясное небо заволоклось облаками и туманами (самое «небо» и сродныя ему названія у Аріевъ значатъ и не блестящее»); бури и непогоды смѣнялись для кочевниковъ палящими лучами степнаго солнца; то и другое, смѣною своей, отзывалось на религіозной мысли человѣка, которая отуманивалась смутностью и безконечностью кочеваго броженія, пробиваясь сквозь эту оболочку рѣзкими, порывистыми, жгучими лучами; отозвалось и въ образѣ внѣшнемъ, въ фигурѣ,—такого именно «покрывала» головы, изъ-подъ котораго или изъ-за котораго прорывается рѣзкій—пронзительный взоръ (живымъ образцомъ—взоръ укутанной головы нашего кочевника среди непогодъ Сибири или взоръ Араба и бедуина изъ-подъ бурнуснаго башлыка подъ палящимъ солнцемъ). Кромѣ того, тогда же водворилось «скопленіе»: и другой экстремъ его «обрѣзаніе:» отъ звѣрей и домашнихъ животныхъ оно постепенно простерлось и на человѣка—на враговъ, плѣнныхъ рабовъ, младшихъ родичей—чѣмъ-либо опасныхъ, даже на самихъ жрецовъ, какъ выразителей подобнаго періода въ культѣ, однимъ словомъ на извѣстныхъ и всевозможныхъ «евнуховъ» быта кочеваго и шатроваго; наконецъ, начавшееся, среди броженія, рѣзкое дѣленіе расъ и вѣрованій сопровождалось всевозможными «знаками» на тѣлѣ, рѣзанными или тисненными (впечатлѣнными) а это повело къ необходимости «покрывать» *всѣ* члены, отъ стыда или въ защиту язвъ; вспомнимъ, что параллельно воз-

нивло обрѣзаніе и бритье *волосъ*: и вотъ потребность *покрывала*, которому шерсть скота, валеная и обращаемая въ ткань, дала удобнѣйшій матеріалъ. Еще болѣе подѣйствовала необходимость *физическая*, со стороны природы внѣшней: переходы огромные и непрестанные, неизбѣжные и обязательные одинаково подъ дождемъ, вихремъ, снѣгомъ, палящимъ солнцемъ и среди ураганов необозримой степи, заставляли, разумѣется, прежде всего защищать *голову*; а въ ней *глаза, волосы*, особенно у женщинъ, безъ того путались бы и порождали бы болѣзни. Здѣсь-то форма *одежды*, особенно *головнаго убора*, всегда параллельная и соотвѣтственная формѣ *жилищъ* (это аксіома Этнографіи и Этнологіи), связалась съ послѣдними, впервые и на всегда уже, въ связь тѣснѣйшую. Такъ, еще прежде періода кочевья, сохранившіеся головные уборы «дикихъ»—живое подобіе первоначальныхъ кущей или шалашей—изъ древесныхъ вѣтвей, съ кусками коры или кожи; времена такъ называемаго «потопа», заставившаго расплыться племенныя вѣтви на неизмѣримыя пространства и на окраинахъ одичать, отпечатлѣлись чистою «лодкою» на головѣ нашихъ (нынѣ Американскихъ) Алеутовъ, для которыхъ доселѣ подлинный домъ въ лодкѣ; у сохранившихся (по преданью) въ ковчегѣ или «кораблѣ», каковы всѣ послѣдующіе, наиболѣе историческіе народы, удержавшіе за собою и старшую территорію «общаго племени», и первый «храмъ» (одинаковой по нашему названію съ «хоромами»—жилищемъ) понесъ на себѣ форму корабля (что и значитъ греческое «наосъ»), и такъ же названы были ихъ первые «города» (напр. «*Ниневія*, редупликація той же формы, что «нав—и «нау» о плаваніи, вмѣстѣ съ его представителемъ «Ноемъ»; или Ану»—названіе цѣлой области Месопотамской, знаменитыхъ Сумиры и Аккада, вскрытыхъ нынѣ изъ подъ клинообразными надписями и, по смыслу названія «Ану», значившихъ «корабль»); таково же имя и перваго, введеннаго ими «гроба», жилища тѣлу съ назначавшимся погребеніемъ въ землѣ: самое тѣло (физическое, «плоть»)—«*сарк-съ*», гробъ «*сарко*-фагъ», и этотъ же образъ живъ до сихъ поръ въ названіи и формѣ нашей «*сорок-и*», имѣющей, по нѣкоторымъ областямъ (напр. Тульской, Калужской и Орловской, коегдѣ уже между простымъ народомъ, рѣзкую фигуру «корабля» и вмѣстѣ «гроба». Періодъ «столбовъ» или такъ называемыхъ «кулъ», начавшійся до кочевья, но въ немъ разыгравшійся, этихъ сооруженій, служившихъ и старшимъ жертвенникомъ, и символомъ фаллоса, и мѣстомъ жизни жрецовъ (въ Вавилонѣ, у Галловъ въ Верхней Сиріи), а впослѣдствіи аскетовъ или скитниковъ («столпниковъ»), ввелъ столбъ существенною частью всякой постройки и храмо-

вой («ступа Индусовъ славянское «стубъ» «ступъ» или стлупъ»; безъ префикса *c, tup*—или наше туп—съ посовымъ звукомъ является въ Латинскомъ *temp-lum*), посрединѣ храма, послѣдствіемъ чего, съ устраненіемъ столба величественнаго, остался-его обликъ—столбъ воздуха съ верхушкою «купола» или «главы» (Индусская «пагода», Славянское «пагода», погода вёдро, ясный сводъ неба во главѣ), или же въ поддержку сводовъ и подобныхъ частей (колонна). Столбы одинаково вошли и въ городъ (послѣ одинакихъ столбовъ Вавилона и его окресностей), посреди же его (основа Греческихъ «пюрговъ» или «пургoвъ», гдѣ на вершинѣ возжигался и чтился огонь—«пюръ» или «пуръ», Германск. «Burg», наши «Кремли» и «Кремники»—съ отношеніемъ къ кремню и высѣченію огня), или также *вокругъ* города вошли союзомъ стѣнъ (башни), наконецъ остались и отдѣльными крѣпостями. По всему Турану на линіи съ Праномъ (о чемъ ниже), по Хорасану и прочимъ «спеціальнымъ» поприщамъ древнѣйшаго кочевья, равно какъ въ Верхней Сиріи и отчасти по Малой Азіи (послѣ Галловъ, скитниковъ и столпниковъ, о которыхъ подробности еще у Псевдо-Лукіана),—бездна такихъ «кулъ» доселѣ, и крѣпостями, и жилищами въ степи, и въ развалинахъ (мы встрѣтились съ ними даже послучаю послѣднихъ столкновеній съ Туранцами на границахъ Прана—*Текэ*); у всѣхъ Прайцевъ и Туранцевъ, и потомковъ сихъ послѣднихъ, названіе укрѣпленнаго «мѣста» или города и крѣпости—«*Текэ*» исходитъ одинаково изъ помянутаго корня, яркаго въ *temp-lum* и перешло даже въ имя пушекъ на башняхъ—«*топъ*». Южные Славяне особенно Сербы, цѣликомъ сохранили *кулы*, и по самому имени, и по примѣненью въ постройкахъ: это одиночныя крѣпостцы—столбы или башни, и существенная часть въ постройкѣ двора съ домомъ, гдѣ *кулы* выдаются къ верху; вообще въ Славянскихъ и Русскихъ постройкахъ это извѣстная *вышка* съ *горницей* (для дѣвъ) и *теремомъ* (для женщинъ и семейной жизни супруговъ); у Германцевъ необходимая часть ихъ замковъ. Но для *жилищъ*, божества ли въ кумирахъ, боевыхъ ли людей на башнѣ, частныхъ ли лицъ и семейства, такіе «столбы» или «ступы» явились съ *пустотою* внутри, какъ «выдолбленный» конусъ, острый или съ усѣченною верхушкой; такова была *ступа* на колесахъ и на возу, запряженная нѣкогда львями, потомъ и просто волами или лошадьми, на которой торжественно ѣхали и, по всѣмъ памятникамъ, ѣдетъ представительница женщины—матери или хозяйки, знаменитая *Кубела* (Кибела), въ нашемъ названіи *Купала*, Мало-Азійская Magna Mater, Mater idola, прибывшая впослѣдствіи, съ переселенцами, и въ Европу, въ Грецію, въ Римъ (при Сципіонахъ),

къ *намъ* (какъ она ѣдетъ «куклою» или «чучелою» на масляницѣ, преимущественно въ Сѣверныхъ областяхъ;) обратившись въ простую уже *бабу*, но еще «вѣщую», наслѣдница этой ѣдетъ у насъ «Яга-баба» въ *ступѣ*; въ практическомъ хозяйствѣ роль и фигура *ступы* хорошо уже знакома. Но она же значила нѣкогда и *всякое* жилище, хижу и хижину: остаткомъ того у болгаръ доселѣ *ступ-анъ*, хозяинъ, dom-inor (отъ dom-us), по Сербски «доматинъ». Важно еще не то, намъ важнѣе, что такой столбъ или такая ступа послужили однимъ изъ самыхъ развитыхъ и употребительныхъ головныхъ уборовъ или покрововъ: онъ или *остроконечный* (какъ фаллосъ; *колпакъ фригійскій*; съ завитками, какъ пишется «рогъ изобилія», только остріемъ къ верху, пустотою на голову. Таковъ же былъ, съ своими спиральными этажами столбъ Вавилонскій; ср. колпакъ пастуховъ и особенно Париса); съ *колоколами* (прототипъ колоколенъ, возникшихъ въ незапамятной эрѣ «старшаго», допсторическаго буддизма), съ колокольчиками и погремушками,— каковы башни—кулы Китайцевъ и нѣкоторыя, болѣе сродныхъ имъ, Монголовъ, каковы и ихъ шапки или шляпы: впослѣдствіи достояніе «шутовъ» или «болвановъ» (о *болванѣ* у насъ и *кумирѣ*; ср. *тупой* или *столбъ* о болванахъ, нѣмецк. *Tölp-el*, корня *тлъп—*, *туп—*); *притуп-ленный* (по названію того же корня, въ противуположность «обрѣзанію», послѣдствіе «притупленія» или «оскопленія»): таковы всѣ уже, и въ Туранѣ, и въ Иранѣ, и у Аріевъ, одного корня въ названіи съ *колпаками*, *клобуками*, *камилавки* (изъ верблюжей шерсти «камеля») и прочія шапки у Мидянъ, Персовъ, Армянъ, Даковъ и всего дальше, до нашихъ дней, у Славянъ (*клобукъ* Сербскій извѣстенъ во всѣ эпохи; употребленіе его у скитниковъ или аскетовъ идетъ частнѣе отъ «столпниковъ», какъ у прочихъ служителей религіи отъ древнихъ жрецовъ. Всѣ подобные виды шапокъ или головныхъ уборовъ развились преимущественно въ *кочевьѣ* и вынесены уже *изъ него*: для нихъ и матеріалъ—шерсть верблюдовъ и прочаго кочеваго скота. Еще любопытнѣе при этомъ замѣтить въ подтвержденіе: при постепенномъ выходѣ изъ кочевья, когда *поле* потеряло уже исключительное свое значеніе жизненнаго поприща и территоріи кочевавшихъ; когда, при переходѣ къ земледѣлію, оно вошло уже въ межи и границы, или, что тоже, по Славянски, сдѣлалось *мѣстомъ*, и таковъ «прототипъ» посада и старшаго города, съ оградою *вокругъ по полю* но безъ возвышеннаго центра и безъ стѣнъ его (отъ «мѣста», означающаго доселѣ «такой» городъ, жители—«мѣщане»); когда, постепенно, посреди воздвигся столбъ, вокругъ стѣны со столбами, т. е. вышгородъ или Кремль, Шургъ или бургъ, слѣдовательно при началѣ *соб-*

ственныхъ городовъ и ихъ *гражданства*,—эпоха уже позднѣйшая, параллельная зрѣлости земледѣльческаго народа: тогда *поле*, оно же и *мѣсто* раскинулось *вокругъ* столба, какъ его окраи-на, какъ его посадъ и принадлежность. И вотъ, на головѣ, являются при остромъ или тупомъ столбѣ, при опрокинутой ступѣ, *поля* шляпы, *распущенныя* или *раскинутыя*, потомъ наконецъ и *загнутыя* на *тулью* (крайній рубежъ): это уже такъ называемый, Европейскій *цилиндръ* (слово греческое, означающее «выдолбленный, пустой внутренностью столбъ») это *шляпа* (всего ближе къ Славянскому «*стлъ-пъ, stlaipъ*»; въ формѣ *кап-а; шап-ка, чап-ка, клпю-шь, шап-о* и т. п., прямо относится къ *капь* и *кобь*, кумиръ и все священное, *кап-ище*— храмъ, *cap-ella*, ср. выше «наосъ» и «темп-лумъ»). Но подробности этого, хотя и любопытныя, завели бы насъ слишкомъ далеко, а потому мы возвращаемся къ типу и результатамъ *кочевья*.

Кровъ, явившійся съ кочевьемъ, былъ первымъ, собственнымъ и подлиннымъ, *жилищемъ* для племенныхъ вѣтвей, послѣ первобытной жизни подъ *открытымъ* небомъ (съ открытою головой) или въ *кущѣ*— *шалашѣ*—изъ вѣтвей, проникавшихся солнцемъ, воздухомъ и непогодами, а если и прикрытымъ кожею (звѣря — не скота) или корою, то въ смыслѣ прототипа послѣдующей (при переходѣ къ осѣдлости) «мазанки». Кровъ кочевья впервые былъ *плотнымъ*, опять въ напменованіи нашемъ одного корня съ *платомъ* и *полотномъ*, достояніемъ періода кочевыхъ *палатокъ*, притомъ съ опредѣленнымъ *входомъ* и *выходомъ* (не какъ въ шалашъ дикаря лѣзутъ по жерди, трубѣ, раздвигая вѣтви, изъ-подъ кожи и коры—подползая); да и въ очертаніяхъ уже болѣе «геометрическихъ», фигурныхъ, творческихъ, давшихъ основаніе послѣдующему зодчеству (нѣкоторыя части постройки, и смежныя изъ кочевья, упомянуты выше); эти фигуры и очертанія исходили изъ соотвѣтствія съ религіозными представленіями, изъ культа, изъ быта, изъ всего уже «созданнаго» человѣкомъ и племенемъ, а не пассивно-природнаго, не изъ одного подражанія природѣ внѣшней и не изъ ея одного «сыраго» матеріала (какъ въ кущахъ, въ быту звѣроловномъ, пастушескомъ, впослѣдствіи одичавшемъ); это все основано было уже на *принципахъ* или *началахъ*, по-Гречески «архай», «архе», а потому вело за собою развитіе «искусства» и «археологіи». Здѣсь было въ полномъ ходу «разнообразіе», по эпохамъ, подобно какъ самыя вѣтви *племень*, дробившіяся и бродившія въ кочевьѣ, всею главною задачею своею имѣли «разнообразіе видовъ, фигуръ, цвѣтовъ»: ясно, что отсюда начало уже *украшеніямъ*, нарядамъ, уборамъ, а не одной физической необходимости. Понятно

также, что такія «плотныя» и прочныя формы не могли уже исчезнуть безслѣдно: онѣ имѣли свои послѣдствія *прямыя* и перешли *непосредственно* въ дальнѣйшій бытъ осѣдлый, земледѣльческій, народный, и въ самомъ *названіи*, и въ фигурѣ. Съ другой стороны, *покрывало* или *кровъ* головы, какъ всегда, съ точностію отвѣчали *такому* жилищу: это былъ кровъ природы человѣческой и племенной, закрывавшій и защищавшый отъ природы «внѣшней» (тогда же она и впервые «отдѣлилась» въ понятіяхъ), это было *убѣжище* важнѣйшему *члену—челу человѣка* (явленія, предметы или лица, одинаковыя въ нашихъ названіяхъ по корню) для безпрепятственнаго развитія самостоятельнаго уже сознанія, но и нѣкоторая степень «свободы», — со «входами» и «выходами» для свѣта и воздуха, съ «прозоромъ» для глазъ, наконецъ съ нарядностію и искусствомъ. Отселѣ формы *одежды*, и особенно *головнаго убора*, разнообразны, отзываются творчествомъ, просвѣчиваютъ начала и пріемы искусства; здѣсь есть система, прогрессъ, и ни сколько уже не будетъ здѣсь фантазіей—отыскивать законы, слѣдить параллели, усматривать соотвѣтствіе, сходство, соотношеніе *связи идей*. Все различіе отъ будущаго, земледѣльческаго и народнаго, составляло въ томъ, что это были *начала*, не *завершенье;* что, какъ самый бытъ кочевыхъ *переходовъ*, все это было, относительно будущаго и прогресса, *переходнымъ звѣномъ*, явленіемъ *временнымъ*, не отвердѣвшимъ, не стоѣкимъ, не осѣдлымъ; что все это было на *возу*, на *животныхъ* и съ животными вокругъ, все вмѣстѣ безпрерывно передвигалось, измѣнялось, отъ центра бѣжало и къ нему возвращалось для новаго движенія, центробѣжно и центростремительно вмѣстѣ, стало быть—*вращательно* и *кругообразно*. Племя *кружилось* въ своемъ безъисходномъ кругѣ, какъ кружилось само сознаніе въ броженіи стихій: то было, послѣ *линій* движенія звѣроловнаго, пастушескаго и дикаго, первое опредѣленное явленіе *круга*: но еще не было ни *угловъ*, ни *квадрата*, являющагося въ земледѣліи и вмѣстѣ съ народомъ (таковы данныя этнологіи, отвѣчающія геометрическимъ); даже вырабатывались болѣе *фигуры* (и это есть задача «племени»), чѣмъ *тѣла*: тѣло оставалось еще физическимъ, въ процессѣ натуральномъ, а тѣло или корпусъ *организма народнаго* только что слагались и назрѣвали. Иные и совсѣмъ *остановились* на этомъ моментѣ, *кристаллизовались въ фигурахъ* кочевья или *закружались* навсегда въ своемъ движеніи—безъ выхода; другіе вышли отсюда, разбили кругъ заколдованный и нашли исходы къ организму не физическому, а народному, основанному на началахъ нравственныхъ,—умственныхъ и свободныхъ: то и были *подлинные* народы, а таковы, въ смыслѣ

собственномъ, какъ передовые *историческіе*, всѣ народы Арійскіе, Индо-Европейскіе и преимущественно чисто Европейскіе. Это переводитъ насъ къ важному замѣчанію.

Современная наука, во всѣхъ подраздѣленіяхъ, обращенныхъ къ изученію «генезиса» народовъ изъ племенъ, пришла къ несомнѣнному убѣжденію, что всѣ послѣдующіе *народы* «собственнаго и подлиннаго» смысла, и самые культурные, и передовые, и даже, чѣмъ историчнѣе, тѣмъ глубже въ началѣ и сильнѣе въ развитіи, прошли, на свою долю и въ свое время, *періодъ кочевья*. Доказательства, между прочимъ, — слѣды признаковъ и отличій сего періода или же самого «принципа» жизни въ бытѣ рѣшительно всѣхъ, а особенно въ языкѣ; съ другой стороны, не только формы въ ихъ основѣ, но и самые «термины» сего рода у послѣдующихъ и нынѣшнихъ кочевниковъ, оставшихся таковыми, не исключая разнообразныхъ Туранцевъ, Монголовъ, вѣтвей Чуди, Семитовъ Африки и тамошнихъ кочевниковъ, зависимы отъ началъ Арійскихъ, заняты изъ рѣчи, *Общей* нѣкогда всѣмъ и даже спеціально-Арійской, изъ которой послѣ выработались языки Индо-Европейскіе («станъ, кентъ, котонъ, тепэ, кух- и куш-, таборъ, чадоръ—чадра, майданъ гуртъ» и миог. друг.). Нынѣ опредѣлена уже, почти до мелочей, самая *линія*, на которой совершалось обоюдное кочевье и Туранъ, и Иранъ (мы ее обозначимъ далѣе). Что касается до насъ, Славянъ и Русскихъ, то одно уже явленіе «Калѣкъ Перехожихъ», слѣпыхъ или уродливыхъ странниковъ-пѣвцовъ *), въ своихъ разнообразныхъ названіяхъ, формахъ и подробностяхъ быта, сохраняетъ доселѣ предъ глазами періодъ кочевой: ибо пѣвцы, какъ и жрецы, шли впередъ кочеваго странствія (ср. Скальдовъ предъ Скандинавами), были типомъ скитанья и скитничества (ср. имя Скитовъ—Скиѳовъ), странности и уродливости, сопровождавшей выходъ *изъ рода* одного на кочевье впереди (вы-родки, у-роды), и т. д. *коч-евье*, въ своемъ имени, *коч-*, *кощ-* («кощей»), *куш-кош-* («кошь, кошевой»), *коз-* («коз-акъ») и т. д., въ сотнѣ развѣтвившагося корня и формъ, принадлежатъ какъ вообще Арійскому языку, такъ особенно сберегшись сполна въ языкѣ нашемъ; *періоды* кочевья, пройденные прежде, у насъ даже нѣсколько разъ *воскресали* и *возрождались*, при какомъ-либо потрясеніи въ составѣ народномъ или при нашествіи сильныхъ враговъ, сдвигавшихъ насъ съ осѣдлаго мѣста: такъ было при нашествіи Волоховъ (Галловъ) на Скитію, на Югѣ нынѣшней Россіи, такъ передъ началомъ Русскаго государства; даже до послѣд-

*) Ср. наше изданіе ихнихъ «Стиховъ».

нихъ дней осталась «легкость» подняться и зажить палатками въ переходахъ (и это важно намъ для послѣдующей бесѣды о «переселеніяхъ»). Хотя и не мѣсто здѣсь вдаваться далеко въ филологію, но мы считаемъ неизбѣжнымъ привести нѣкоторыя данныя, которыя ярче засвидѣтельствуютъ, что у Аріевъ вообще, а у насъ доселѣ, названія *покрывала головы*, особенно у женщинъ и «свадебнаго», въ точности соотвѣтствуетъ названію *крова* жителей, обмѣниваясь и одинакими *фигурами*, а то и другое вмѣстѣ, къ народу и его быту земледѣльческому, къ семьѣ и общинѣ, вышло прямо изъ быта *кочевого* и жизни *шатровой*.

Такъ, всякая *вязь* и *по-вязка*, лишь бы не первоначальная изъ «вѣтвей» (ср. выше), а «кочевая» — «платомъ» по головѣ (отличная и отъ «народной» — металлическимъ рубцомъ или діадемой, о чемъ выше), прямо связана съ *веж-а* или *вѣж-а*, названіемъ палатокъ или шатровъ (Этрусское «мѣсто» или «станъ» *Vel*—наше «*Вежи*»: *бѣла-вежа*, «Половци сташа вежами). Но, какъ чрезъ старшій корень *вѣ-* и *ви-* (безъ *ж* и *й*) восходитъ еще къ *ваіямъ*, *вѣямъ*, *вѣтвямъ*, такъ дальнѣйшій (чрезъ поднятіе *и* въ *ой*) рождаетъ изъ себя *вой*—*за-вой*, *по-вой-никъ* «платомъ», уборъ женщинъ.

Помянутая *фат-а* представляетъ собою звукъ *ф* — Аріійскій, но не Славянскій, у Славянъ отвѣчаетъ ему *хв* и *х* (какъ и у Малороссовъ): такимъ образомъ это—*хат-а*, и не въ смыслѣ старшей, плетеной изъ вѣтвей и сучьевъ, ни земледѣльческой мазанки позднѣйшей, а средней — кочевой, въ томъ смыслѣ, въ какомъ нѣкогда всѣ кочевыя племена назывались *Хата*, *Хатъ*, *Хетто* (напр. Хеттеи Египтянъ и Ветхаго Завѣта); у насъ же имѣетъ еще отношеніе къ кочевому слову (съ отвердѣвшимъ *к* изъ *х*) *кат-*, *кат-окъ*, *кат-ать*—«на возу», подобно какъ произведеніе того же періода *кат-ъ* относится къ *пачач-у*, а этотъ послѣдній къ *палат-ъ* и *палат-кѣ palatium*; того же происхожденія (со спускомъ *а* до *и* или *у*) наше *кут-ъ* (уголъ, убѣжище, кровъ) и *кит-ъ* въ словахъ *Скит-ъ* и *С-кутъ* («пола», отрѣзокъ плата, у Сербовъ), скитники и скитанье, названіе *Скиѳіи* или *Скуѳи* («да то ся зваху Великая *Скуѳь*», Несторъ). Любопытно, что то же въ названіи головнаго женскаго убора — по одну сторону *кут-никъ*, по другую *кит-а* (у Южныхъ Славянъ) и *кич-ка* (первоначально опять—пукъ вѣтвей или цвѣтовъ, позднѣе изъ плата, полотна).

Въ приведенныхъ сейчасъ двухъ словъ. ближайшее къ слову *хат-а* (и даже старше его по звукамъ) есть *хас-а*, названіе, распространенное также на Востокѣ въ періодъ кочевья и сохраненное

цѣликомъ у Славянъ для означенія «челяди», наполнявшей кочевое жилище, въ промежуткѣ между бытомъ *родовымъ* и *семейнымъ*: оттуда Славянское *хыж а* и *хиж-а* (хиж-ина), у Италиковъ *cas-a*. Но всѣмъ одинаково извѣстно, что такое же древнѣйшее названіе для *всѣхъ* кочевниковъ — *хусъ*, со временъ еще Египетскихъ и Библейскихъ (единичное *хус-арь*, *хус ар-инъ*, отъ кочевниковъ давшее названіе въ Туранѣ и у Мадьяръ «аусарамъ»; на Славянскомъ Югѣ это значитъ «хайдука», ходака, перехожаго человѣка). Но это же самое является въ обще-славянскомъ и русскомъ областномъ *хус-та*— платъ, отрѣзокъ платна или полотна для покрытія головы; а въ Азіи и на Сѣверѣ Африки, у наслѣдниковъ кочевья, изъ *хус-ъ* образовалось *хвесъ* или, иначе, извѣстный *фес-ъ* (шапка, кровъ для головы: переходъ значеній тотъ же, что въ нашей *кита—кичка*,—отъ пучка и кисти къ головному убору съ кистью; отсюда же извѣстное «мѣсто», нѣкогда кочевой станъ, *фесъ*). Въ словѣ другомъ, *кутъ*, уголъ и убѣжище—кровъ, старше имѣетъ при себѣ *куст-ъ* (шалашъ изъ вѣтвей, по самой фигурѣ уголъ), далѣе *куща* и съ нею всѣ обитатели переносныхъ палатокъ, скитники и скитальцы, *кущ-ники* (ср. праздникъ «кущей», воспоминаніе кочеваго житья въ палаткахъ, удержавшееся у всѣхъ народовъ, даже при христіанствѣ). Послѣдующіе шаги рѣчи обратили *щ* въ *ч*, *ш*, *с*, *з*: это названіе для палатки, а послѣ и для дома, у Славянъ *кушта*, *кутя*, *куча*; это корень всего *коч-а* или *коч-евья*, *кош а* и *кош-евыхъ*, *коз-аковъ* и (у Туранцевъ) *кайс-аковъ*, а для олицетворенія ихъ—миѳическаго *кощ-ея* (вѣчно скачущаго въ сѣдлѣ, переѣзжаго; у насъ примѣнялось, напр., къ кочевымъ Половцамъ—«проклятыи кощеи», «пересѣсть въ сѣдло Кощеево», ср. Слово о Полку Игоревѣ). Но кто же не знаетъ, что, въ свидѣтельство древности этихъ словъ и явленій, во весь періодъ «древнѣйшаго кочевья», имя *Кушъ*, *Куши*, *Кушиты* (равное Хусу и Хеттэ) простиралось отъ *Гинду-куша* (или Гинду-*куха*; ср. *Kuh* для названія скота, и имя *кух-*, *кух-на*, *Koch* и проч. для обозначенія жертвы, пищи, хозяйства), отъ этой территоріи коша или кочевья древнихъ Аріевъ — Пранъ рядомъ съ *Туранами*, до *Шатъ-эль-Араба* на Югѣ Месопотаміи при Персидскомъ Заливѣ, гдѣ всѣ кочующіе, съ предками Арабовъ включительно, носили имя *Куша*, *Кушитовъ*, вплоть до Египта и опять всеи Сѣверноі Африки? Между тѣмъ, это же самое слово является, при «редупликаціи» формы въ нашемъ головномъ женскомъ уборѣ или покровѣ—*ко-кош-никъ*, при чемъ васъ возводитъ опять къ шалашу изъ вѣтвей (*кошь*, *кош-ница*), далѣе съ покровомъ звѣриныхъ кожь (*коржина*, *корзно* — тулупъ, шкура), а наконецъ къ

палаткамъ и вообще къ быту кочевья, ибо уборъ *въ тайности* имѣетъ видъ *корзины*, которая ставилась и перевозилась на возу (таковы доселѣ повозки на Югѣ), и притомъ корзины для *куръ* или «курятники»; а извѣстно нынѣшней наукѣ, что куры явились для хозяйства *впервые при кочевьи*, и самый *куръ* (пѣтухъ, gallus), игравшій громадную роль при кочевыхъ переходахъ, означалъ вмѣстѣ Галла—скопца, евнуха, жреца и члена передоваго въ кочевой челяди, равно при послѣдующихъ гаремахъ и въ мусульманствѣ (куръ, разумѣется здѣсь, кап-лунъ, скоп-ецъ).

Слѣдующая за тѣмъ ступень есть, обычный въ исторіи языка, переходъ названія *хат-ъ* въ *шат-ъ*, а съ окончаніемъ *р* въ наше *шатеръ*, *шатра*, *шатры:* все различіе «Восточниковъ», отъ Кавказа по всей Азіи и потомъ Африкѣ, состоитъ въ томъ, что они имѣютъ въ этомъ словѣ звукъ *ч* (собственно *чг*, *ćh*) — *чадръ*, *чадоръ*, *чадра*, съ одинакимъ значеніемъ и шатра, и женскаго покрывала; въ семъ послѣднемъ значеніи не отстали и мы, и тогда какъ Германцы имѣютъ отсюда *Schot-t-en* — «кровъ», «сѣнь», «стѣнь», Славяне имѣютъ шаты *(szaty)* — покровы одежды. Очевидно также, что съ этимъ въ связи названіе общее для кочевья—*шатунъ*, *шататься*, (по минованіи періода кочевья, типъ «кощея», черезъ миѳы, обратился въ названіе чорта—*шатунъ:* и не сомнѣваемся, что у Туранъ или ихъ сверстниковъ, одинаковъ по происхожденію *шайтанъ*, у Аріевъ *сатанъ*, *сатана).* Не будетъ отсюда ничего страннаго, если древнѣйшее названіе, истекавшее еще изъ общей племенной рѣчи, для означенія *мѣстности. Кушитовъ* (ср. выше)—*шатъ*, въ примѣненіи къ наслѣдію языковъ Славянскихъ, будетъ значить «поприще шатанья» или «шатуновъ въ шатрахъ»: только помѣщеніе (временное) здѣсь скитальческихъ Арабовъ усвоило имя ближе всего имъ—«Шатъ-эль-Арабъ». Наши скопцы, наслѣдники продревнихъ «галловъ» и «евнуховъ» возвели *Шатъ* — гору, рѣку и мѣстность въ миѳическій и эпическій образъ.

Любопытно, къ слову, замѣтить, что слово «общей рѣчи», крѣпко удержанное Греками, обозначало кущи и палатки кочевниковъ формою *скэнэ* (скѣнѣ: пишемъ такъ, чтобы не пестрить шрифтъ), и это послужило началомъ театра, развернутаго первоначально въ кочевыхъ палаткахъ (долго держалось то и у всѣхъ странствующихъ актеровъ, и нашихъ скомороховъ), откуда Латинское *scena.* Но это вмѣстѣ есть помянутая наша *стѣнь*, въ старшей формѣ *тѣнь* и *сѣнь* (Schatten, шаты), какъ *кровъ*, сначала лиственный и изъ вѣтвей (сѣнь кущей), потомъ палатная, подъ полотномъ, откуда крытыя сѣни и пе-

реходы въ зодчествѣ. И, подобно какъ «столбы, кулы» вошли въ *стѣны* города, образовавши новую ихъ форму послѣ кочевья, такъ наше *стѣнь* и *сѣнь* (сѣни) перешло въ самое имя *стѣны, стѣнъ*, обозначая ихъ «крытые переходы» между столбами. Въ такой періодъ «городской», сопутственный уже земледѣлію и зрѣлости народовъ, измѣнился и уборъ женскій: вмѣсто кочеваго плата и формы палатокъ, на головѣ женщинъ явился вѣнецъ или уборъ изъ «стѣны городовой», съ ея зубцами. Типомъ того была помянутая Mater Déorum, Кубела или наша Купала, *turri-gera*, въ вѣнцѣ со стѣнами и столбами, башнями (turris, туръ; такъ изображалась она на всѣхъ памятникахъ античнаго искусства и въ сказаніяхъ). Въ нашихъ сказаніяхъ, въ былинахъ и во всемъ эпосѣ, эту роль занимаетъ божественная или эпическая жена «*Турица* (turris) *златорогая* (съ рогами сообразно *туру* или *тавру*)», въ томъ же золотомъ вѣнцѣ; она ходитъ по городской стѣнѣ и оберегаетъ ее, почему иначе называется «*Мать-стѣна городо́вая*»; извѣстно, что, кромѣ эпоса, но подъ его еще вліяніемъ, явилось такое точно изображеніе, какъ чудо, на стѣнахъ Новгорода, когда предстояло его защитить отъ нашествія Суздальцевъ съ Юріемъ.

Это подаетъ намъ поводъ замѣтить дальше, что *туръ*, съ которымъ познакомились предки Аріевъ и всѣхъ старшихъ или подлинныхъ народовъ на Кавказѣ, при переходѣ ихъ въ кочевье и по мѣрѣ развитія сего послѣдняго, обратился въ *буй-тура* (дикаго быка, табунами) или *тавра*, а потомъ породилъ изъ себя главное имущество и драгоцѣннѣйшій достатокъ лучшихъ кочевниковъ, — рогатый крупный скотъ (мѣтка его до сихъ поръ именуется *тавро*). Разумѣется, названіе его, прежде еще стѣнъ и столбовъ городскихъ, перешло на кочевыя палатки и ихъ станъ: отсюда у «Восточниковъ» — *табор-ъ, таборы*, у Аріевъ (Латинъ) *taberna, taber-nac — пасисит* (таборъ, лагери, палатки), а у насъ древнее *товары* («сташа вежами» — «сташа товарами», «идоша въ товары» и прочее лѣтописное). Столь же естественно обратилось это въ главный предметъ кочевой и мѣновой торговли, въ ея *товаръ*, а послѣ и въ товары всякаго рода, послужившія столь счастливо для наряда и убора женщинъ.

Палатки же кочевья (сперва изъ «шкуръ» домашнихъ животныхъ, послужившихъ покровомъ жердей или вѣтвей, послѣ изъ тканаго шерстянаго полотна и наконецъ изъ сѣяпаго) дали именованье, у Аріевъ, не только «мѣсту», какъ зачатку стѣннаго города (откуда Германское *Peal-z*), но даже и лучшимъ зданіямъ—дворовъ и дворцовъ,—это наши *палаты* и Латино-Романское *Palatium* палаца, палатинъ и т. д. И этого мало: какъ, выше мы убѣдились, форма *корабля*,

перешла въ задчество *храма*, форма *столба* (ступа, тупъ) равно въ *templum*, такъ, именно у насъ Славяны Русскихъ, возникъ особый стиль храмоваго зодчества—такъ называемая *«шатровая постройка»*, въ фигурѣ раскинутой кочевой палатки, иногда *головкою*, съ выдающеюся изъ средины на верхушкѣ и состовляющей *продолженіе* срединнаго столба, на коемъ держится центръ шатра (старше *стрѣла*—заостренная, далѣе округленное *яблоко*, а наконецъ осмысленная человѣческая *головка*: этимъ же довершались и всѣ древніе «столбы» или «кулы», равно и жреческіе, и у скитниковъ, столпниковъ, и въ одиночку, и по переносѣ центромъ въ шатеръ, а наконецъ въ храмъ). Не мудрено послѣ того, что та же фигура въ параллель зодчеству, перешла, разными видами, въ уборъ головы «дѣвы» и вообще «женщины», по мѣрѣ развитія ея священнаго знаменія въ священномъ союзѣ семьи. Какъ бы то ни было, только *головки*, то остроконечныя, то круглыя, и съ *этимъ* именно названіемъ у насъ, встрѣчаются повсюду въ народномъ уборѣ женщинъ и утвердились у насъ (на югѣ Россіи ихъ; дѣлаютъ «искуственно», нарочно изготовляя и цѣликомъ надѣвая на сѣверѣ же *свиваютъ изъ платка и косынки*).

Заключимъ греческимъ названіемъ *калуп-тра* или *калюп-тра* о «покрывалѣ женщинъ» и особенно «свадебномъ», въ прямой связи съ греческимъ же *калуб-е* или *калюб-е* (опять правописаніе по недостатку шрифта), послѣднее же есть переносная кущa, шатеръ, вежа, станъ ихъ: но вмѣстѣ то же самое является въ Славянскомъ (и Русскомъ) *колыб-а, колыб-ель*, въ смыслѣ еще кочевой «качки» или «шатанья» изъ стороны въ сторону (колыбель по областямъ простаго народа части имѣетъ фигуру палатки или кибитки, постовляемой на возу), далѣе *клуб-ъ, клуб-окъ*, о полотнѣ, обвиваемомъ вокругъ—въ настоящемъ случаѣ вокругъ головы (таковъ уборъ свиваемаго плата на югѣ Россіи, у восточниковъ *чалма* или *турбанъ*—перегласовка изъ *табора*, о чемъ еще ниже), а наконецъ хижина уже среди осѣдлости—*колиб-а, колыб-а, халюб-а*: *халуп-а* (и проч. по Славянскимъ нарѣчіемъ); оттуда же, какъ извѣстно названіе и *халупниковъ*, одиночныхъ жителей хижины, одподворцевъ и *холоповъ*—рабовъ и чеѣяди среди кочевья, въ кочевьѣ же зародившихся. Это такъ важно было для Славянъ, что породило старшее имя среди ихъ предковъ Енетовъ: *Халюбы* или *Халупы*, ковачи металловъ (chacnbs) ихъ «славные, *бѣлые* домы», какѣ бѣлые хаты, отличающіе доселѣ весь югъ Славянства и отчасти западъ, превозноситъ еще Гомеръ (Иліады пѣснь II); у *бѣлой* же Руси, сосѣдней Литвы и смежной Польши,

бѣлый покровъ перешелъ оттуда *исключительно* на женщинъ и породилъ самое ихъ имя, какъ нарицательное,—«бѣлоголовые» (bia*log*low*y*).

Но довольно насъ конечно извинятъ читатели за неизбѣжную филологію: это не одни слова и сухія формы, это вмѣстѣ явленія и факты *историческіе*, разъясняющіе любопытную сторону жизни *доисторической*, наслѣдованной народомъ изъ періода кочеваго.

Въ данномъ случаѣ, повторяемъ, все отличіе Туранъ, Монголовъ и прочихъ ихъ свѣрстниковъ или вообще «восточниковъ», изъ Аріевъ и въ частности отъ насъ и нашихъ Славянскихъ предковъ, въ томъ лишь и состоитъ, что на пути развитія, они остановились на *полдорогѣ*, такъ сказать «застряли» въ кочевьѣ, а мы вышли къ результатамъ дальнѣйшимъ. Отъ того у нихъ, какъ форма жилища, въ основѣ кочеваго, чоки и параллельные кровы или уборы головъ, особенно женскихъ, сравнительно съ нами *бѣдны, скудны, однообразны.* Но нельзя же не прибавить всѣмъ извѣстнаго, что шапки ихъ, даже и отороченныя опушкою, совершенный сколокъ разнаго вида кибитокъ, вежь, палатокъ; между прочимъ (особенно у татаръ и на Кавказѣ у потомковъ племени Адовъ—Удовъ) шапки и шапочки *скроенныя* и *сшитыя изъ полосъ*, острымъ концемъ полосъ къ верху и съ завершеніемъ также на маковкѣ шишечкой (ср. выше стрѣлу, *яблоко*, головку). Эти шапки, распространенныя нѣкогда и у Сербовъ изъ періода кочевья, совершенно тоже, что *собранная палатка, шатеръ на головѣ.* Разверните это плошмя или распластайте, вы получите круглый блинъ или проще *кружокъ, съ радіусами къ центру и ободомъ* (радіусы—сшивки въ шапкѣ; ободъ—опушка; центръ—мишечка, гдѣ въ шапкѣ у иныхъ кисть—какъ въ фесѣ, у палатки же чокъ называемый «бунчукъ», пукъ или кисть волосъ конскихъ). Это живой образъ и цѣлаго *кочеваго стана*: всякая палатка одиночная есть фигура цѣлаго стана палатокъ, расположенныхъ радіусами отъ центра, и обратно станъ есть громадная палатка. Таково и было всякое «мѣсто», созданное кочевымъ періодомъ, впредь до присоединенія его къ «народному» стѣнному городу среди осѣдлости и земледѣлія (ср. нѣкоторыя подробности выше). Центромъ для «мѣста» у народа осѣдлаго и историческаго, у Аріевъ и Славянъ, явился Пургъ, Burg, Кремль, Вышгородъ, на горѣ (съ жертвою огню—*пуръ*), со *стѣнами*, куда вошли первобытные столбы, куны. Станъ кочевой остановился на одномъ *мѣстѣ, плоскомъ* (какъ естественно среди степей), съ однимъ только *возвышеніемъ* посрединѣ, если дозволялъ холмъ или пригорокъ (но не съ *горою*), и много, если съ первобытнымъ *столбомъ*, тѣмъ же, что вошелъ въ средину палатки. И *послѣднее*,

до чего дошло ихъ зодчество: прочее или добыто послѣ, по вліянію и примѣру народовъ осѣдлыхъ, или прямо *завоевано* у сихъ послѣднихъ, такъ что Восточники *вошли силою* въ *готовые* Арійскіе города, или же воспользовались ихъ развалинами. Вокругъ *такого-то* столба, кочеваго, составившаго *высшій* пунктъ развитія становъ, *мѣсто* не получило и не могло получить, какъ у Аріевъ, подлиннаго значенія *посада* и обмежеванпаго *земледѣльческаго поля:* напротивъ, вокругъ столба, кочевой станъ и его мѣсто сами составлялись изъ тѣхъ же *палатокъ*; онѣ *обвивали* собою срединный столбъ. И это же рѣзко обозначилось на *высшемъ* уборѣ головномъ, до котораго только успѣли достигнуть кочевники, съ нынѣшними представителями включительно. Старше какъ мы знаемъ по праотцамъ Евреевъ, Арабамъ Сиріянамъ въ началѣ кочеваго періода голова просто покрывалась *платомъ* сверху, со спускомъ концовъ внизъ; потомъ *повязка* по плату, какъ вѣнецъ (образовалось нѣчто въ родѣ *башлыка* или *капюша* въ бурнусахъ); потомъ *концы* плата *подвязывались* къ верху (нынѣ башлыкъ къ низу) и это было началомъ помянутой, сшитой изъ клиньевъ, шапочки—ермолки (слово отъ Арійскаго *гермъ* «*terminus*» жеребей разрѣзаннаго на радіусы участка),—повторившей въ себѣ фигуру палатки и стана; платъ обвивался уже *вокругъ* нея, и здѣсь начало *чалмы;* наконецъ посрединѣ *клобукъ* (по корню тоже что *кубокъ*, стаканъ), усѣченный столбъ или цилиндръ, и вокругъ-то него обвился *платъ клубкомъ*, какъ палатки вокругъ главной ставки или центральнаго столба съ бунчукомъ. *Дальше* этого не пошло: Арійскаго *цилиндра* съ *полями* и полями *загнутыми* (въ зависимость) къ столбу—городу, не оказалось,—не народилось чоки называемой *шляпы.* Не достало и вѣнца *городоваго*—со стѣнами, башнями въ звѣньяхъ, зубцами: то достояніе историческихъ, земледѣльческихъ «народовъ». Притомъ, и еще рельефнѣе, все это, въ формѣ жилищъ и уборовъ, *замкнуто на всегда, не можетъ выйти* изъ *безисходнаго круга, вращается въ себѣ самомъ* и *не свободно* для пользованія. Вы чувствуете во всемъ, что не дозрѣли до *народа*, ибо, между прочимъ, не дозрѣли до *семьи;* безъ семьи не дозрѣли до *брака*, безъ брака не имѣютъ организма и всѣхъ перипетій *свадьбы;* безъ свадьбы нѣтъ свободнаго и разнообразнаго значенія *покрововъ, уборовъ;* вращается все это на половину еще въ *племенныхъ* и *родовыхъ* условіяхъ, слѣдовательно по преимуществу *физическихъ;* а если такъ, то и не свободно въ духѣ. И вотъ что ставятъ намъ за прототипъ, первообразъ, отъ котораго мы заимствовали, которому подражали, вліянію котораго подчинились! Это совсѣмъ на выворотъ: дѣло само шло путемъ обратнымъ. Посмо-

тримъ же еще вкратцѣ на глубокое отличіе народовъ историческихъ, Аріевъ, Индоевропейцевъ, въ томъ числѣ Славянъ и Русскихъ.

Прошедши періодъ кочевья, общій всѣмъ крупнымъ племенамъ и слагавшимся народамъ, но, въ противуположность закоренѣлымъ скитальцамъ, вышедши изъ кочеваго быта къ земледѣльческому, изъ становъ подвижныхъ къ прочному гражданству городовъ, изъ шатровъ въ зданія, изъ племеннаго броженія къ осѣдлости народа и къ народности, изъ родовыхъ условій къ семейнымъ, изъ сожительства съ похищенными или купленными женами къ «монизму» брака, основаннаго на нравственныхъ началахъ, Арійскіе и всѣ Европейскіе народы, а въ томъ числѣ и даже по преимуществу Славяне съ Русскими, на сцену положительной исторіи и къ завершенію Христіанствомъ вынесли изъ того же глубокаго прошлаго и начала свадебъ, и формы ихъ, обрядно воспроизводимыя, но съ пріемами уже чистонародными, съ лучшимъ смысломъ и свободою примѣненія, въ свою очередь сопровождаемою свободнымъ творчествомъ. Здѣсь, въ «техническомъ» употребленіи, »покрывало» разныхъ видовъ сохранило и вновь пріобрѣло значеніе: а относительно *невѣсты*—для предстоящаго ей свадебнаго «поѣзда», въ кочевьѣ весьма отдаленнаго, да не близкаго по цѣли и пространствамъ въ быту народномъ — земледѣльческомъ, какъ напримѣръ въ Россіи, особенно на Сѣверѣ и въ Сибири, отчасти на Востокѣ и Югѣ, подъ солнцемъ и всѣми непогодами; б) относительно же *молодой* и *жены*, обрядно и практически *покрываемой* (у всѣхъ и повсюду), еще болѣе и центральнѣе,и бо это издревле означаетъ вступленіе подъ *кровъ* (хотя бы шатра и палатки), а далѣе и подъ *крышу* «недвижимаго» дома среди осѣдлости, такъ же, какъ и послѣдующая за свадебнымъ покрываломъ «бабья» (супружная) повязка платкомъ, кичка, сорока, головка, шапочка или же кокошникъ (нѣмецкое «Unter die Haube kommen» или «bringen»,—войти или ввести подъ чепчикъ, равносильно значенію «выйти или выдать замужъ»). Въ послѣднемъ случаѣ вмѣстѣ съ покрышкою головы и крышею дома, женщина поступала къ *очагу*, хозяйкою (т. е. владѣтельницею крытой хижины, принимая на себя и символъ послѣдней), къ стряпнѣ и воспитанію дѣтей, что не допускало распущенныхъ или мѣшающихъ работѣ длинныхъ волосъ и требовало опрятности, «подбора» для работы. Такой актъ перехода женщины на новое поприще и самъ «постоянный» домъ съ «вѣчнымъ» *очагомъ* (названіе Арійское, у восточниковъ «оджакъ») получили названіе у древнихъ Ираиъ и собственныхъ Аріевъ (еще съ Зенда и отдаленнаго подрѣчія древнихъ Персовъ), очень выразительное *гарема* или *гамомъ*,

по нашему ближайшему корню «горимое», сожигаемое и горящее, или «жаръ» (въ угольяхъ): простая уже гигіена и защита головы отъ боли требовала покрытія предъ лицомъ такого постояннаго «жара»; Латинцы же воспроизвели эту черту въ названіи покрывала—*flammeum*, обыкновенно «краснаго цвѣта» (какъ жаръ угольевъ), цвѣта, господствующаго и любимаго у Славянъ, особенно у Русскихъ *) свобода свойственная законченному организму народа, выражается здѣсь *гармоніи съ нуждою* и въ *сообразности съ потребностью*. Таково и есть Арійское употребленіе покрывала, будетъ ли то «фата нашей древности и областной жизни, или «вуаль» (изъ velum—кусокъ полотна, порусина для парусовъ) по названію и обычаю прочихъ» Европейцевъ, у болѣе богатыхъ и «образованныхъ», или въ классахъ пониже «сѣтка», наконецъ просто «платъ» и платокъ изъ полотна отрѣзокъ или крашеный, фабрикованный и расшитый. Не говоря уже о замужнихъ женщинахъ, у самаго «простаго» народа, внутри дома свободно и часто снимающихъ покровъ головы, въ частности на *дѣвушкахъ* видимъ, что онѣ вовсе не употребляютъ обряднаго и какого либо завѣщаннаго «покрывала» *внѣ свадьбы и раньше ея*, ни «свадебнаго» покрывала до гармоніи съ потребностью—*до-поѣзда*; ихъ принадлежность, напротивъ, *вѣнокъ* или *вѣнецъ*, о которомъ выше, но и также *свободно, не всегда* употребляемый. Самыя наши «дѣвы-поляницы,» ярко до мелочей обрисованныя въ эпосѣ и сказкахъ, исходя еще изъ кочеваго быта и полюя, имѣя при себѣ спутникомъ и «шатеръ бѣлополотняный», отнюдь не закутываются какимъ либо покрываломъ и не прячутъ лица, даже отъ дерзкихъ искателей, плѣняемыхъ именно ихъ «открытою» красотою, съ которыми и борются. Исторія и прочая письменность, излагая ходъ свадебныхъ обрядовъ, вовсе не выставляетъ «закутыванья», исключая развѣ обмановъ, гдѣ дурную невѣсту выводили «по мраку», но тогда и не нуждались въ закрытіи ея лица, что пуще возбудило бы лишь подозрѣнія. Рисунки свадебъ и вѣнчаній, между прочимъ въ рукописяхъ и книгахъ старой печати, не изображаютъ также лицъ невѣстиныхъ закутанными, но даже закрытыми (да, какъ извѣстно, покрывало, нужное лишь для «поѣзда», закидывается съ лица при вступленіи въ храмъ). Перебывавши лично во многихъ мѣстностяхъ Россіи, для изученія быта и творчества, ни тамъ на мѣстѣ, въ великой и бѣлой Россіи, ни по прежнимъ описаніямъ, *не встрѣчали мы* закрытія лица у дѣвицъ и невѣстъ какъ чего либо

*) Ср. справедливую догадку Росбаха въ его «Die Röm. Ehe».

унаслѣдованнаго къ *непрѣменному исполненію*, какъ *обычая обязательнаго*. Наоборотъ, не только въ народномъ, но и въ «образованномъ» кругу, не у насъ однихъ, а по всей Европѣ, извѣстенъ распространенный обычай женщинъ вообще и дѣвушекъ закрываться и даже закутываться крѣпко вуалемъ, *участвуя* со стороны въ свадьбѣ и въ провожатыхъ, просто выходя на улицу и бульваръ, садясь въ экипажъ (sortie du bal), отъ пыли, холода, постороннихъ глазъ: не сказать же, что всѣ онѣ понесли вліяніе Тюрко—Монголовъ. Подъ Москвой и въ Москвѣ, лѣтомъ и зимою, можно видѣть, какъ дѣвушки и женщины подгородныхъ селъ, преимущественно садовыхъ и огородничьихъ, во весь путь къ Москвѣ и обратно домой, отъ жара, пыли или холода завиваютъ все лицо такъ плотно, а самый даже ротъ такъ крѣпко, что едва видны глаза и трудно разговаривать; видали мы тоже въ степяхъ Малороссіи и на богомольѣ странствующихъ Бѣлороссіянокъ, Литвинокъ; у лучшихъ представителей Кавказа, не младшихъ, чѣмъ прочіе Аріи и выросшихъ давно до народности, ради солнца и вѣтра въ обычаѣ постоянное почти неснимаемое съ головы покрывало, и полное, и густое, почти у всѣхъ женщинъ: тамъ рѣзко выдается и отличіе «народное» отъ «кочеваго», Восточнаго: клобуки или цилиндры на головѣ женщинъ такіе же, какъ въ срединѣ «развитой» Азіатской чалмы, но покрывало *виситъ свободно*, то совершенно обнажаетъ лицо, такъ закрываетъ его отъ зноя и горнаго вѣтра. У Албанокъ и Новогречанокъ то же самое, особенно когда онѣ, при закатѣ солнца, сидятъ массами по отвѣсамъ горъ: а уже конечно онѣ незнавали никогда Монголовъ и не станутъ подражать врагамъ туркамъ; наконецъ, вуали Испанокъ и Венеціанокъ вошли въ славу.

Еще важнѣе обрисованныя черты по отношенію къ такъ называемому *затворничеству* или, лучше, къ безъисходному и запретному, заповѣдному и тайному житью подъ *кровомъ* и *крышей*, въ затворѣ. То и другое, покрывало съ одеждою и устройство или фигура жилища, мы знаемъ, *тѣснѣйше связаны*, копируя или повторяя другъ друга взаимно. Потому, естественно и смѣло заключаемъ, гдѣ *закрыто лицо съ головы*, тамъ есть надежный *кровъ* или даже *крыша дома*; гдѣ *свободно* закрывать или открывать лицо съ *глазами* и *устами* для рѣчи, тамъ и въ домѣ или жилищѣ *свободенъ* женщинамъ *входъ* и *выходъ*, съ свободою роли, обращенія, пріемовъ, прогулокъ; гдѣ, напротивъ, голова и особенно лицо, съ глазами и ртомъ, *закутаны плотно*, *постоянно*, *обязательно* и *принудительно*, по обычаю и преданію, навѣрное *затворничество* дѣвушекъ и женщинъ; и тоже,

почти всегда, обратно. Тѣмъ самымъ уже, зная у Славянъ и Русскихъ *свободное* употребленіе покрывала и примѣненіе его лишь по *необходимости* или въ *спеціальномъ древнемъ обрядѣ*, мы въ принципѣ и a priori обязаны отвергнуть какое бы то ни было *затворничество женщинъ въ домѣ*, среди «сложившагося» народа и «организованной» семьи, въ старину ли—восходя почти до Р. Хр., или до послѣднихъ нашихъ дней. Но тоже самое подтверждаютъ историческіе факты и свидѣтельства, да и наличность нынѣшняго быта въ народѣ (которая обыкновенно крѣпко держится древности и вѣрно отражаетъ ее). За нѣсколькими исключеніями обмолвокъ и ошибокъ въ свидѣтельствахъ, тенденціозныхъ отзывовъ со стороны непріязненныхъ иностранцевъ и явнаго смѣшенія «Русскихъ» съ живущими въ Россіи «инородцами«, все прочее подтверждаетъ, несомнѣнно и единогласно повторяетъ, что у Славянъ вообще, у Русскихъ и частнѣе у Великоруссовъ съ бѣлоруссами, съ тѣхъ поръ какъ застаетъ ихъ положительная исторія «народомъ» по выходѣ изъ кочевья, никогда не было *затворничества* женщинъ вообще и дѣвушекъ въ частности, затворничества *гаремнаго, заповѣднаго, принудительнаго, насильственнаго,* предписаннаго обычаемъ и волею старшихъ, властію мужа, требованіемъ родичей и т. п., *въ такомъ смыслѣ,* позднѣйшемъ и нынѣшнемъ, какой водворился у иноплеменниковъ Азіатскихъ, у Восточниковъ нисшихъ, у кочевниковъ. Такъ, между прочимъ, что касается «Дѣвы», роль которой, замѣтили мы выше, выдвинулась впередъ у всѣхъ народовъ, именно съ началомъ «народности» и по выходѣ изъ племеннаго кочеваго быта, *гораздо раньше,* чѣмъ роль жены—супруги—матери въ семьѣ, такимъ образомъ это *высшее* положеніе «Дѣвы», какъ существа *верховнаго* и «чрезвычайнаго», выразилось въ самомъ *помѣщеніи* ея, въ жилищахъ, зданіяхъ и зодчествѣ, Въ эпоху «племени общаго» и быта звѣроловнаго, «Дѣва» на границахъ круга, служившаго территоріей, по его обвѣду, на ловлѣ. въ богатырствѣ и «полеваньѣ», чаще съ братомъ (какъ Артемида съ Фойбомъ, Діана съ Аполлономъ), потомъ при встрѣчахъ съ женихомъ; начало кочевья и развитіе скотоводства удалило ее съ границъ въ центръ круга, постепенно, какъ кладъ, сокровище и цѣнность извѣстнаго рода; развитіе онаго среди палатокъ и отдаленное начало семей приковало ее сюда и вмѣстѣ съ «цѣнностью» послужило для кочевниковъ происхожденіемъ ея замкнутости, затворничества. Но затѣмъ, въ особенности по вторичномъ переходѣ (возвращеніи изъ кочевья) Аріевъ на Кавказъ, «горячее» развитіе началъ семейныхъ, преимущественно усиліями Мидянъ, этихъ гегемоновъ

Арійской группы, вызвало жестокую кару на хамитизмъ, фаллизмъ и распущенность былаго кочеваго бѣта; то была эпоха «огня», кровавыхъ и огненныхъ жертвъ, эпоха Дахіевъ или Даговъ, Дагестана (въ широкомъ смыслѣ) и древнихъ божествъ—Дагона, нашего Дахбога, у другихъ Ваала, Кроноса, Сивы. Дѣва стала при «отцѣ» (тогда же выдвигавшемся), защитою и мщеніемъ его поругаемой чести, судьей уклоненій и распущенности «женъ», это помянутая «*Судная* Дѣва», какою оставалась долго у Славянъ. «Дивная» и «чудная» (Diva, ср. выше), она не только судила, но и княжила (какой опять является на первой зарѣ Славянской исторіи, ср. выше) и преслѣдованія Артемиды противу распущенной Афродиты, обставленной кочевыми евнухами и галлами, слишкомъ памятны: благодаря тому Мидо-Персы, на пути въ Европу чрезъ Малую Азію, до тла уничтожили Греческіе храмы, идолы, культы, обряды, символы Афродиты. Благодаря тому же и параллельно развитію «народности», осѣдлаго земледѣлія, общины и семьи, постепенно опредѣлилась наконецъ роль «супруги» (въ «бракѣ» моническомъ) и «матери»: тѣ же Мидо—Персы, въ связи или въ арьергардѣ, съ которыми двигались въ Европу Арійцы—послѣдующіе Европейцы, тѣ же вообще народы, которые приходомъ въ Европу и помѣщеніемъ на сѣверѣ Эллады или въ центрѣ Италіи, измѣнили фривольные, хамитическіе Афродитины или кочевые законы клоническаго міра въ его архаичной первобытности, они же выставили во главу «Митру», съ особымъ культомъ и мистеріями, гдѣ возобладала роль «матери» и «супруги», гдѣ грозная, каравшая и судная «дѣва» постепенно введена въ общія границы семьи, украшена до послушанія родителямъ, смирена и включена въ міръ съ «женами» прочими. Но остатокъ и слѣды ея чрезвычайности, особенности и высоты длились еще долго и выражались ярко, какъ выражаются «въ народѣ» и доселѣ (ср. выше), современно тому же, столбы или «кулы», зачавшіеся еще въ кочевьѣ и періодѣ дружинномъ, вмѣсто прежней «одиночности» или «центра» въ палаткѣ, введены въ храмы, въ жилища, постоянными частями *зодчества*: это извѣстныя у насъ *вышки*, *горницы* (горѣ, на верху), *теремá*, *кулы* доселѣ у Южныхъ Славянъ и Сербовъ, *чардаки* (чардаци) «общей» рѣчи Арійской и Туранской, *гаремы* въ «смыслѣ Арійскомъ» (ср. выше)—какъ мѣсто «огня» на столбѣ и жертвенникѣ, чистаго «дѣвственнаго» огня Весты,* и т. д., наконецъ *башни* въ

---

* *Чар—дак-ъ* или *даг-ъ*, по общей рѣчи Арійской или Ирано-Туранской «огонь на божественной», «очарованной» или «дивной», «чудной» вершинѣ. Ср. *Diva*, диво, *чудо*, *чара* въ смыслѣ *суда*, *со-суда*, волхвованіемъ жребіемъ; *даг-горѣть*.

послѣдующихъ «рыцарскихъ» замкахъ, въ особенности у Германовъ. Вездѣ это спеціальныя сѣдалища «Дѣвы», отъ божественной и миѳической «Ко́ры» у Грековъ (откуда, съ горняго престола, по мистеріямъ, похитилъ ее богъ), до нашихъ былинъ, по которымъ дѣва «въ высоямъ терему», отъ Всеслава историческаго, по Слову о Полку Игоревѣ, рыцарскимъ наѣздомъ и копьемъ коснувшагося теремной святыни (сравненіе съ осадою Кіева) до такихъ же историческихъ Западныхъ турнировъ, цѣль которыхъ взять дѣву подвигомъ съ вершины и башни за́мка. «Гаремы», въ смыслѣ Арійскомъ—«семейномъ» и «народномъ» переведены изъ прежнихъ кочевыхъ палатокъ туда же: сверхъ значенія «Вестальнаго» и жреческаго, тамъ же *практически* поддерживался «вѣчный» огонь среди жилаго осѣдлаго зданія ради женскихъ работъ по ночамъ, ради ухода за дѣтьми и безпрерывнаго вставанья для нихъ; тамъ и позже ложились спать,—тамъ находилъ хозяинъ отдыхъ въ семьѣ послѣ работъ и подвиговъ; однимъ словомъ, такъ постепенно создались *семейные терема́, для всей* семьи, съ передовыми ролями «жены-матери» и «дѣвы», изъ которыхъ послѣдняя какъ извѣстно, у всѣхъ «народовъ», нянчитъ дѣтей послѣ ихъ кормленія матерью. Терема́ означили «по преимуществу» кровъ, сѣнь (именно выше—подъ «кровлей» и «крышей», въ «горнемъ» этажѣ), убѣжище, защиту, безопасное мѣсто и т. д., для дѣтей, слабѣйшаго пола, всѣхъ женщинъ «семьи», жены—матери и дѣвы, работъ ихъ, хозяйства («чистаго»), отдыха и досуга или семейныхъ отрадъ мужа—супруга. Видѣть здѣсь «затворничество»—то же, что обличать въ Азіатизмѣ и гаремномъ бытѣ средневѣковое рыцарство съ его любовью, романсами и высокою ролью женщины, или въ томъ же обличать нынѣшнихъ Англичанъ, у которыхъ, по извѣстной аксіомѣ—пословицѣ,—«домъ—крѣпость, за́мокъ»; быть *въ за́мкѣ* далеко уже нето, что *подъ замко́мъ*, хотя одно вытекало изъ другаго, послѣдующее и народное изъ антиквированнаго кочеваго. Излишне прибавлять и повторять, что пресловутаго «затворничества» въ смыслѣ Азіатскомъ, кочевомъ и мусульманскомъ, ни у Аріевъ вообще, ни у Славянъ и Русскихъ въ частности, ни въ какой вѣтви и эпохѣ создавшагося «народа» и сложившейся «семьи», ни до исторіи—по принципу и типу, ни въ положительной исторіи по фактамъ *не было, неизвѣстно и не могло быть*. У насъ издревле, и доселѣ въ народѣ коренномъ, всѣ женщины, не исключая дѣвушекъ, свободно выходили и входили изъ жилища и въ жилище, жизнь (внѣ круга «семейныхъ» функцій) текла открыто и публично, «на всемъ народѣ» или всенародно, участвовали они въ общинныхъ и гражданскихъ отправленіяхъ всюду—

отъ сходокъ до соборовъ, отъ подачи одиночнаго голоса до посадничества и княжества (Марѳа, Любуша, историческія княжны и княгини), женскія работы и труды исполняли среди всѣхъ на глазахъ— отъ ходьбы на колодезь и отъ полосканья въ рѣчкѣ до полотья грядъ и собиранія плодовъ, до сѣна и жнитвы, участвовали въ празднествахъ, пиршествахъ, хороводахъ, пляскахъ публичныхъ, и т. д., и т. д. Ограниченія истекали только изъ естественныхъ и повсюдныхъ, самыхъ цивилизованныхъ, причинъ,—требованій стыда, скромности, застѣнчивости, предохраненія паденій, надзора старшихъ, и т. п.

Предполагаемое у Русскихъ, какихъ бы то ни было, или у Славянъ вообще, затворничество, укутыванье, замкнутое и насильственное положеніе съ типомъ Азіатскимъ и кочевымъ, если все это признать не предположеніемъ и недоразумѣніемъ, а фактомъ, могло бы быть объяснено и подтверждено не исконными, внутренними и наслѣдованными началами, которыя всѣ антиквированы вмѣстѣ съ «пройденнымъ» кочевьемъ въ «прежнемъ» быту племени, побѣждены и преобразованы сполна законами народными, семейными, общинными, земледѣльческими, осѣдлыми и гражданскими, а единственно лишь — *позднѣйшимъ вліяніемъ со стороны*, какъ *воздѣйствіемъ пришлыхъ племенныхъ вѣтвей Туранства или Монголизма съ ихъ кочевьемъ*; а на этомъ съ подробностію остановится II-й отдѣлъ нашей статьи. Переходомъ же послужитъ намъ слѣдующее краткое обозрѣніе вопроса въ слѣдующихъ чертахъ.

Тѣ изъ Азіатцевъ, какихъ бы то ни было, отъ Туранъ и Монголовъ до нѣкоторыхъ Семитовъ и даже отпрысковъ Арійскихъ (Азія была колыбелью общею, а періодъ кочеванья повсюднымъ), тѣ, которые, по внутреннимъ ли началамъ, по вліянію ли сосѣдей или завоеванію, успѣли усвоить себѣ извѣстную долю «народности» со спутниками ея типа и явленія, тѣ, послѣ періода кочеваго, «не загрязли» въ затворничествѣ, въ замкнутости жилища, въ укрываніи и закутанности женскихъ уборовъ, а подъ ними лицъ и чертъ, и объ нихъ будемъ говорить еще ниже (а пока, для крупнаго примѣра, напомнимъ хоть часть Индусовъ или Славянъ-босняковъ среди самого магометанства). Но «погрязшіе», тѣмъ самымъ, въ силу косности и въ силу конфигурованной кристаллизаціи, тѣ должны были въ десятеро, въ сотню разъ пріумножить, закрѣпить, развить до крайностей черты быта древнѣйшаго, кочеваго и племеннаго, со всѣми недостатками и со всею исключительностью. Черты эти, какъ начала и принципы, вынесены были ими, мы знаемъ уже, изъ періода общаго, однороднаго съ Аріями и подлинными народами, обезпечены и закрѣплены

были общими терминами и обычаями, а потому, самой древностью и однородностію съ лучшими, оправдывали закоснѣніе въ глазахъ каждаго. Сверхъ того, и *внѣшнія* условія жизни оставались для нихъ прежнія, безъ участія горной природы Кавказа, морей и Европы, и такъ остаются для многихъ доселѣ: тѣ же степи и пески, тѣ же вѣтры, палящіе лучи солнца, ураганы, потравляемыя пастбища, непремѣнные переходы и т. д. Подобно Индо-Европейцамъ, и они *примѣнялись къ нуждѣ внѣшней*, сверхъ застоя и осадки внутри: но ихъ нужда *постоянная, однообразная, повторительная*; ихъ кругъ и вращеніе въ немъ *безысходны*, закрѣплены *религіозно* и устраняютъ *свободу*. Наконецъ, такой порядокъ вещей закрѣпленъ навсегда *мусульманствомъ*, которое, какъ извѣстно, привилось по преимуществу къ *племенамъ*, не достигшимъ полной *народности* и застигнутымъ въ *кочевьѣ*. Первобытно, «типъ *Хамитизма*», съ его фаллизмомъ и сладострастіемъ, а вмѣстѣ съ вынужденнымъ оттуда же скопчествомъ *), чрезъ который болѣе или менѣе прошли въ началѣ и всѣ вѣтви Племени Общаго, и зачатки послѣдующихъ Народовъ, водворился и окрѣпъ по преимуществу въ *кочевьѣ*: онъ же окончательно овладѣлъ, какъ обуза и цѣпи, какъ *условіе исключительное*, тѣми, кто въ кочевьѣ остался. Хамитизмъ и кочевье, на извѣстную пору, опредѣлились уже какъ *синонимы*: а съ *такой*-то точки, по отношенію къ *такому* явленію, по одну сторону оторвались вѣтви, *не прошедшія* кочевья и впослѣдствіи *одичавшія*, съ унесенными лишь «зародышами» хамитизма, съ развившимся въ нихъ отчужденіи «шаманствомъ» и «фетишизмомъ»; по другую же сторону, другія вѣтви *прошли* путь хамитизма и кочевья, но *кончили* его, бросили, вышли къ лучшему, сохраняя лишь въ памяти или какъ способность репродукціи при случаѣ. Напротивъ «прочіе», кочевники «пстые» и «загрязлые», прежде еще нынѣшняго ихъ закоснѣнія и упорной персеверанціи, весьма вѣроятно, хоть и позже, могли бы еще высвободиться на лучшій правый путь, могли бы дозрѣвать и по крайней мѣрѣ «ассимилироваться» съ народами, если бы, по самой *натурѣ* и въ совершенной *послѣдовательности*, не былъ бы *ими же выработанъ и порожденъ, признанъ во главу жизни и окончательно не закабалилъ бы ихъ Исламизмъ* (мусульманство, магометанство). Онъ, повторяемъ, вышелъ изъ

*) Просимъ имѣть въ виду, что для современной науки «Хамитизмъ» есть технически «типъ» выработанныхъ началъ и усвоеннаго быта, а отнюдь не особое «племя», хотя нѣкоторыя племена и обязаны исключительными условіями жизни началамъ Хамитизма.

кочевья, и его же собою закрѣпилъ; истекъ изъ хамитизма, съ хамитическимъ фаллизмомъ, съ качаніемъ между сладострастіемъ и оскопленіемъ, какъ двумя экстремами, но онъ увѣковѣчилъ эту *хамитическую формацію* и оставилъ цѣликомъ навсегда ея statuquo какъ непреложный законъ и какъ удобство жизни; мало того, онъ соединилъ съ Хамитизмомъ бывшую его реакцію—*Семитизмъ*, съ *обрѣзаніемъ*, представлявшимъ нѣкогда противувѣсъ скопчеству и евнушеству; онъ этимъ слилъ или «сплавилъ» даже племена и расы, преимущественно Туранскія съ нѣкоторыми Семитическими, образовавши видимость чего-то похожаго на «народы», какого-то конгломерата, который не имѣетъ въ себѣ организма «народнаго» (ни семьи, ни брака, ни прочаго сопутственнаго), а между тѣмъ держится самой массою и сцѣпляемостью ея переплетшихся и перевившихся частей или нитей. Косности и застою сообщена *энергія* во имя самого же закоснѣнія: силы подняты до *напора*. Наконецъ, *такой* хамитизмъ, *такой* семитизмъ и *такое* кочевье подняты на небо, въ будущій рай и упованіе вѣчности. Извѣстно, до какихъ крайностей доведены здѣсь стародавніе, нѣкогда общіе, принципы и отличія. Такъ, помянутая Арійская «гарема» доведена до отвратительнаго гарема внѣ уже всякой семейности, Арійскій же и общій «очагъ» до «оджака» вѣчныхъ лагерей съ кострами и пожарами; переходы кочевья мирнаго для пастбищъ подняты до военныхъ походовъ и безпрерывныхъ завоеваній, палатки челяди до вѣчныхъ лагерей на разрушеніе всего осѣдлаго; рабство кочеваго быта сдѣлалось закономъ для обращенія въ рабство всякаго не-мусульманина; затворничество расцвѣло ненасытностью сладострастія, многоженствомъ, ревностью, принудительнымъ евнушествомъ, обязательнымъ обрѣзаніемъ, — все на кару или покореніе женщинъ; покровеніе головы, въ особенности ради непремѣннаго стриженія и бритья, какъ символа рабскому быту, простерлось на всѣхъ и повсюду, равно и женщинъ, и мужчинъ, и подъ палаткою, и въ храмѣ, и у себя въ жилищѣ; черты прежняго быта, изъ обычаевъ сдѣлались закономъ религіознымъ и политическимъ вмѣстѣ (если только тутъ возможна религія и жизнь политическая), а вмѣстѣ признакомъ и знаменемъ господства, для владычества надо всѣмъ остальнымъ міромъ. Такимъ образомъ, все это, въ основѣ кочевое, хамитическое или худшее семитическое, племенное и бытовое, поглощено единою *формаціей Исламизма*: говорить о *вліяніи* на Индо-Европейскіе народы со стороны Азіи, Востока, затворничества и прочаго гаремнаго,—значитъ говорить о вліяніи собственно *Мусульманства* или *Исламизма*. А это наши ученые и писатели забываютъ на

каждомъ шагу. Такъ, напримѣръ, говоря о вліяніи Тюрко-Монголовъ на Русскую жизнь, они забываютъ, сколько вѣтвей этой племенной группы, въ милліонахъ представителей, *ускользнуло отъ Исламизма*, слѣдовательно отъ самаго худшаго и крайняго въ нашемъ вопросѣ, въ вопросѣ о народности, семьѣ, женщинѣ, затворничествѣ и т. п.; сколько изъ нихъ осталось съ *шаманствомъ*, вовсе не узаконяющимъ затворничества или замкнутости, а еще важнѣе — сколько предано *буддизму* и *ламаизму*, возвышающему не только надъ хамитизмомъ, но и надъ застарѣлымъ кочевьемъ, такъ что вѣтви, зарученныя въ эту область, совсѣмъ уже не *представляли для насъ той опасности*, которую хотятъ видѣть и объясняютъ ихъ вліяніемъ. Иныя вѣтви, счастливо стяжавшія себѣ такую долю и избѣгшія извращенія мусульманскаго, на пути уже къ народнымъ признакамъ и къ осѣдлому земству, по крайней мѣрѣ переформировались и перерядились иначе противу кочевниковъ мусульманскихъ, почему ассиммируются даже съ нами и, вмѣсто вліянія на насъ, сами подчинялись и быстро поддаются вліянію нашему: а тогда это уже другой вопросъ и не слѣдуетъ уже, *предполагая* Азіатизмъ въ насъ, предполагать еще *вредный Азіатизмъ* въ тѣхъ, кто видимо отъ него высвобождается. Исламизмъ же, сколько извѣстно, на комъ отяготѣлъ, къ тому вовсе уже не прививаются почти начала «народныя»—за отсутствіемъ корня—семьи, ни земледѣльческія, общинныя и гражданскія — за правиломъ набѣгать на другихъ и жить чужимъ. Между тѣмъ, съ другой стороны, рисуя себѣ и намъ вліяніе Тюрко-Монголовъ въ той формѣ, которая свойственна лишь мусульманамъ, писатели одинаково забываютъ, что Исламизмъ не составляетъ принадлежности исключительно однихъ Тюрко-Монголовъ: таковы же, мусульманами, и нѣкоторые изъ Аріевъ, сверхъ мелкихъ — Индусы и Персы, а тогда самое ихъ мусульманство, если доходило до нашихъ предѣловъ и вторгалось въ нашъ бытъ своимъ вліяніемъ, вліяніе это весьма видоизмѣнялось, фильтруясь сквозь отличія и черты, наиболѣе намъ самимъ всѣмъ сродныя. Кромѣ того, въ Мусульманствѣ же состоятъ и Семиты, и изъ нихъ передовые, даже родопачальники Исламизма, Арабы: во-первыхъ, они исходили изъ одного корня съ Евреями, у которыхъ менѣе другихъ было затворничество, многоженство и укутыванье женщинъ; во вторыхъ, они чуть не завоевали себѣ народности и близки были къ Европейской культурѣ, во многомъ имъ обязанной въ свою очередь, такъ что *подобное* вліяніе, за лучшую эпоху Арабовъ не принесло бы намъ непремѣнно однѣ только дикости и нелѣпости Азіатизма; въ третьихъ, не смотря на высоту своего вре-

меннаго подъема, благодаря тому же Исламизму, Арабы снова разложились до племеннаго кочевья со всѣми его аттрибутами, но при этомъ уже слишкомъ отдалились по самой территоріи отъ воздѣйствія на Русскихъ; а главное — они издревле, и доселѣ, яростные *враги Тюрко-Монголовъ* и нынѣшняго порожденія ихъ—*Турокъ:* стало быть, и дурное въ нихъ вовсе не *изъ Тюрко-монгольства,* а изъ Исламизма, потому и въ насъ слѣдовало бы искать источника дурному (хотя бы мнимому) не во однихъ Тюрко-монголахъ. Наконецъ, всего любопытнѣе, что у всѣхъ этихъ господъ, откуда переносятъ гибельное вліяніе на насъ, находя его въ бракахъ, семейной жизни, свадебныхъ обрядахъ, роли невѣстъ и супругъ, у всѣхъ у нихъ, за отсутствіемъ подлинной «семьи» нѣтъ ни подлиннаго «брака», ни «свадьбы» съ ея перипетіями и обрядами: мудрено же было вліять на насъ въ томъ, чего нѣтъ у нихъ самихъ. Закрытъ у нихъ не домъ, затворена не семья, а замкнутъ гаремъ и скрыто сладострастіе, многоженство, евнушество, обрѣзаніе; укутаны покрываломъ не дѣвушки, не на порядѣ, не послѣ вѣнчанья, а укутаны *всѣ женщины,* и раскутаны — растрепаны лишь безобразныя старухи, въ совершенную противуположность обычаю нашему; ровно покрыты чалмой, фесомъ, капюшемъ бурнуса не женщины однѣ, а *мужчины,* и *повсюду,* и безъ различія — по это покрыты *бритыя головы.* Обратно, находя у насъ затворничество и укутыванье Азіатизма среди «простаго народа», забываютъ, что у архи-исламитовъ и архи-тюркомонголовъ тѣ, кто не поступаетъ въ гаремъ и по селамъ, гдѣ нѣтъ гаремовъ, внутри становъ и равно по улицамъ городскимъ или деревенскимъ, для полевыхъ работъ, въ садахъ, огородахъ, на работахъ и т. д., женщины вовсе не укутаны съ лицами и глазами.

Уже одно это, весьма краткое и бѣглое обозрѣніе даетъ возможность слѣдующимъ выводамъ. Предполагаемое у насъ Азіатское, Восточное, кочевое и племенное затворничество съ послѣдствіями, замкнутость женщинъ, покрытіе головы ихъ и примѣненіе всего этого къ свадебнымъ обрядамъ, къ браку, семьѣ, къ отличіямъ народности и т. д., если бы даже было вѣрно и доказано фактами, во всякомъ случаѣ, вопреки увѣреніямъ писателей въ этомъ тонѣ:

1. Возводится вовсе не къ племени Тюрко-Монголовъ, непремѣнно и исключительно.

2. У многихъ Тюрко-Монголовъ вовсе не практикуется.

3. У всѣхъ у нихъ вообще имѣетъ иное значеніе, чѣмъ у насъ, по различію началъ и формъ жизни.

4. Всего прямѣе относится къ Мусульманству, которое обнима-

етъ «разныя» племена, въ томъ числѣ нѣкоторыя вѣтви и Арійскія и Славянскія.

5. Кристаллизовалось и отвердѣло до исключительности у кочевниковъ закоренѣлыхъ, уложившихся въ эту неподвижную форму вслѣдствіе «отсталости» отъ Аріевъ или гораздо позже народной зрѣлости сихъ послѣднихъ, отчего и пути вліянія, и способы необъяснимы.

6. Первобытнѣе и основнѣе всего возводится къ принципу кочевья и къ типу хамитизма, черезъ которые, на свою долю и въ свой періодъ, прошли и всѣ Аріи, въ томъ числѣ предки Славянъ и Русскихъ.

7. У всѣхъ таковыхъ болѣе или менѣе остается слѣдомъ былаго и признакомъ давняго, миновавшаго періода, что́ при случаѣ и репродуцируется *обрядно*, съ воспроизведеніемъ нѣкоторыхъ чертъ.

8. Но и при этомъ получаемъ смыслъ иной, отличный отъ устарѣлаго, примѣнительно къ наличнымъ явленіямъ и формамъ народнымъ, къ современнымъ потребностямъ и нуждамъ, съ полною свободою послѣдованія или отмѣны, безъ противорѣчія христіанству или съ заимствованіемъ ясности и правильности воззрѣній изъ сего послѣдняго.

9. У тѣхъ, кто съ нами въ этомъ сходится, хотя бы у доселѣшнихъ кочевниковъ и даже Исламитовъ, занято изъ *общаго* начала, источника и періода, не составляя *спеціальности* инородцевъ, а потому не давая мѣста ихъ вліянію или нашему займу и подражанію.

10. У нихъ же, въ большинствѣ случаевъ цѣликомъ удерживая старшія *Арійскія* черты, наименованія и терминологію, доказываетъ *ихнюю* зависимость въ семъ случаѣ отъ Аріевъ.

11. Условлено, между прочими міровыми причинами, повсюдною нуждою всякаго мѣста, времени и населенія, главнымъ образомъ природою, для всѣхъ одинаковою при вопросахъ о трудномъ пути, непогодахъ, дождяхъ, ураганахъ, вѣтрахъ, зноѣ, пыли и т. п. явленій, отъ которыхъ человѣкъ ищетъ защиты.

12. Въ томъ разнообразномъ, сложномъ, стройномъ и организованномъ видѣ, въ какомъ является при нашихъ обрядахъ и сопровождается нашимъ творчествомъ, не извѣстно ни Тюрко-Монголамъ и Азіатамъ вообще, ни Исламитамъ, ни даже прочимъ Западнымъ Европейцамъ сравнительно со Славянами и Русскими, составляя такимъ образомъ плодъ спеціальнаго развитія сихъ послѣднихъ и благоприобрѣтенное ими достояніе.

13. Не ограничивается преимущественно тою или другою вѣтвію Русскихъ, встрѣчаясь у всѣхъ по своему.

14. Изъ быта народнаго давно проникло, въ разныхъ видахъ и послѣдствіяхъ, къ обычаямъ общества и складу жизни гражданской.

15. Требуетъ строгаго изученія и опредѣленности въ терминахъ, безъ чего остается только общимъ мѣстомъ или голою фразою, не прибавляя намъ никакой характеристики.

Разобранные нами факты племенной и народной жизни, и самыя мнѣнія объ нихъ, очень важны въ томъ отношеніи, что вопервыхъ, ясно представляютъ намъ подлинный *генезисъ* ошибокъ и заблужденій въ данномъ вопросѣ. Оказывается, что сами факты въ матеріалѣ выводовъ слишкомъ скудны подъ рукою писателей: въ полнотѣ и подробности не знаютъ они хорошенько ни племенной, ни народной жизни у представителей ея, ни въ прошломъ, ни въ наличномъ видѣ: но и тамъ скудный матеріалъ слишкомъ мало изслѣдованъ и не освѣщенъ результатами, добытыми современною Этнографіей, Этнологіей и Археологіей, вообще тѣми науками, которыя простерты въ область доисторическую и въ слѣды ея посреди наличнаго быта. Вовторыхъ, важнѣе еще тѣмъ, что прямо вводятъ насъ въ слѣдующій, II-й отдѣлъ статьи, составляя для него подготовку и опредѣляя стороны, на которыя предстоитъ обратить серьезное отношеніе.

А именно, намъ необходимо опредѣлить съ возможною точностію: что такое самый *Туранъ*, который безпрестанно вертится на языкѣ писателей; какая роль въ немъ *Тюрко-Монголовъ*, одна ли это вѣтвь, или сложная изъ двухъ, и въ какой онѣ связи; какая связь ихъ *могла* существовать со Славянами и Русскими, въ эпоху доисторическую, дѣйствительно *существовала* на глазахъ положительной исторіи, *осталась до нашего времени* и какое же отсюда *вліяніе*; есть ли въ этомъ случаѣ какой либо-перевесъ на сторону *Великоруссовъ* съ *Бѣлоруссами*, или участь ихъ раздѣлена одинаково съ *Русью Малой*. Доселѣ мы главнымъ образомъ замѣчали *непослѣдовательность выводовъ*, анаколуѳію логическую и сторону вопроса попреимуществу *отрицательную*: теперь приходится взглянуть ближе въ лицо самихъ *фактовъ, событій* и *явленій*, въ ихъ *положительныя* данныя и наглядную ихъ *внѣшность* при свѣтѣ самомъ простомъ. Не избѣжимъ мы еще области доисторической, но еще больше всмотримся въ исторію и даже современную наличность. Съ тѣмъ вмѣстѣ предъ нами совершенно обозначится, столь важный нынѣ, вопросъ объ *инородцахъ* и истекающій изъ него же вопросъ о жителяхъ *коренныхъ*, а равно объ ихъ *переселеніяхъ*, на сколько послѣднія возможны, естественны, необходимы, полезны и разумны.

II.

Тѣ, которые пишутъ о *Тюрко-Монгольскомъ* или, общѣе *Туранскомъ* вліяніи на Великоруссовъ съ нѣсколькими меньшими вѣтвями Славянства, вѣроятно на столько свѣдущи въ географіи и этнографіи, что на первый разъ избавляютъ насъ отъ подробностей азбучныхъ и уполномочиваютъ насъ принимать названіе «Тюрко-Монголовъ» техническимъ научнымъ терминомъ, не примѣшивая сюда, напримѣръ элементовъ «Чудскихъ и Финскихъ» (какъ извинительно поступать лишь нѣкоторымъ Западно-Европейскимъ ученымъ, взирающимъ «издали»).

Значеніе *тура* и *тавра*, помянутое выше и зародившееся на «первичномъ» Кавказѣ, простерлось на всѣ первобытныя *племенныя стихіи* и сдѣлалось даже *именемъ* тѣхъ основныхъ *племенъ*, изъ коихъ выросли всѣ послѣдующіе «народы», а послѣ укрѣпилось и за тѣми, отставшими въ развитіи, племенами, которыхъ привыкли называть «Скитскими или «Чудскими», по періоду и области «скитанія—кочевья». Этотъ періодъ, эту область прошли *всѣ*, хотя «остатки» и «слѣды» сего въ Европѣ преимущественно удержаны такъ называемой «Чудью», отъ Таврієвъ нашей древней Тавро-Скитіи до соименныхъ Тавастовъ (Наета—Haomalais—laiset). Ни о тѣхъ, ни о другихъ у насъ здѣсь нѣтъ рѣчи: одни *старше*, другіе *моложе* и *позднѣе* «Туранъ Азіатскихъ», обозначаемыхъ (якобы) технически именемъ «Тюрко-Монголовъ». Мы, во всемъ послѣдующемъ изложеніи, имѣемъ дѣло только съ *Тураномъ Азіи*, какъ другимъ, иногда противуположнымъ, иногда очень близкимъ полюсомъ и предѣломъ съ *Ираномъ* и его *Аріями*.

Итакъ, не думаютъ же конечно писатели, что означенное вліяніе на Великоруссовъ имѣло мѣсто въ отдаленный періодъ Кавказа и первонаселенной Малой Азіи: тогда и Тюрки, и Монголы не были близки къ нашимъ предкамъ по *мѣсту* населенія или кочевья; «Тюрко-Монгольская» формація тогда только что *«начинала»* развиваться въ этомъ соединеніи двухъ племенныхъ элементовъ; по началамъ же своего *кочеваго быта* она имѣла много общаго со всѣми Аріями и съ предками Индо-Европейцевъ; а сами *Велико*-руссы да и всякіе *Руссы* вовсе еще не выдѣлялись изъ общей группы Славянства; Славянскіе же предки едва только *обозначались* и *намѣчались* среди прочихъ; такъ что, еслибы они и опредѣлились бы, и вліяніе существовало бы, тогда вліяніе *равномѣрно* легло бы на всю массу, заключавшую въ себѣ праотцевъ не только Славянамъ, но и Литвѣ, и «Южной»

(такъ называемой) Чуди, и Галламъ, и Тирреномъ, и Тиролю, и Тюрингамъ, и всѣмъ нынѣшнимъ (тогда лишь «будущимъ») Европейцамъ.

Затѣмъ, писателямъ, разумѣется, знакомы выводы современной науки, утвердившіе положенія, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей,—что Славянскіе предки пришли въ Европу отнюдь не Дербентскими «вратами племенъ», не Восточнымъ и Сѣвернымъ Кавказомъ отъ Каспія, не черезъ Волгу на Уралъ и Донъ, короче—вовсе не тѣмъ путемъ, гдѣ заваривалась тогда страшная борьба племенъ разнородныхъ и гдѣ «впослѣдствіи» господствовала Тюрко-Монгольская формація (допускаемъ ее, не разбирая пока состава). Напротивъ, предки наши шли и пришли отъ такъ называемаго нынѣ «Закавказья», отъ склоновъ хребта и горъ по Юго-Восточному и Южному побережью Чернаго Моря (Понта), чрезъ Малую Азію, по морю на Воспоръ, во Ѳракію и на Дунай, отсюда въ такъ называемою «Скитію» Скиѳію, Скуть или Скуѳь), то есть на Днѣстръ, къ Днѣпру, далѣе) на Востокъ къ Дону и выше по верховьямъ этихъ рѣкъ: путь, на которомъ въ ту пору (XI—VII в. до Р. Хр.) не было никакой Тюрко-Монгольской формаціи, даже не успѣвшей еще сложиться ни въ цѣломъ, ни въ отдѣльныхъ членахъ. *За долго* еще до того, старшіе зародыши *одной* половины изъ состава означенной фармаціи, именно «Тюрковъ»—такъ называемые *Юты* или *Уды* и *Ады* слишкомъ древніе и въ началахъ своихъ близкіе со всѣми почти прочими «народами», были разбиты и разсѣяны извѣстнымъ походомъ Египтянъ (XIV вѣка, при Сезостризѣ) сглажены Басками, и Гебрами, вытравлены предками Финновъ, Саксовъ, Киммеріянъ и Боевъ: такъ что, къ приходу Славянъ вся означенная мѣстность давно уже и совершенно была очищена отъ всякихъ элементовъ послѣдующаго Туркизма или Туркоманства.

Далѣе, наступившее обособленіе вѣтви, извѣстной позднѣе подъ Велико-русскою, отъ Славянства вообще и «прочихъ» Русскихъ, послѣдовало, какъ извѣстно, 1) начиная съ помянутой «Придунайской» и Южной или Скитской эпохи, постепеннымъ движеніемъ колонизаціи на Сѣверо-Востокъ нынѣшней территоріи, 2) позднѣе и сильнѣе, на глазахъ положительной исторіи, наплывомъ изъ «Полей» и Кіевской области, преимущественно послѣ тамошняго разоренія и паденія зарождавшагося государства. Въ 1-мъ случаѣ, организмъ сходившейся Великой Россіи совершенно обезпеченъ былъ на *Востокѣ* и *Юго-востокѣ*, отъ какого-либо давленія Тюрко-Монгольской формаціи, сплошною массою и сильною группою передовыхъ Мидо-Персовъ, въ лицѣ Алланъ, Сарматовъ и болѣе мелкихъ вѣтвей или

БИБЛІОТЕКА № Новгородсѣверской Гимназіи

подъ болѣе крупнымъ именемъ Асовъ (Ясовъ), продолжавшихъ движеніе отъ Каспія, изъ Кавказской Албаніи, занимавшихъ густо и непроходимо низовья Волги, и Дона, и всю нынѣшнюю Юго-Восточную полосу, вверхъ до Урала и Камы: сама же эта, Мидо-Персская, масса была *Иранская*, вполнѣ и чисто, то-есть *одного племени* со всѣми Европейцами и ближайшая къ намъ; въ добавокъ, прожившій до сего и исторически, она въ самыхъ переходахъ своего броженія хранила слѣды культуры и цивилизаціи, забытой среди Месопотаміи и Ассиріи, коими владѣлъ Иранъ; во всякомъ случаѣ, по всѣмъ памятникамъ, это была вѣтвь высоко нравственная и способнѣйшая къ цивилизаціи.

Лишь тогда, когда, послѣ долгаго владычества въ помянутомъ краѣ, подобно участи всѣхъ Восточныхъ и Азіатскихъ Пранцевъ (этимъ и отличныхъ отъ Западныхъ, проникшихъ глубже въ Европу), масса эта растратила силы свои въ безчисленныхъ походахъ и въ слишкомъ растянутой экспансіи, современемъ раздробившей ее и въ многомъ слившей со Славянами, въ томъ числѣ съ послѣдующей Русью Великою, тогда только, возросши за то время, формація Тюрко-Монгольская усилилась, подступила, постепенно начала занимать означенные выше края и вступила въ коллизію съ Русью, что совершилось уже *гораздо послѣ Рождества Христова* и о чемъ скажемъ еще ниже.

Тогда же, параллельно означеннымъ событіямъ, поглотивши въ себѣ часть элементовъ Мидо-Персскихъ (въ семъ уже нынѣ никто «изъ лучшихъ» не сомнѣвается, вплоть до И. Е. Забѣлина) и въ *отпоръ* напиравшимъ иноплеменнымъ Восточникамъ, тогда только поднялась и выразительнѣе обособилась *Русь Великая*.

Что касается до территоріи *Сѣверной*, то она, въ теченіе помянутаго періода вовсе не вѣдала Тюрко-Монголовъ, подавно Тюрковъ, а сплошь занята была *Чудью*, въ двухъ главныхъ отдѣлахъ: технически Чуди «Сѣверной», старшей, отъ Лопарей до Самояди и Остяковъ съ ближайшими вѣтвями, полудикой, не извѣдавшей даже и кочеваго устройства, сдавленной старше и Скандинавами, и предками Германовъ, и самими Финнами, а подавно «тѣснимой» далѣе къ Сѣверу или въ Сибирь, колонизуемой и доселѣ новозможности цивилизуемой со стороны Руси; технически же Чуди «младшей» и «Южной», какова Весь, Меря, Мещера, Черемись, Мурома, Корѣла, Мордва (Мокша и Эрса), и т. д., которая шла всегда вмѣстѣ со Славянствомъ, Русью и ея Великою половиной, заодно дѣлила судьбы, участвовала по возможности въ Аріискомъ ростѣ народности и цивизаціи, понесла оттуда вліяніе *на себѣ*, подала руку и голосъ въ такъ

называемомъ «призваніи Варяговъ» и въ устройствѣ новаго государственнаго союза; на окрайнахъ же, Сѣверныхъ и Юго-Восточныхъ, куда естественно выдавливалась она изъ однороднаго своими элементами центра Русскаго, Чудь «Южная» помогала ему въ *отпорѣ* и Старшей Чуди Сѣверной, и иноплеменнымъ Восточникамъ. Но эта послѣдняя Чудь вовсе не содержала въ себѣ Монголизма и слишкомъ долго чужда была всякаго Тюркизма, пока послѣдній усилился и началъ завоеванія, пока окрайны сдѣлались поприщемъ жестокой борьбы; тогда, оторванная часть этой Чуди не могла устоять на окраинахъ столь же крѣпко, какъ устоялъ Русскій центръ, она поколебалась и, въ позднее время, да и въ наше, подпадала и подпадаетъ воздѣйствію Татаро-Тюркскому, сама здѣсь погибая, именно на Юго-Востокѣ, постепенно и неудержимо тѣснясь съ Запада на Востокъ, за хребетъ, за Уралъ, и, разумѣется, уже не оказывая вліянія своимъ типомъ на Россію. Элементъ *Чудской*, со стороны Чуди 2-го отдѣла, «Южной» и «Младшей», глубоко сроднился со многими вѣтвями Славянства: искони, когда еще предки Славянъ и Чуди соединялись подъ однимъ именемъ *Вановъ*, которое перешло послѣ на «Финновъ», когда имя *Скуѳь* равнялось, какъ нынѣ доказано, названію *Чуди*; кочевала, въ своихъ остаткахъ, сберегла еще всѣ слѣды такого роднаго союза. Особенно же этотъ Чудской элементъ сравнился съ Русью Великою, продолжая общую жизнь на Сѣверѣ и Юго-Востокѣ: кромѣ языка, творчества и быта, самый физическій типъ понесъ глубокіе слѣды родства и вліянія, у Чуди съ Русскими чертами и признаками, у Русскихъ съ Чудскими, такъ что и нѣкоторыя Бѣлорусскія отличія, напр. волоса и особенно носъ,—чисто Чудскаго типа, при переходномъ звенѣ Литвы. Но эти «этнографическія» признаки и въ ихъ числѣ типъ физическій не носятъ въ себѣ ни малѣйшаго Тюркизма, а тѣмъ паче Монголизма, чужды соединительной формаціи Тюрко-Монгольской, а въ спеціальномъ дѣлѣ жилищъ, свадьбы, покрововъ—представляютъ все *противуположное* Тюрко-Монгольству (опредѣленной, позднѣйшей формаціи); никто не зналъ Чудскаго затворничества, гарема, закрытаго лица, тѣмъ паче Мусульманства.

Помянутому историческому *наплыву населенія съ Юга* предшествовало, въ промежуткѣ, появленіе на Востокѣ и Юго-Востокѣ Россіи *Арабовъ*: Русь, какъ народъ сложившійся, Арабы, какъ слагавшійся, не подчиняли другъ друга, не завоевывали, а чувствуя обоюдную мощь и независимость, свободно, лишь *сносились*, въ международныхъ дѣлахъ, благодаря мѣновой торговлѣ и обоюдному богатству товаровъ, особенно же благодаря Арабской монетѣ и золоту, кото-

рыхъ не могло быть въ обиліи на тогдашней Руси, но которыми, вмѣстѣ съ другими внѣшними средствами цивилизаціи, запаслись Арабы, проходя странами «классическаго» Востока и завоевывая ихъ. Та и другая сторона глубоко уважала предѣла территоріи и не переступала ихъ, держась вдали отъ рубежа; Арабы описывали Русскіе обряды и обычаи, какъ совершенно особые, но не присвоивая ихъ себѣ и не присвоивая какого-нибудь вліянія на нихъ; сами же они были чисто-кровные Семиты, отчасти умѣвшіе, благодаря тѣмъ же завоеваніямъ, значительно Пранизироваться (ближе къ намъ), но въ ту пору не проникнуты были нисколько чертами Тюрко-Монгольства, съ которыми пришлось имъ сблизиться позже, въ послѣдствіи, по отдаленіи отъ предѣловъ Русскихъ и въ водоворотѣ воспрянувшаго Тюрко-Монголизма, на Востокѣ *болѣе далекомъ*. Кочевой бытъ «такихъ и тогдашнихъ» Арабовъ уступалъ явно народному и земскому, проникаясь элементами Востока древнѣйшаго и классическаго; объ Исламизмѣ ихъ и о вліяніи его на Русскихъ не можетъ быть и рѣчи,— до вѣры и религіи не доходило въ сношеніяхъ.

Переходимъ къ случаю или событію 2-му. *Наплывъ* населенія съ разбитаго Юга, съ опустошенныхъ «Полей», изъ развалинъ первобытной формы государства и Кіевской области, только *усилилъ, обогатилъ* Русь чисто-кровными, частью древне-славянскими, частью типически-Русскими элементами: не имѣя возможности проникнуть въ самый центръ Сѣверо-Востока, тогда уже густо населеннаго и устранявшаго внѣшнюю колонизацію, оказывая себя вліяніемъ болѣе нравственнымъ, политическимъ и личнымъ, этотъ наплывъ растянулся *по окраинамъ* цѣлыми народными слоями —отъ Тулы и Орла до Рязани и ниже, отчасти до области Симбирской. Онъ всюду разносилъ съ собою начала богатырства древняго въ болѣе новой формѣ возникавшаго «казачества», на Сѣверъ и Сѣверо-Востокъ проникъ за Владиміръ, подъ Ярославль и Нижній (судя по слѣдамъ—даже къ Перми), всего же видиѣе,—за густотою центра Новгородскаго,—колонизовалъ весь Олонецкій край и Обонѣжье, а тамъ цѣликомъ сохранилъ на долго «Эпосъ Кіевскій», поражающій насъ даже въ остаткахъ точною и подробною картиною Руси Полянской, Кіевской, Южной. Бѣлая Русь *этому* же движенію, этому же напору массъ Южно-Русскихъ обязана измѣненіемъ на половину собственнаго физическаго типа, массою населенцевъ типа Южнаго, подъемомъ энергіи, значительною долею творчества, или же загорожена была съ Юга отъ Восточниковъ, какъ съ Запада и Сѣвера ограждена была отъ нихъ Русью Великою; такъ что, о Тюрко-Монголизмѣ Бѣлой Руси нельзя и подумать безъ

улыбки, а разныя отдѣльныя личности, проникшія туда такъ или иначе, въ родѣ какихъ-нибудь Салтановъ, служащихъ нынѣ становыми и исправниками, Руссѣе самихъ Русскихъ. Во всякомъ случаѣ, это было *бѣгство*, въ Россію, остававшуюся Русскою, и стремленіе примкнуть къ ея сложившемуся *центру* на Сѣверо-Востокѣ (относительно «Полей» и Кіева), для *отпора* общимъ врагамъ, иноплеменнымъ Восточникамъ; *бѣгство* же отъ врага и соединеніе въ *напоръ* противу него не есть проводникъ вражескаго вліянія, тѣмъ паче въ срединныхъ пунктахъ народнаго типа; такихъ, какъ рѣчь и творчество, жилища и семья, свадьба и обряды, одежда и уборы. Это, говоримъ, все лишь возвысило, усугубило, усилило Россію и предначертало ей имя *Великой*, вскорѣ затѣмъ и появившееся, въ отличіе отъ «меньшей», отторгнутой, раздробленной, поддававшейся, терявшей и тратившей.

Но, конечно, эта же эпоха и выдвинула роль Россіи въ лицо Восточнымъ иноплеменнымъ врагамъ, сдѣлала такую роль обязательною—за «всѣхъ» Русскихъ, всѣхъ вѣтвей, тѣмъ самымъ и за Славянство, и въ значительной долѣ за всю Европу (заслуга признана и оцѣнена уже исторіей). *Лишь съ половины XIII вѣка* можетъ быть рѣчь объ отношеніяхъ Великой Руси къ Тюрко-Монголамъ и о *возможномъ* вліянія со стороны сихъ послѣднихъ. А къ этому времени типъ *Русскій*, какъ Славянскій въ основѣ, Велико-Русскій на вершинѣ народной зрѣлости, давно уже и вполнѣ сложился. Это не было уже ни племя съ родами, ни кочевье съ переходами и скотоводствомъ, ни первобытный единый народъ «Славянскій», а «вторичный» народъ Русскій или народъ «вторичной»—Русской формаціи, зрѣлаго земства, общины, семьи, и, какъ у всѣхъ «вторичныхъ» народовъ, совершенно готовый своимъ организмомъ для «государства», для жизни въ формахъ «политическихъ», которыя успѣли уже и обозначиться; ибо совпали съ положительной исторіей, прочислившей уже 3—4 вѣка, съ послѣдовательно воспринятымъ христіанствомъ, завершившимъ зданіе, съ полнымъ творчествомъ устнымъ и съ разцвѣтомъ письменности, образованія книжнаго. Никто никогда не видывалъ и не слыхивалъ, и не знаетъ примѣра историческаго, чтобы «такой» народъ уступилъ бы какому-нибудь другому «народу» въ дѣлахъ «народныхъ» и организмѣ «народномъ», а тѣмъ паче подпалъ бы вліянію и воздѣйствію не народовъ, народовъ не сложившихся и не созрѣвшихъ, племенъ и племенныхъ вѣтвей, *до*-органическихъ и ино-*рѣчныхъ*, не имѣющихъ организованнаго «*языка*», писшихъ во всякомъ отношеніи, даже до физической *расы* (которая также вырабатывалась и видоизмѣнялась

къ лучшему единственно въ процессѣ творившихся «народовъ»), чуждыхъ «политическаго» начала, вторгнувшихся поздно и со стороны, владѣвшихъ лишь физическою силою безумнаго и безсознательнаго напора. И такой народъ уступилъ бы племенамъ кочевымъ въ *лучшемъ своемъ народномъ достояніи*,—въ центральныхъ пунктахъ языка и творчества, семьи, брака, свадьбы, дома, жилища, одеждѣ и обряда, замекаго, общиннаго и городскаго быта, во всемъ томъ, что̀ связано было съ исконною религіей, миѳологіей и съ культомъ «собственнаго» продукта, завершено было христіански и понято въ книжной производительности сознательно, наконецъ санкцировано первымъ государственными формами. Такой народъ можетъ лишь подпасть *завоеванію* со стороны не народа и низшей племенной формаціи: но завоеваніе сего рода разстраиваетъ, упраздняетъ или уничтожаетъ лишь *на поверхности* и на *экстренахъ* развитія крайнія и внѣшнія *формы политическаго* бытія, не проникая внутрь народнаго состава и организма. Другое дѣло—завоеваніе народа *народомъ* же; тутъ противъ самобытнаго государства одного народа идетъ *государство* другаго, а внутри народа проникаетъ *иная* сила—умственная и нравственная, по перевѣсу или напору оригинальной *цивилизаціи*. Напротивъ, Сербы и Болгаре подъ завоеваніемъ Турокъ, утратили только формы и составъ былаго *государства*, но неизмѣнно остались *народомъ* и прожили «просто» народомъ, «чисто»-народно, цѣлыхъ четыре вѣка, даже «безъ государства», ибо государствомъ нельзя же назвать и признать «орды», остающейся ордою кочеваго племени даже доселѣ; когда же эта «внѣшняя» и «физическая» сила устранилась, они тотчасъ воспрянули не только *тѣмъ же* «народомъ», но и къ обновленію сродныхъ себѣ государственныхъ формъ. Потому, если одинъ изъ авторовъ, цитованныхъ нами выше, подводитъ подъ Тюрко-Монголизмъ и *болгарію*, то развѣ по слѣдамъ и признакамъ быта, исходящимъ изъ *общаго* корня (ср. выше), забывая впрочемъ, что все болгарское—въ земствѣ, народности, семьѣ, бракѣ, обычаяхъ, одеждѣ и проч., *безконечно* различно и отъ древняго «Тюрко-Монгольскаго», и отъ послѣдующаго или современнаго «Турецкаго», что послѣднее напротивъ «лишено» спеціальныхъ «болгарскихъ» особенностей; а если оказывается и сверхъ того что-либо сродное между обоими, то извѣстенъ для науки фактъ,—Турки *во сто разъ* болѣе переняли отъ Южныхъ Славянъ, чѣмъ Славяне отъ Турокъ.

Между тѣмъ, для Россіи Великой—*завоеванія* со стороны Азіатской, въ его точномъ и опредѣленномъ смыслѣ, *не было* и *не послѣдовало*: были только наѣзды, набѣги, погромы, опустошенія, поборы

и грабежи, дани собиравшіяся врагами со стороны изъ далекаго ихъ центра, выходы съ податями за предѣлы собственные къ рубежу враговъ: это опять не проводникъ измѣненію народнаго состава, языка, общины, семьи, брака, обрядовъ, жилищъ, одежды. Поборы, сопровождавшіеся пріѣздомъ ханскихъ повѣренныхъ внутрь страны, тяжкимъ для имущества и насильственнымъ въ своей грубости, не проникали внутрь народнаго состава и строя, да скоро и прекратились, такъ какъ уже въ XIV вѣкѣ князья взяли на себя и собираніе, и отвозъ даней. Слишкомъ извѣстно, что Восточники не разстроили и не измѣнили сложившагося въ Россіи порядка *политическихъ формъ*, поставя только ихъ въ зависимость отъ своего утвержденія, и то преимущественно лишь въ вопросѣ о личности князей и объемѣ ихъ власти или преемствѣ: ясный признакъ отсутствовавшаго прочнаго *завоеванія*, симптомъ сознанія орды въ собственномъ *безсиліи* и *безправіи* политическомъ, примѣръ, которому не вездѣ слѣдовали въ исторіи и самые кочевники; а подавно весь внутренній «народный» строй остался неприкосновеннымъ. Не уцѣлѣло до нашего времени ни обрядовъ и обычаевъ, ни преданій и вѣрованій, ни творческихъ образцовъ, ни гражданскихъ учрежденій въ сферѣ обычнаго права, ничего подобнаго, что бы «спеціально» можно было возвести по происхожденію или развитію къ формѣ инородной и инородной; десятки словъ, которыя нѣкогда считали у насъ Татарскими или Монгольскими, при зрѣлой наукѣ оказались или «общаго» происхожденія, или Чудскаго, а наконецъ «мѣноваго», такого, въ которомъ Восточники занимали *форму* слова отъ Русскихъ, Русскіе отъ нихъ, то-есть, иначе, образовывалось *два ряда* терминовъ или названій, параллельно стоявшихъ и употреблявшихся. Наконецъ, религія, и въ остаткахъ язычества или исконной, племенной и народной, стихіи, и въ воспринятомъ христіанствѣ, не тронута рѣшительно никакимъ воздѣйствіемъ или вмѣшательствомъ: наши Восточники за этотъ періодъ отличались крайнею вѣротерпимостью, само даже духовенство наше находило въ нихъ охрану и поддержку. Иначе и *не могло быть:* кромѣ означенныхъ причинъ, всѣмъ конечно извѣстно, что тогдашніе враги наши *не были мусульманами* (движеніе ихъ шло помимо старшихъ Арабовъ), не имѣли въ себѣ, свойственнаго Исламизму, подъема Хамитическаго, ни освященія Кочевому порядку, ни напора къ принудительному наложенію формъ Орды на другихъ (ср. выше). Это были язычники, съ мамонствомъ и мелкими, грубыми, кумирами обихода, по преимуществу «домашняго» (какъ и доселѣ въ нѣкоторыхъ краяхъ нашей Сибири), отчасти же, судя по нѣкоторымъ слѣдамъ, съ отпе-

чатками своеобразнаго, издалека запятаго, буддизма или ламизма, устраняющаго во многомъ формальность и обрядность. Самыя палатки и жилища ихъ были открыты, безъ потаеннаго гарема, котораго не замѣчается въ опредѣленномъ видѣ, похожемъ на мусульманство; женщины ихнія участвовали съ мужчинами въ засѣданіяхъ, даже при публичныхъ и торжественныхъ пріемахъ (Плано Карпини), ходили открыто и принимали къ себѣ свободно Русскихъ.

Опасность для насъ была бы больше отъ «упорства» враговъ въ кочевомъ бытѣ, отъ «повторительности» его формъ въ глазахъ нашихъ и подъ бокомъ: но она устранялась наступавшею быстро въ тѣхъ же самыхъ Восточникахъ склонностію къ *осѣдлости*, къ началу нѣкотораго рода прочныхъ городовъ на мѣсто «передвигавшихся становъ и ордъ»: Золотая, Кипчакская орда, скоро опредѣлившаяся мѣстомъ и устройствомъ, Сараи ея, а за тѣмъ позже послѣдовавшіе и дѣйствительные «города», хотя бы взятые у другихъ и реформированные, — все это обезпечивало насъ со стороны вліянія на строй народный. Многимъ изъ нашихъ историковъ такая централизація враговъ *казалась* страшнѣе и гибельнѣе: напротивъ, на центръ, объединившій силы, легче было и удобнѣе народу нашему и государству ударить, чтобы сокрушить заразъ въ гнѣздѣ (какъ и оправдано послѣ событіями); а для «кочеваго» племени нѣтъ ничего опаснѣе для него самого, какъ «присаживаться прочно и осѣдло», ибо это раньше-позже, передастъ его во власть сосѣдняго, и даже покореннаго, «народа», тѣмъ паче имѣющаго самобытное «государство». Между тѣмъ, и Золотая Орда всетаки была для Россіи тяжелѣе всѣхъ прочихъ и послѣдующихъ ордъ: именно по сравнительной «цѣльности» ея главнаго, основнаго и руководящаго, *племени*, по его относительной «чистокровности», всегда сопряженной съ большею или меньшею энергіей, съ единствомъ принциповъ и цѣлей, съ покоряющимъ вліяніемъ (на низшихъ и слабѣйшихъ): но Золотая Орда *просуществовала не долго*, и это какъ будто забываютъ. Уже половина XIV вѣка была послѣднею эпохою ея могущества и блеска; уже около сей половины Куликовская битва съ ея послѣдствіями, не бывши рѣшительною и окончательною *вообще* для Восточниковъ, нанесла непоправимый ударъ *Золотой* Ордѣ, сломивши энергію и самоувѣренность, убѣдивши хановъ, что не завоеваніемъ, не своей цетрализаціей могли они успѣвать впредь, а только «нечаяннымъ» и «мгновеннымъ» нападеніемъ, свойственнымъ только «кочевью», противуположнымъ стойкости «народа» и «государства»; уже вскорѣ послѣ того, какъ извѣстно, ханъ писалъ великому князю въ выраженіяхъ,—«прежде земля ваша была

вѣрнымъ улусамъ хана, а ты вовсе пересталъ ѣздить въ Орду, пословъ и гостей ордынскихъ перестали у васъ въ Москвѣ чествовать» (къ Василью Дмитріевичу); наконецъ, уже съ XIV-го же и послѣдующаго вѣка, сверхъ помянутыхъ выше «украйнъ» и «казачества», формировавшихся то по наряду изъ центра, то по наплыву съ Юга, съ Полей, то вольницею и голыдьбою, обратно—изъ *самаго центра* усѣвшихся Восточниковъ, изъ области Золотой Орды, по притяженію гораздо болѣе сильнаго центра Русскаго—«народнаго и государственнаго, начали выдѣляться такъ называемые «царевичи», «князевичи» и передовые «мурзы», поступавшіе въ слуги Русскимъ князьямъ и дѣлавшіе ихъ дѣло, за что и получали они въ управленіе даже цѣлыя пограничныя области съ готовыми городами, а тѣмъ порядкомъ исчерпывали племя, подрывали кочевье, нарушали единство враговъ внутреннимъ раздоромъ, громили собственныхъ родичей.

Такимъ образомъ, если признавать даже въ извѣстномъ и опредѣленномъ смыслѣ такъ называемое «*иго*», то оно ограничивается и поглощается *съ небольшимъ однимъ лишь вѣкомъ* отъ эпохи нашествія и первыхъ битвъ: по самому внѣшнему счисленію и объему, по цифрамъ, время крайне малое, для того, чтобы перевернуть слишкомъ давній, сложившійся и организованный «народный» строй, да еще съ «государствомъ», какимъ бы то ни было; чтобы преобразовать народный составъ и простереть глубокое вліяніе внутрь, до многовѣковыхъ основъ и началъ, обрядовъ, пріемовъ и привычекъ быта, организма и типа. А послѣ того, уже *со второй половины XIV вѣка*, хотя бы и при водворившемся «мусульманствѣ» враговъ, не оказавшемъ впрочемъ обычнаго своего воздѣйствія (и этому увидимъ мы ниже ослаблявшія причины), начинается *склонъ* на сторонѣ Восточниковъ къ совсѣмъ *иному* порядку, для нихъ неблагопріятному; тогда же начинается обратное, *наступательное* и постепенно *покоряющее* воздѣйствіе Руси, сопровождавшееся извѣстными и историческими послѣдствіями; передѣлкою врага *на нашъ ладъ* и вбираньемъ чужеродныхъ элементовъ въ формацію нашу собственную и *оригинальную*, съ подчиненіемъ *ея типу*. Но, прежде чѣмъ перейдемъ къ сему послѣднему, хотя и столь извѣстному, періоду, остановимся краткой рѣчью на *племенномъ составѣ* нашихъ Восточныхъ враговъ, особенно описанныхъ сейчасъ *старшихъ*, равно какъ на ихъ «относительной» *чистокровности* и на видоизмѣненіяхъ ея (что и послужитъ разъясненію послѣдствій).

Начнемъ съ того замѣчанія, что «чистокровность», разумѣется по преимуществу физическая, но мало по малу переходящая и на

ступень нравственную, необходима была нѣкогда въ отпоръ, такъ сказать, «многокровности» или «смѣшенію крови», когда, послѣ періода Племени Общаго, наступило неудержимое разнообразіе и дѣленіе племенныхъ вѣтвей, когда, естественно, съ цѣлью выдѣлиться изъ этого водоворота (извѣстнаго типомъ Вавилонскаго смѣшенія), естественнымъ условіемъ жизни было «отличиться» и «обособиться», выработаться «племенемъ особеннымъ». Столь же неизбѣжно это условіе, чтобы вырости изъ племени «народомъ» и организоваться по «народному»: каждый «организмъ», хотя бы онъ былъ и оставался «сходенъ» съ другими, предполагаетъ непремѣнно единичность, личность существа, самостоятельную его представительность, сосредоточенность внутри себя—и тѣмъ самымъ обособленіе въ сферѣ «однородныхъ», другъ другу не противодѣйствующихъ элементовъ, какъ членовъ единаго организма — къ единой цѣли. Правда, въ составъ «народа» входятъ и дробныя, разнообразныя племенныя вѣтви, иногда и по нѣскольку, но — по степени и мѣрѣ своей «однородности», и поглощаются онѣ существомъ «единымъ», себѣ самому равнымъ. «Народовъ» въ собственномъ, техническомъ смыслѣ, нѣтъ не-чистокровныхъ, смѣшанныхъ: таковы по преимуществу Арійцы, Индо-европейцы; таковы отчасти и Семиты, именно тѣ изъ нихъ, которые успѣли и успѣваютъ приблизиться къ подлинной народной формаціи, какъ напримѣръ Евреи и Арабы (хотя это и не вполнѣ удалось имъ сравнительно съ Индо-европейцами). Безъ того, элементы, другъ друга превозмогающія разорвутъ составъ народа и вернутъ его на ступень броженія племеннаго. Хорошо также и важно означенное условіе, когда народъ уже «сложился» и «обособился»: съ тѣмъ, чтобы «центръ» его, примиряющій и руководящій, былъ чистокровнымъ и однороднымъ, составляя силу притягательную и объединяющую для элементовъ племенныхъ, и своихъ, если еще продолжается процессъ ихъ развитія, и сосѣднихъ, ближайшихъ, примыкающихъ, если есть таковые. Но въ послѣднемъ случаѣ непремѣнно предполагается, что такой народъ вошелъ уже и въ начала бытія *политическаго*, пріобрѣлъ уже отношенія и формы *государственныя*, которыя и *помогаютъ* объединенію элементовъ вокругъ главнаго центра: иначе эти элементы, еще бродящіе, племенныя вѣтви еще недоразвитыя, по естественному закону всякой натуры будутъ стремиться также обособиться, также вырости въ особый самостоятельный народъ, каждая единица по своему, на основаніи своихъ данныхъ, со своимъ языкомъ изъ основъ племенной рѣчи. Это и не бѣда бы въ смыслѣ «племенномъ», въ этомъ и законъ процесса «племеннаго», какъ можно болѣе дѣлиться

и разнообразиться: но это и была бы безконечная вереница «племенъ» съ ихъ развѣтвленіемъ, а не «народность», не организмъ «народовъ»; тогда не было бы равновѣсія, ибо при *разнообразіи* въ природѣ одинаково важно *единство*, на каждый моментъ подлиннаго творчества нужно то и другое; были бы species, но не было бы genus; были бы члены, но не составилось бы организма, была пора, когда это допускалось,—въ процессѣ «племенномъ», какъ моментѣ всеобщаго развитія: но онъ шелъ къ «народамъ» и завершился «народами». Исторія природы и такъ называемой внѣшней, и людской, показала ясно, что всѣ эти развѣтвленія, если бы не явилось имъ предѣла, не выросли бы и не успѣли бы сложиться въ народы,—они себя взаимно уничтожили бы въ дробленіи; на оборотъ, вездѣ вмѣстѣ слагались и центры, куда втягивались части, какъ въ единый корпусъ, вокругъ чего онѣ сосредоточивались бы, внутрь чего вростали бы; не успѣвшіе такимъ способомъ примкнуть и привѣлиться, осуждены были на вымираніе. Экономія природы, въ мірѣ не-людскомъ и людскомъ, опредѣлила *равновѣсіе* и извѣстную *пору* развитія: прошла пора, — и опоздавшее отлагалось, уничтожалось. Чтобы выросъ какъ должно одинъ даже цвѣтокъ съ новымъ сѣменемъ и плодомъ, сколько мелочей въ процессѣ гибнетъ, сколько отпрысковъ пропадетъ безслѣдно, сколько потратится, абсорбируется; сколько равноправныхъ, кажется, видовъ, а вырабатывается одинъ главный родъ, виды же гибнутъ и перерождаются; въ тѣни, при искривленіи корня, при худшихъ условіяхъ почвы, все это, хотя и до времени живетъ рядомъ съ возросшимъ и превозмогшимъ, но постепенно исчезаетъ и—солнце не будетъ поджидать отсталаго, вторая весна и второе лѣто въ году не настанетъ. Не случайно — создалось лишь «нѣсколько» народовъ: прочее осталось на ступени кочевой и племенной, отдѣлившееся совсѣмъ отъ родоваго начала и союза (законъ Вагнера объ отчужденіи родичей), одичало и — вымираетъ, непремѣнно, такъ что самое прикосновеніе «народовъ» къ этой формаціи обращаетъ «дикихъ» въ прахъ, ускоряетъ ихъ разложеніе, какъ прикосновеніе воздуха къ давнему и уцѣлѣвшему трупу. Народамъ же, этимъ «нѣсколькимъ» единицамъ, представляющимъ относительно племенъ «родъ» и совокупленіе въ «центрѣ организма», предопредѣлено развить изъ себя и отъ себя «государство», «политическія формы»: это фактъ исторіи, съ того и начинается исторія положительная, а до того длилось время «до-историческое», когда народъ «слагался». Благо, кто при этомъ остается и «народомъ», не поглощаясь въ «государствѣ» (какъ и въ народѣ основы «племенныя» всетаки остаются—элементами, жилами

и нервами): и здѣсь-то много значитъ цѣльность, чистокровность народа, однородность его состава, по крайней мѣрѣ такъ, чтобы существовалъ единый и главный центръ. Могъ бы, конечно, — воображаемъ себѣ, — народъ остаться и безъ государства, не совершивши сего послѣдовательнаго и заключительнаго шага: то только тогда, если бы и «всѣ» народы *одинаково* не достигли политическихъ формъ; такова и была пора, когда политическія формы въ мірѣ лишь зарождались или даже только готовились, а народы приближались уже къ зрѣлости и процессъ племенной,—въ его *всеобщемъ, міровомъ* значеніи, кончался. А такъ какъ мы знаемъ *совершившійся* фактъ, что у народовъ явились и государства, то одинъ изъ нихъ, уединенный, или подпалъ бы участи уединенныхъ племенъ—разложился бы самъ, или былъ бы поглощенъ другими народами съ помощію и при посредствѣ государственныхъ орудій; разложился бы онъ тѣмъ уже, что его племенные элементы, въ основѣ присущіе, искали бы естественнаго обособленія и, разрывая составъ народа, примыкали бы къ другимъ народамъ или выростали бы сами въ народы, въ первомъ случаѣ примыкая вмѣстѣ и къ инымъ государствамъ, во второмъ создавая свое, и государство опять возобладало бы своими формами надъ такимъ уединившимся народомъ. На этомъ основывается естественность по природной *основѣ*, но вмѣстѣ вредъ для природныхъ *цѣлей въ будущемъ*, когда вступаетъ на сцену такъ называемый «сепаратизмъ» и, во имя своей основы, своего права на ростъ, ищетъ обособленія племенной вѣтви—отъ общаго состава единаго народа, своей рѣчи—отъ общаго единаго языка; дѣло кончается, обыкновенно—по немногимъ, подходящимъ, примѣрамъ — разложеніемъ прежняго, наличнаго народа и гибелью ожидавшагося новаго. Конечно, мы знаемъ, напримѣръ, первичный «народъ Славянскій», а по раздѣленіи и дробленіи его на вѣтви — «вторичные народы» — Русскій, Польскій, Чешскій, Сербскій, Болгарскій. Но, это значитъ, что племенные элементы перваго были еще не преобѣждены вполнѣ, что они еще стремились въ рознь и въ ростъ, что это былъ «народъ» на значительную долю еще не созрѣвшій, зависимый отъ «племени», не свободный, не мужески органическій, а вторичные—пошли дальше, раздѣлили по себѣ, личною задачею, извѣстную группу «недозрѣвшихъ» элементовъ и преобѣждали ихъ въ новой формаціи, возводя къ народности чистѣйшей и болѣе «компактной». Представимъ, что это дробленіе пошло бы дальше и процессъ повторялся бы: это значило бы, — что все работаютъ разнородные «племенные» элементы, и тогда въ результатѣ были бы не подлинные, не завершенные еще «народы». Или же,

еслибы вторичные народы оказались завершены, закончены, а въ процессѣ міровомъ нѣтъ дальше пути, натура не производитъ иныхъ «существъ» выше «народовъ»: потому, въ случаѣ *продолжающагося* процесса, имъ оставалось бы «деградировать», т. е. вновь разлагаться на племена; народъ же, разъ бывшій народомъ и разложившійся на племенныя вѣтви, обреченъ на смерть, — второй разъ единичныя органическія существа не родятся. Да притомъ, еслибы опять представить безконечный процессъ нарожденія народа изъ народа, съ повтореніемъ рожденій, то, какъ изъ первичнаго Славянства знаемъ «нѣсколько» вторичныхъ (а это основано на томъ, что вѣтвей племенныхъ, проспвшихся еще на особый ростъ, внутри было нѣсколько,—онѣ и выросли), такъ точно нарождалось бы, съ каждымъ новорожденіемъ, все больше и больше народовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ все меньше по объему (иначе не вмѣстилъ бы земной міръ, да и послѣдующія, недозрѣлыя вѣтви внутри народа естественно *слабѣе* и менѣе *экспонсивны*, чѣмъ старшія, сложившія народъ старшій); такъ что дошло бы до «народцевъ», а кончилось бы тѣмъ, что народъ олицетворялся бы группою нѣсколькихъ родовъ, однимъ родомъ, двумятремя членами, и—это было бы «разложеніе» (такъ точно «вырождаются» виды, благодаря истощенію сѣмени и почвы).

Съ этой точки зрѣнія, кто не умѣетъ понять и отличить «подлинныхъ» народовъ, лишь «нѣсколькихъ и опредѣленныхъ» тотъ называетъ фальшиво «народами» разные «народцы» тогда какъ это «недозрѣлые» народы на степени племенной, или это прямо племенныя вѣтви, или же одичавшія выраженія. И напрасно ждутъ многіе ученые или публицисты часа, который пробьетъ будто бы для сихъ вѣтвей и онѣ получатъ всѣ «народныя» права: народныя права возможны только у «народовъ», дѣйствительныхъ, а означенныя вѣтви, пропустившія пору и срокъ роста, останутся племенами, въ племенной сферѣ умрутъ, одичавшія же изъ нихъ и подавно; кто до шестидесяти лѣтъ мальчикъ, тотъ не переродится и умретъ мальчикомъ, ибо онъ мальчикомъ старъ, молодостью своею старикъ. Одна надежда такимъ вѣтвямъ—примкнутъ къ народамъ созрѣвшимъ во время въ процессѣ міровомъ, и, что осталось жизненнаго, внести сюда съ тѣмъ, чтобы народъ въ себя принялъ ихъ и переработалъ бы своею наличностью: подобно тому «все» язычество, въ «общемъ» составѣ, шло къ христіанству и подготовляло его явленіе; христіанство и явилось для «всѣхъ» языковъ; кто вошелъ въ него—тотъ и добылъ единства; не вошелъ или не успѣлъ—гибнетъ въ деградированномъ изъ язычества шаманствѣ и фетишизмѣ. Или, съ другой стороны: въ христіан-

ствѣ церковь едина, по недостаткамъ пониманія нѣсколько вѣроисповѣданій, но не безъ конца же дѣленіе, иначе являются секты, иначе «личная» религія каждаго, и тогда рушится церковь, и снова пришлось бы повториться процессу языческому, и зарожденію христіанства, чего исторія не допуститъ, ибо христіанство не повторится, Христосъ придетъ вторично чтобъ судить, а не спасать и развивать.

Но и примкнуть помянутымъ вѣтвямъ для спасенія можно лишь только къ *наличнымъ* и *дѣйствительнымъ* народамъ, какіе даны міровымъ процессомъ: таковые же—опять извѣстно—создали *государство*, такъ что присоединенію прозелитовъ могутъ содѣйствовать лишь условія *политическія*. Ибо народъ созрѣвшій, но безъ политическихъ формъ, «воображаемый» въ этомъ видѣ, какъ сказали мы выше, и самъ есть достояніе—другихъ, имѣющихъ государство, и непремѣнно сдастъ присоединенныхъ прозелитовъ въ руки другому народу, иному государству; это было бы лишь тратою времени и лишнимъ посредствомъ. А потому, изъ сей же экономіи, какъ извѣстно, племенныя вѣтви недозрѣвшія, или выпавшія изъ прежняго союза, или извратившіяся, не примыкаютъ и не считаютъ даже нужнымъ примыкать къ инымъ «племенамъ» же, къ инымъ «народамъ», а легко примыкаютъ къ «государствамъ», т. е. къ «политическимъ формамъ даннаго народа или къ народамъ въ данныхъ политическихъ формахъ». Иначе, безъ этого условія, они *не примыкаютъ* къ другимъ, а стараются другихъ *завоевать*, что́ и видимъ мы на тысячѣ примѣровъ и откуда безпрерывныя *войны* племенъ, и кочевыхъ, и дикихъ *между собою*; и этимъ же опять стимулируется ихъ постепенное уничтоженіе.

Нѣкоторые историки, и еще очень недавно, провозглашали съ радостію, что исторія упраздняетъ собою смерть, что найденъ наконецъ законъ вѣчности и народы не умираютъ: да, народы историческіе, т. е. дѣйствительные и подлинные; вѣтви же племенныя, не дозрѣвшія во время или извратившіяся, мрутъ и мрутъ, вымираютъ и вымираютъ, если благовременно не примкнули къ народнымъ единицамъ въ составъ государствъ («вырожденіе видовъ»). При чемъ если такія вѣтви сами въ себѣ уже отравили начала жизненныя до корня, или народы, воспринимающіе ихъ къ себѣ въ составѣ политическихъ формъ, утратили сами народность — воспріимчивую къ племенамъ и способную ихъ воспитывать, или же политическія формы возникли не изъ народа и нависли одною отвлеченностью безсодержательной, одною оболочкою безъ зерна,—*и тогда* примкнувшіе или завоеванные все же вымираютъ: таковы дикіе въ Америкѣ, ча-

стію племена въ Африкѣ, вѣтви нашей Сибири вдали отъ воспитывающаго народнаго центра. Не суждено умереть лишь «народамъ», но дѣйствительнымъ и завершеннымъ въ зрѣлости: безъ сихъ условій и народы *умираютъ*, какъ древніе Греки и Римляне, свидѣтельствуя, подобное первичному народу Славянскому, что ихъ зрѣлость «скороспѣлая» (обратно племенамъ недоспѣлымъ), что въ нихъ не были побѣждены всѣ начала племени до существа лучшаго и высшаго, что не все было организовано, напр. коренилось рабство, свойственное лишь «племенамъ», руководило «завоеваніе» другихъ народовъ—опять черта «племенная», и т. п., да и самое государство—не давало всѣмъ равныхъ или должныхъ правъ, давило одну часть, выдвигало другую, нарушало равновѣсіе организма. Въ послѣднихъ случаяхъ, если при всѣхъ недостаткахъ существенныя условія были соблюдены, хотя бы отчасти, народы *перерождаются*, во *вторичные*, и можетъ статься еще на двѣ, на три ступени впередъ (Романскіе относительно Рима, Византіи и Новая Грецiя относительно древней). Это опять «перерожденіе видовъ»: но не безконечно же: иначе былъ бы не *прогрессъ*, а *регрессъ*» исторіи, равносильный остановкѣ невозможный и немыслимый въ міровомъ процессѣ, ибо это означало бы ненужную *повторяемость* или неизбѣжное *уничтоженіе*. Опытъ и его факты показали, что вторичные народы непремѣнно являются и съ *политическими формами*, какъ прогрессомъ: если ихъ не было въ первичномъ, то созидаютъ вновь (какъ Русскіе, Чехи, Сербы и проч. сравнительно съ первичнымъ Славянствомъ); если уже были, то съ лучшими и дальнѣйшими формами благодаря наслѣдству старыхъ воспроизведенію на той основѣ (какъ Романскіе народы относительно Рима).

Не мѣсто и не время намъ здѣсь разсуждать, каковы должны быть «желательныя» политическія формы и каково «нормальное» къ нимъ отношеніе народовъ (объ этомъ думаемъ сообщить «Русской мысли» статьи другія): важно слѣдствіе—что онѣ естественны какъ логическое послѣдствіе, какъ продолженіе процесса, завершаемаго явленіемъ народовъ, что оказываются—по опыту—непремѣнно, у всѣхъ «вторичныхъ» народовъ, сопровождаются одновременнымъ усвоеніемъ *христіанства*, *письменности*, а вмѣстѣ начинаютъ и *положительную исторію*. Исторію «положительную» мы отличаемъ здѣсь отъ времени «до—историческаго», когда народъ слагался; и въ этомъ опять экономія своего рода: Римъ и Древняя Грецiя уже вышли на сцену исторіи положительной, Славянство первичное—также благодаря историческому свидѣтельству Грековъ и Римлянъ, а процессъ народности

народовъ «новыхъ» былъ «задержанъ» и исторіей не оглашался— въ достаточной мѣрѣ, какъ бы выжидая, пока, эти народы смѣнятъ формацію умершую и переродятся наслѣдственными ея элементами. (Читатель конечно поймет, что такое «перерожденіе» не есть «вторичное рожденіе» *одного и того же* существа, о чемъ говорено выше и чего не бываетъ).

Политическія формы, какъ дальнѣйшій шагъ за организаціей народнаго существа, важны особенно и въ томъ отношеніи, что открываютъ возможность *безпрепятственно продолжать народную жизнь; процессу* же *племенныхъ вѣтвей*, остающемуся и внутри народа, и простертому еще *на вѣтви недозрѣвшія*, даютъ возможность *дозрѣвать* въ союзѣ съ народомъ, къ коему они примыкаютъ и въ который входятъ составною частію при посредствѣ государства. *Чѣмъ* помогаютъ здѣсь политическія формы, мы уже отчасти говорили; прибавимъ, что, сверхъ пособія народному центру вести и развивать въ самомъ себѣ народную жизнь, политическая форма помогаетъ особенно *отношенію* народа къ племени и племеннымъ *вѣтвямъ*, именно своимъ политическимъ *безпристрастіемъ*. Народъ—высшій и послѣдній плодъ *природы* въ мірѣ *людскомъ*, природы одинаково *внѣшней*, вошедшей въ человѣка физическою стороною, и *духовной*,—та и другая вмѣстѣ выросли въ одинъ народный организмъ; изъ этого видно, какъ не слѣпо дѣленіе нѣмецкой науки на «Kultur-völker» и «Natur-völker»); племя какъ не организмъ, а путь къ нему, тянетъ тоже— къ природѣ физической и наклонно въ сторону матеріальную, въ значительной зависимости отъ ней (ибо въ томъ и задача племени— разнообразіе расъ, какъ можно болѣе широкое, а въ разнообразіи расъ отдаленныя зачала разнообразія народнаго духа). Тѣмъ не менѣе, и народъ, и даже сложившись, остается *природою*—лишь не «внѣшнею» уже, а человѣческою, законченнымъ корпусомъ, которому остается только въ теченіе жизни повторять выстраданные на прежнемъ пути законы, примѣняя ихъ къ явленіямъ и воплощая фактами; это *міръ*—народъ, какъ всякой міръ, завершенный въ себѣ самомъ. Но, тѣмъ самымъ, онъ значительно и *замкнутъ*, онъ наклоненъ *повторяться* въ однихъ и тѣхъ же явленіяхъ и *задерживать разнообразіе*; пройдя дорогу племеннаго развитія и испытавъ опытомъ кровнымъ силу броженія съ опасностью разложенія, онъ *осторожен* и даже *подозрителенъ* въ семъ отношеніи: представьте же, что природа «внѣшняя», завершившись міромъ, изъ за подобнаго «подозрѣнія» не допустила бы началъ *человѣческаго* міра и ихъ разнообразнаго развитія? Она дѣйствительно и задерживала, и была ревнива, и ставила

на каждомъ шагу препятствія, чуя себѣ опасность и чувствуя въ младенцѣ будущаго себѣ владыку: ступень новая,—*человѣчество* мало по малу вышло изъ этой зависимости, а *народъ*, чрезъ посредство *племеннаго* процесса, окончательно покорилъ и антиквировалъ природу внѣшнюю какъ «прежнюю» какъ «былой» міръ, сдѣлавшись міромъ особымъ, дальнѣйшимъ и высшимъ. Но, съ другой стороны, народъ самъ несетъ внутри себя и *племенныя* начала, какъ элементы природы внѣшней, покоренныя, одухотворенныя, организованныя, а все же природныя физически и матеріально; въ немъ непремѣнно отзываются, такъ сказать «отрыгаются» функціи процесса племеннаго; онъ многое ненавидитъ или любитъ безотчетно, инстинктивно, и, даже хоть сознательно, но съ сознаніемъ «народнымъ», проникнутымъ насквозь природою, и своею—новою сравнительно со старой, и старою; онъ страстенъ» и—*при-страстенъ*. Конечно, онъ *не можетъ* не любить возникающаго, среди него самаго, новаго разнообразія племеннаго, какъ отпрыска, и, хоть остерегается, задерживаетъ, но не можетъ *не допустить*; онъ признаетъ и не можетъ не признать всякую рѣчь, всякое нарѣчіе, хотя бы это съ теченіемъ времени разорвало организмъ его собственнаго языка; онъ роднится съ племенами облежащими и прикосновенными, хотя они нерѣдко разъѣдаютъ его составъ: но онъ главнымъ образомъ погруженъ въ собственное свое настоящее, въ міръ текущей своей жизни, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ гораздо менѣе провидитъ впередъ, онъ не печется о будущемъ (и природа внѣшняя нѣкогда спорила съ человѣчествомъ, чуя опасность, не провидѣла народа и не предупредила его появленіе своими мѣрами). Онъ завлеченъ реально и сознаніемъ своимъ внутрь самаго себя, въ творчество своего міра, какъ единицы особой и самостоятельной: гораздо менѣе интересуется онъ «другими» народами и ихъ составомъ,—предполагая либо тотъ же составъ, либо оставаясь равнодушенъ къ несхожему; а всего менѣе онъ внимателенъ къ сторонним племенамъ, и менѣе разборчивъ между ними своею логикою; слушаясь одной своей натуры, онъ часто подъ носомъ своимъ и подъ глазами давитъ сотрудника, лелѣетъ врага.

Это творчество *въ самомъ себѣ*: но настаетъ пора творить и *отъ себя*, отъ имени и во имя своего сложившаго существа. Здѣсь-то и вступаютъ на сцену *начала и формы политическія*, нѣчто новое и дотолѣ небывалое: не натура и не народъ, хотя изъ народа и натуры, для натуры и народа. Условіе успѣха всякому новому созданію самостоятельность: народъ постепенно и передаетъ ему власть. Власть реальна и природна, какъ волость и владѣніе, распростерта по всему

земству, являясь долями земли, общиннымъ владѣніемъ и частнымъ обладаніемъ собственности; такова же власть и въ организмѣ, такъ сказать въ мышцахъ и нервахъ, въ тѣлѣ и духѣ всего народа: но, съ началомъ жизни политической, власть одухотворяется и формируется въ новую форму, извлекается изъ натуры и реальности, и, хоть сопровождается или выражается вещественными символами, изъемлется изъ рукъ народа и тѣми же руками передается *лицамъ*, избраннымъ и поставленнымъ. Это уже не одинъ фактъ реальный, это понятіе, логика, даже отвлеченность вывода и умозаключенія; это не продуктъ, какъ въ самой природѣ, не творчество — какъ въ самомъ народѣ, это *искусство*. Искуство водится по преимуществу *идеей*, и притомъ личной, художественной, въ согласіи (нормально) съ законами и требованіями міра народнаго, но съ созерцаніемъ и его основъ *исконныхъ*, предшествующихъ народному развитію, и со взоромъ впередъ—*къ будущему и вѣчности:* власть въ семъ смыслѣ, и по язычески, и по христіански, «отъ Бога», какъ идея въ своемъ существѣ божественна свойствами. Власть политическая и «лична», ибо того требуетъ самостоятельность и свобода: но не по народному уже, не какъ единица народа, не какъ существо міра—народа. Народъ, какъ міръ, не обращается *весь* въ политическую власть, въ государство: иначе онъ пересталъ бы существовать «народомъ» (и въ этомъ погибель тѣхъ, кто исчерпываетъ народъ политическою націею и насильственно преобращаетъ его въ существо совсѣмъ инаковое: то не творчество *отъ народа*, а отъ *лицъ*, его эксплоатирующихъ). Никто самъ себѣ не судья: а при власти политической первою потребностью, первымъ аттрибутомъ и выраженіемъ — *судъ*. Потому власть, вмѣстѣ съ судомъ, — вручается *единицамъ личнымъ*, «народнымъ» въ томъ смыслѣ, что онѣ изъ народа и для народа, но и политическимъ», какъ самостоятельнымъ, въ сферѣ моральной, правовой, юридической, стоящей дальше и превыше, съ идеей какъ со взоромъ, обращеннымъ къ вѣчности и къ божеству. *Судъ*, по Гречески *Кризисъ*: вступленіе въ такія новыя формы и зарожденіе такого новаго бытія сопровождается для народа всегда кризисомъ и переломомъ, не рѣдко и болѣзнію, и страданіями, и особымъ подъемомъ силъ, и торжественностью обновленія, и праздникомъ обряда (подобно, какъ мы видѣли выше кризисъ для дѣвы при вступленіи ея въ новое бытіе, при обращеніи «судившей» въ «подсудимую», подъ судомъ идеи жизни и будущаго). Новое созданіе растетъ и растетъ: къ нему уже у народа слагаются *отношенія;* политическое бытіе народа и значитъ — не жизнь всего народа государствомъ и властью, — жизнь остается

«народною»; а жизнь *въ отношеніяхъ* къ власти и къ государству, жизнь въ *формахъ государства*, въ связи съ ними и обоюдной зависимости. Долго было бы здѣсь устанавливать нормы для этихъ обоюдныхъ отношеній (для того у насъ еще впереди бесѣды: но, дѣло въ томъ, что *князь*, на первой же порѣ политической, принимаетъ на себя вмѣстѣ съ *властію* непремѣнно и *судъ*, и руководство *въ отношеніяхъ между народами*, а потому въ *посольствахъ* и *войнахъ*, и внѣшнія относительно народнаго существа, но внутреннія для его быта, *производства*, какъ напримѣръ установленіе *монеты*, и прочее, достаточно всѣмъ извѣстное. Главное для насъ въ этой политической силѣ—*уравновѣшеніе племенныхъ отношеній*, и внутри народа, между живучими племенными элементами, и къ сторонѣ племенъ соприкасающихся, продолжающихъ свой процессъ. Напрасно говорятъ, будто государство ведетъ народную жизнь «по народному пути»: это дѣло самого народа, для котораго требуется только, чтобы не вторгались къ нему, не мѣшали бы ему, помогали бы «содѣйствіемъ», а не становились «на мѣсто народа». Но народъ, каждый, *не одинъ въ мірѣ* въ мірѣ вокругъ остается и еще продолжается процессъ, и бывшій: и идущій далѣе; въ мірѣ, сверхъ другихъ народовъ, и зачатки новыхъ возростающихъ племенъ, и развитіе и до-развитіе, дополнительное развитіе прежнихъ, и исторія ихъ религій, и бытовъ, и рѣчи, и т. д. Это дѣло «міровое», внѣ и шире міра «народнаго», а подавно міра природы «внѣшней»: это міръ будущаго съ прошлымъ, это міръ вѣчный, міръ идеи и божества въ нихъ, міръ, орудіями коего воплощаются творенія силы божественной. Это зовутъ по большей части «человѣчествомъ», ставя его выше народа: но такого *существа, особаго*, впереди не видно и съ чаяніями наука не имѣетъ дѣла; для науки же «человѣчество» — терминъ того, что положено въ *основу* людскаго процесса, на рубежѣ между природою внѣшнею и людскою, изъ чего выросло племя, а завершилось народомъ, воплощается въ народѣ и въ его народныхъ лицахъ. «Существъ» выше и дольше, новѣе отличнѣе, пока нѣтъ и по всей вѣроятности не будетъ: воротиться, прошедши процессъ, въ божество,—значило бы потерять нажитую личность и таково лишь мнѣніе антиквированныхъ древнихъ философовъ, всего менѣе натуралистовъ; если возможно что допустить,—развѣ сліяніе въ одинъ громадный и цѣльный народъ, но это уже будетъ «конецъ» процесса, и слѣдовательно остановка жизни, результатомъ же выйдетъ все-таки «народъ», не дальше и не иначе хотя бы «всеобщій», безъ раздѣленья на «народы». Другое дѣло «твореніе» и «созданіе» народное, отъ лица народа; и «творчество»

его, словесное, какъ извѣстно по факту, со временемъ кончается: но не видно конца *искусству личному*, посредствомъ и орудіемъ силъ личныхъ; не видно конца идеямъ, жизни истины, красоты, блага и правды, этому «царству вѣчному» (и по христіански, со смертію не кончится «личная» форма жизни и дѣятельности, не сольется съ божествомъ или адомъ до «безличія», наслѣдуетъ еще и личное блаженство, и личныя муки). Такому царству далеко еще конечно до какого либо *воплощенія* существомъ единымъ и цѣльнымъ; но насъ уже увѣрили вѣрою, что оно началось и есть *внутрь насъ*. Не говоримъ конечно, или говоримъ всего менѣе, что выраженіемъ такому вожделѣнному царству есть царство земное или государство и политическое бытіе: въ его *современныхъ формахъ* но оно однакоже наступаетъ для народа въ извѣстную пору, по нуждѣ и необходимости; оно живетъ, ибо нужно жить народамъ, племенамъ, всему процессу продолжающемуся; оно примѣнено къ сей «временной» жизни, но именно ко внутреннѣйшимъ ея потребностямъ и условіямъ, къ царству «внутри», къ царству развивающагося духа; оно по возможности воплощаетъ такую задачу во *внѣшнихъ формахъ*, сообразныхъ сосудамъ внутренней жизни—народамъ и лицамъ, племеннымъ вѣтвямъ и отпрыскамъ, а въ нихъ человѣчеству основному, настоящему и будущему. Безъ «народа», доего созданія самимъ собою, не мыслимо «государство»: прежде называли «монархіями» и даже «имперіями» аліатскіе древніе конгламераты, потомъ догадались, что это вовсе и не государства», а нынче убѣдились, что причина сему—отсутствіе «народовъ»; нынче знаютъ, что это были вовсе не «народы», а племена, кастовое ихъ сцѣпленіе, религіозный союзъ, бытовое сожительство и т. п. Государству *до* народа нечего и дѣлать: не формировать же ему и не возводить въ идею родовые счеты, физическое сожительство паръ, развѣтвленіе расъ, племенъ и нарѣчій, кочевье и дикость быта, круженіе со скотомъ и пастушества, звѣроловство и тому подобныя, болѣе раннія и незрѣлыя явленія. Такъ, *народомъ* лишь создается государство но и *нѣтъ* подлиннаго, историческаго *народа*, у котораго не зачалось бы *государство* въ томъ или другомъ видѣ. По сложеніи народа и по созданіи имъ государства, государство пребываетъ для народа: но и больше, чѣмъ для *одного своего* народа,—для *всѣхъ* народовъ (хотя и въ объемѣ или въ сосудѣ одпаго отдѣльнаго), для *міроваго* процесса, для *вѣчности*. Оно существуетъ для *своего* народа: и въ этомъ отношеніи не можетъ или не должно оно превращать *весь* народъ въ «политическую націю», а тѣмъ исчерпывать и упразднять существо народное, себя же облекать въ одну логическую

принудительную формулу, которая обречена была бы на самоуничтоженіе—безъ натуральнаго и реальнаго народнаго субстрата; оно существуетъ для *всѣхъ* народовъ: ибо у каждаго идетъ къ единымъ и одинокимъ цѣлямъ: оно для міра *цѣлаго* и для *вѣчности*: чрезъ посредство народовъ и государствъ отдѣльныхъ. Формы его могутъ и должны видоизмѣняться (хотя и до извѣстнаго предѣла, ибо субстратомъ служитъ *опредѣленный* міръ народный, съ примыкающими вѣтвями *нормальнаго* развитія): однако все-таки оно будетъ оставаться *государствомъ*, бытіемъ въ *политическихъ формахъ*,—это выработанная идея, ставшая бытіемъ или сбывшаяся, а потому неизгладимая. Если оно не вѣчно *въ существѣ*, то неизвѣстно, *чѣмъ* когда-либо *замѣнится*: о томъ напрасны догадки, предъ нами наличный фактъ, продолжающійся безъ видимаго конца.

Возвратимся къ тому, что *судъ* соединенъ съ понятіемъ и свойствомъ *безпристрастія*, равномѣрности и равноправности; *искусство*—съ умѣньемъ и выборомъ; функція *личная* съ единствомъ цѣли и свободою мѣръ; сознаніе личное, посредственное и логическое, съ *идеею* дальше и выше частныхъ явленій природы. Вотъ отличія и задачи государства, выдвигающія его *выше* народа, какъ порожденіе народа, но вмѣстѣ и его *завершеніе*, въ цѣляхъ всемірнаго процесса развитія. Посмотримъ еще на отношенія между государствомъ и народомъ, въ видахъ общей ихъ пользы. Для созданія *государства* неизбѣженъ, какъ условіе, хотя *одинъ* народъ съ энергіей личнаго стремленія къ созданію; а потомъ важенъ *одинъ* же какъ *главный*, примирующій, центральный: но у «вторичныхъ» народовъ, на пути «перерожденія» и прогресса, можетъ быть и *союзъ* народовъ, двухъ или нѣсколькихъ, въ *единый* составъ государства. Поелику же народы не всѣ возросли до *одинакой* ступени высшаго народнаго развитія, то въ государствѣ, сложившемся для *нѣсколькихъ* народовъ, необходимо подчиненіе одного другому или *соподчиненіе* ихъ правъ, а съ этимъ и связана помянутая роль *примиряющаго*, центральнаго. Народы, на пути текущей жизни, подпадаютъ и порчамъ, и частному извращенію; необходимо достоинство, возбужденіе и содѣйствіе примиряющаго. Рѣже, но возможно и слитіе одного народа съ другимъ—до *поглощенія*; лишь бы нормальнаго, совершаемаго «народнымъ» путемъ, а не насильствомъ и завоеваніемъ. Роли соподчиненныхъ и сливающихся иногда съ теченіемъ времени измѣняются; прежній примирявшій уступаетъ, и обратно. Далѣе, народъ, имѣвшій уже однажды извѣстныя политическія формы въ зачаткахъ и ихъ утративши, по своей ли винѣ *народной*, по винѣ ли *государства*, оторвавшагося отъ народа, по на-

сильству ли завоеванія со стороны (то, и другое, и третье, по большей части связано взаимно), если онъ *остался* народомъ и не разложился обратно въ племя (т. е. не уничтожился), пріобрѣтаетъ косность: нужно ему содѣйствіе и возбужденіе къ подъему, къ обновленной жизни, къ созданію государства вновь, — и это со стороны *другаго* народа, обыкновеннѣе родственнаго, но чрезъ посредство наличнаго *государства* (такъ Болгаре наши были подняты только Русскими и орудіемъ государственнымъ). И т. д.

А наипаче все это имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ *племенамъ* и *племеннымъ* элементамъ: уравновѣсить ихъ внутри народа и пріобщить извнѣ или отторгнуть прочь,—дѣло уже чисто *государственное*, чрезъ посредство, его силъ и формъ, о чемъ и говорили мы. Таковъ напримѣръ для насъ вопросъ «Еврейскій», а полнѣе, издревле, «Азіатскій» и всякій «инородческій». Здѣсь-то и возвращаемся мы къ помянутой *чистокровности*, которую мы разсмотрѣли въ вопросахъ *племени* создающихся *народовъ*, а теперь должны опредѣлить ея роль *въ государствѣ*. Чистокровность и цѣльность или однородность составныхъ частей получаютъ здѣсь смыслъ *иной*, иначе поставлены и *условія*; народное здѣсь соглашается съ племеннымъ, то и другое съ самимъ государствомъ. Такъ какъ сюда близокъ вопросъ о *сепаратизмѣ*, у насъ (по множеству племенныхъ вѣтвей и по нѣскольку составныхъ частей) очень щекотливый и острый, а вмѣстѣ это въ сущности и есть вопросъ объ *инородцахъ*, связанный съ ихъ историческими и современными *переселеніями*, то мы обязаны остановиться здѣсь со всею подробностію, это и есть завершеніе нашихъ статей.

Отступленіе наше къ характеристикѣ племени, народа и государства не было какою-нибудь праздною теоріей или отвлеченною философіей: положенія наши оживутъ въ слѣдъ за симъ фактами *историческими*, данными *русской этнографіи* и всеобщей этнологіи; перейдетъ же сюда нѣсколькими примѣрами *крупнѣйшими*. Государство Франціи соединило въ себѣ и разную народность и разную племенную кровь, возникло изъ Галловъ, Италиковъ, Франковъ. Англія еще больше: тамъ Кельты, Саксы, Нордманны, Скандинавы, и въ этомъ видятъ даже историки, какъ Мэколи, причину успѣха послѣдующаго. О Германцахъ скажемъ послѣ. У насъ же, Русскихъ, при рѣшительномъ шагѣ къ созданію государства, одинакую долю участія отдаетъ лѣтопись (и безъ сомнѣнія согласно дѣйствительности) тремъ: *Славянамъ*, по преимуществу изъ Новгородской области—сообразно техникѣ лѣтописца; но въ значительной мѣрѣ и представителямъ всего послѣдующаго Русскаго, Славянства, ибо всѣ вѣтви его Несторъ на-

зываетъ Славянами же; 2) *Кривичамъ*, — по лѣтописной техникѣ опять—отдѣла послѣдующихъ бѣлоруссовъ, по этнографіи же и исторіи народа—вмѣстѣ и *Литвѣ*, съ которою «бѣлоруссы» тогдашніе сливались въ единую формацію, почему впослѣдствіи за одно сложили и сепаратное «литовское» государство; 3) *Чухна*—это всѣ три уже «народы», хотя дотолѣ и «первичные», болѣе близкіе къ «племенной» основѣ, а въ семъ отношеніи и «разностепенные», почему такъ скоро и выдвинулись впередъ, и сдѣлались центромъ Славяне ибо они съ первой ступени *славянства* переходили уже на вторичную *Русскую*. Да кромѣ того, въ функцію власти облекаются еще *Варяги* (кто бы они ни были), чрезъ государственныя» формы слившіяся постепенно съ основнымъ мѣстнымъ славянствомъ. Обращаясь къ древности болѣе отдаленной, видимъ, что въ Римѣ, для созданія города, полиціи и «общаго дѣла», государственнаго (res—publica), сошлись опять нѣсколько *главныхъ племенъ*, извѣстныхъ передъ тѣмъ на западѣ Европы, съ прибавкою элемента еще пришлаго, прибывшихъ изъ-подъ Трои Энеадовъ. Недостатокъ въ послѣдующемъ государствѣ у Римлянъ происходилъ существенно отъ того, что по степени уровня той эпохи, составныя части, вошедшія въ составъ государства, не доросли еще до «народовъ» въ собственномъ смыслѣ, за исключеніемъ развѣ Лаціума и Латинъ, и то при содѣйствіи Энеадовъ, что доказывается общимъ паденіемъ народнаго творчества и возрожденіемъ лишь отчасти въ Лаціумѣ подъ вліяніемъ Энеадовъ: а потому, неся въ себѣ слишкомъ много племенныхъ элементовъ, сошедшіеся «доростали въ народъ» уже подъ сѣнію «государства», въ безпрерывной междуусобной борьбѣ; и потому же, съ распаденіемъ государства, разложился прежній «первичный» народный составъ, пока не воскресъ во «вторичномъ въ Италіи. Македонское государство еще ниже составомъ, ибо онъ число-племенной, хотя также сложный, изъ Мидянъ, Сѣверныхъ Эллиновъ и Славянъ на ступени «первичной». *Первыя* попытки государственныхъ началъ у Славянъ (*до* народовъ «вторичныхъ» и до Россіи)—въ гегемоніи Кракова, въ княжествѣ Моравіи и Панноніи, соединяли «нѣсколько» племенныхъ вѣтвей и, повидимому, надѣялись соединить «всѣ»: но хотя Славянство въ своемъ цѣломъ было уже тогда «народомъ», этотъ народъ былъ и оказался «первичнымъ»: по терминѣ, достаточно уже у насъ опредѣленному: 1+8; въ немъ еще слишкомъ много соединялось такихъ вѣтвей, которыя просились на самостоятельную организацію «нѣсколькихъ» народовъ, что потомъ и доказано развитіемъ народовъ «вторичныхъ» съ особыми «государствами».—Собственно, за исключені-

емъ первобытной Германіи (о которой послѣ), одна только Древняя Греція, вышедши изъ доисторической племенной эпохи, оказалась вполнѣ однородна и чистокровна, до вершины народнаго развитія и вплоть до водворенія формъ государственныхъ: но что послужило къ достоинству «народа» и удивило весь міръ его творчествомъ (которому въ области слóва равняются лишь Славяне), то не послужило въ пользу государства; потому же оно и съ своей стороны не въ силахъ оказалось предохранить отъ смерти (или, лучше, отъ дальнѣйшаго «перерожденія»), самый народъ; и это же служитъ лучшимъ доказательствомъ «односторонности» и «замкнутости», столь свойственной и столь—въ извѣстную эпоху—вредной уже для самаго народа. Пресловутое отношеніе Эллиновъ къ «варварамъ», т. е. ко всѣмъ остальнымъ «языкамъ», «племенамъ» и зачинавшимся «народностямъ», наводнило Грецію пришлымъ рабствомъ, ее разъѣвшимъ, а другихъ наполнило завистью и ненавистью, на бѣду и въ порабощеніе самой Греціи, покуда за смертію «первичнаго« народа, оказалось потребнымъ для исторіи «перерожденіе» во «вторичный».

Очерченное нами, хотя вкратцѣ, общее положеніе нашего дѣла на глазахъ исторіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому достаточно уже обрисовываетъ роли «народа» и «государства», въ вопросѣ объ ихъ происхожденіи и зрѣлости, а также положеніе «племенъ» въ отношеніи къ нимъ обоимъ, особенно же племенъ «сторонныхъ», примыкающихъ къ «народу» центральному и вступающихъ «въ составъ государства». Для того и созданы міровымъ процессомъ такіе центры, такія «родовыя» существа—genera, какъ «народъ» и «государство», чтобы нашли пріютъ себѣ остальныя племена и прочія явленія продолжающагося вокругъ процесса, какъ видныя, части и элементы, чтобы «народами« и совмѣстными началами «государственными» воспитать не доросшихъ, подогнать неуспѣвшихъ и запоздавшихъ, пособить имъ «дозрѣвать»; не оставлять каждому «продѣлывать» весь процессъ, который уже совершенъ нѣсколькими народами; не ждать чтобы каждый развился до «той же» ступени, какъ и передовыя ступени, ему уже неподсильныя; а напротивъ—предварить и упразднить «лишній» трудъ развитія «готовымъ» и «выполненнымъ». Это обыкновеніе переводятъ и обобщаютъ «дѣйствіемъ цивилизаціи», «наслѣдствомъ всеобщей культуры», для всѣхъ открытымъ и преемственнымъ; но сверхъ неточности и двусмыслія, столь же обычно впадаютъ здѣсь въ отвлеченность, приписываютъ это дѣло—кто однимъ *лицамъ*, кто однимъ *государствомъ*, кто одной *положительной* исторіи, какъ самосильнаго «дѣятеля» (тогда какъ оно въ дѣйствительности лишь одно

«выраженіе»), кто *литературѣ*, даже грамотѣ и книгѣ, а богословы *одному христіанству* и предпочтительно какимъ-либо *вѣроисповѣданіямъ*. И вездѣ-то при этомъ забываютъ или недостаточно оцѣниваютъ главный субъектъ «развитія», центральное «живое существо», которымъ все это творится, именно «народъ»; а еще того хуже, не различаютъ ясно «народа» и «племенъ», ни соотношеній между «народомъ» и «государствомъ», что они могутъ и призваны, чего не въ состояніи и не обязаны дѣлать. Это дастъ намъ богатую пищу для продолженія статьи и внутреннюю нить для распредѣленія фактовъ.

III.

Послѣ краткаго, но очень важнаго для насъ эпизода о значеніи «народа» и «государства» въ ихъ взаимныхъ соотношеніяхъ, обращаемся къ чисто-историческимъ, а вмѣстѣ этнографическимъ и этнологическимъ даннымъ: стóитъ только ихъ поставить въ надлежащемъ свѣтѣ, чтобы опредѣлить, какое возможно было вліяніе Туранцевъ, въ частности Татаро-турокъ и самихъ Монголовъ, на Русь Великую, и не скорѣе ли, напротивъ, оказалось могущественное воздѣйствіе этой послѣдней на всѣ ближнія, сродныя и не сродныя, племена.

Въ началѣ напомнимъ факты болѣе или менѣе всѣмъ извѣстные, но къ сожалѣнію забываемые на каждомъ шагу. Славянство, въ общей массѣ, сложилось «народомъ«, хотя и «первичнымъ», съ особымъ языкомъ (памятникомъ чему старшія церковно-славянскія творенія), осѣдлымъ бытомъ, земледѣліемъ, общиною, поселеніями и городами, съ семьею, творчествомъ и всѣми народными обрядами, въ періодъ и въ мѣстности такъ-называемой «Скиѳіи» или Скиѳіи, иначе Скути или Скуѳи, въ нынѣшней Новороссіи и частію Южной Россіи между Дономъ, верховьями Днѣпра, южнымъ Бугомъ, Днѣпромъ, Карпатами, Азовскимъ и Чернымъ приморьемъ, простираясь на югъ по всему Дунаю, за которымъ сидѣли вѣтви, тянувшія къ тому же центру: во весь этотъ долгій періодъ, IX — VIII вѣка до III-го вѣка предъ Р. Хр., вліянія никакихъ Туранцевъ, ни Монголовъ не было и быть не могло, по крайней отдаленности сихъ послѣднихъ, по предыдущему ихъ разгрому и потому, что сами они отвлечены были—частью на сѣверъ борьбою съ сѣверною Чудью, съ Скандинаво-Германами, съ Альбингами, а главнымъ образомъ — внутреннимъ кочевымъ процессомъ, который продолжали въ Азіи, двигаясь въ глубь ея, на сѣверъ къ тамошней, сибирской, Чуди, на востокъ до предѣловъ Китая. Народность славянская росла и зрѣла *сама собою*, безъ посторонннихъ воздѣйствій, изъ которыхъ мелкія и

случайныя, не имѣвшія значительной силы, опредѣлимъ еще ниже. Громадное, страшнымъ потокомъ, нашествіе Волоховъ или Галло-кельтовъ въ III в. до Р. Хр. разрушило сложившійся порядокъ вещей, первичную славянскую народность поколебало и причинило извѣстное Славянское «разселеніе» по сѣверной и восточной половинѣ Европы: распавшіяся вѣтви, одни, большинствомъ, спаслись, въ особенности по Днѣстру въ Татры-Карпаты и, тамъ основавшись, продолжали колонизацію, нѣкоторые до балтики—отъ Вислы по Ютландъ и даже западнѣе; другія изъ Татръ же, по Одрѣ и Лабѣ (Эльбѣ), еще западнѣе въ Слезію, Лужицы, нынѣшнюю Моравію и Чехію, по южнымъ склонамъ Карпатъ въ края Словаковъ, въ древнюю такъ-называемую Виндолицію и т. п.; на всемъ пути этомъ отъ Тюринговъ и Саксовъ до Альбанговъ и Франковъ, не было Славянамъ враговъ изъ Турана, а тѣмъ менѣе изъ Монголіи, исключая опять мелкія вѣтви въ родѣ Ятвяговъ, о чемъ послѣ. Другая меньшая по числу населенія, но энергическая половина соединявшая праотцевъ Руси Великой, Бѣлой, Южной во главѣ съ Полянами имѣя впереди Литву, двинулась вверхъ по Днѣстру, оттуда кто на Двину, Вѣну, Припеть, Бугъ, до Вислы же, кто на Ловать, Волховъ и тому подобный извѣстный путь, со спускомъ по Окѣ, по Волгѣ, на юго-восточной границѣ по Донъ; за Даномъ и въ его низовьяхъ, равно какъ въ низовьяхъ и до половины Волги, долгое время, какъ прежде, союзили съ «Русскими» Славянами родныя вѣтви Мидекія, преимущественно Аланъ и Сарматовъ, и никакого опять врага изъ Туранцевъ, изъ Монголовъ. Вся западная граница этого послѣдняго корпуса непосредственно примыкала къ роднымъ, славянскимъ вѣтвямъ, помянутымъ на Вислѣ; вся юго-западная, по самому восточному склону Татръ, населена была густо южно-Русскою же вѣтвію, родственною Полянамъ, время отъ времени спускавшеюся къ родичамъ черезъ Подолію на Волынь до Кіева. Періодъ «Татранской» или «Карпатской», подъ гегемоніею выдвинувшихся впередъ «Сербовъ» (Сербо-Хорватовъ, или вѣтвей, носившихъ это «главное» въ ту пору имя), длился безпрепятственно для возрождавшейся послѣ погрома и переселенія народности, почти восемь вѣковъ, съ III-го по VII-й послѣ Р. Хр.: здѣсь созрѣвало и *новое* обособленіе вѣтвей Славянскихъ въ народы «вторичные», какими оказались за тѣмъ Русскіе, Поляки, Чехи, сами Сербо-Хорваты (по возвращеніи изъ Татръ за Дунай) и т. п. Дѣйствіе объединявшаго сербо-карпатскаго центра и колонизація отсюда въ смыслѣ выдѣленія «народами вторичными», вполнѣ обособленными продолжалась неудержимо во всѣ означенные вѣка и по всѣмъ направленіямъ: изъ прилежащаго къ Тат-

рамъ Кракова чрезъ Малую Польшу въ Слезію, Лужицы (нынѣ саксонскія и прусскія), въ Чехію и т. п., какъ помянуто выше; наконецъ къ самимъ Полянамъ—подъ Кіевъ, что̀ выражено и олицетворено извѣстнымъ миѳомъ или эпическимъ сказаніемъ (повторяемымъ почти у всѣхъ Славянъ въ томъ или другомъ видѣ) о пріходѣ *Кыя* (Кія: такъ-называемыхъ «Кайкавцевъ» по ихъ парѣчію), *Щека* (равно и «Штокавцевъ», и Чеховъ съ прочими «Чакавцами»), *Хорива* (Хорвато-Сербовъ), съ сестрою *Лыбедью* (Лебедью: Лаба, Alba, Эльба). Напоръ Саксовъ, а потомъ вражеское втѣсненіе Франковъ, съ VIII вѣка по Р. Хр., въ сплошныя славянскія массы на сѣверныхъ окраинахъ балтики, отъ Эльбы и Ютланда до Одры въ поморье, въ связь съ Литвою-Пруссами и почти до Вислы, все это съ одной стороны такъ-сказать, «выперло» оттуда нѣкоторыя славянскія вѣтви, болѣе или менѣе можетъ статься, смѣшанныя, какъ напр. Варяго-Руссовъ, на востокъ до Пскова и Новгорода, усиливъ тѣмъ мѣстное населеніе; съ другой стороны, для этого послѣдняго было ближайшимъ поводомъ «сплотиться», въ виду грозившаго нарушенія западныхъ славянскихъ границъ отъ вторженія Германцевъ. Для Руси не только пришла пора зрѣлости «вторичнаго» народа, но и началъ «государственныхъ»: созрѣла идея о союзѣ государственномъ, въ закрѣпленіе народности и привходившихъ элементовъ племенныхъ. Данныя къ тому, въ смыслѣ уже «народномъ» и «племенномъ», были подготовлены: подвигаясь на сѣверъ и сѣверо-востокъ, Русь оттѣсняла на крайніе рубежи «чудь сѣверную» до послѣднихъ предѣловъ Сѣвернаго Океана и Ледовитаго моря, постепенно заставивши нѣкоторые отпрыски, какъ напримѣръ, Самояди и Остяковъ, перебраться въ Сибирь. Здѣсь успѣхамъ Руси помогли уже и старшіе предшественники, каковы изъ той же Чуди, на «Южной», Финны, Эсты, Ливь, Корсо-Корсола, Пермь и т. п., а старше Скандинавы, Авибинги и самые Удль-Адви (ср. у насъ въ другихъ мѣстахъ). Здѣсь также была борьба, но самаго начала отдававшая перевѣсъ и побѣду на сторону Русскихъ, довершившихъ дѣло покоренія своимъ побѣдоноснымъ воздѣйствіемъ; оторванная отъ крупныхъ массъ той же чуди, вѣтви болѣе способныя, каковы сейчасъ помянутыя, сживались съ Русью, входя даже въ составъ ея физическаго типа, тѣмъ болѣе въ составъ типа народнаго. А *остальная* южная чудь всегда уже вездѣ шла рядомъ и дѣлила судьбы—сперва съ предками Славянъ подъ Кавказомъ и въ Малой Азіи (гдѣ имя «Ванов» было «общимъ» для нераздѣлившихся еще, не обособившихся вѣтвей славянскихъ и чудскихъ), потомъ съ «первичнымъ» славянскимъ народомъ въ Скиѳіи (имя «Чудь», какъ доказано и есть перегласовка

названія «Скуть»), а наконецъ спеціально съ назрѣвшимъ «вторичнымъ» народомъ Русскимъ. Это были извѣстныя Морава—Мокша и Эрза, Меря, Весь, Мещера, Мурома, Черемись, сплетшаяся съ Удами Водь, съ Сарматами (или Серватами), Зырянь и т. п. Споръ съ какими-нибудь «волхвами» и предразсудками, доносящійся къ намъ съ первыхъ страницъ лѣтописи, былъ уже общимъ спором христіанства съ язычествомъ: но основное въ народности и главное для государства, рѣчь, бытъ, физическій типъ, преданіе, обрядъ, творчество и т. д., все это сливалось и взаимнодѣйствовало, завязывая дѣло «общее» между Чудью и Русью, хотя, разумѣется, отдавая этой послѣдней преимущество *главнаго* и *примиряющаго типа народнаго*. Превосходство «выработки» и «роли» при равенствѣ и общеніи «элементовъ», было важнѣйшею причиною и того, что Русь занимала интеллектуально, исторически и даже топографически центръ, а все чудское окаймляло ее своими окраинами *). Тѣмъ больше сліяніе должно было реализаваться съ возникновеніемъ «государства» и взаимно «государство» помогало окончательному сліянію, ибо эта стадія развитія уже выше, отвлеченнѣе и формально логичнѣе бытовой почвы народной, безпристрастнѣе симпатій и антипатій племенныхъ: въ государствѣ ярко выставляя и типъ народа преимпующаго, и соподчиненіе или соотношеніе со второстепенными типами и прямое подчиненіе низшихъ, слабѣйшихъ. Въ какомъ положеніи оказалась Чудь, въ томъ же скоро и Литва: значеніе ея было по преимуществу «архаическое», коренившееся въ стагнаціи первобытной связи со всѣми Аріями и, въ томъ числѣ съ Индусами, по языку, культу, жречеству и по кастѣ или сословію разновидныхъ языческихъ богослужителей; оно усилено было значительною связью со славянствомъ Прибалтійскимъ, но въ своихъ отличіяхъ парализовано, къ сближенію рѣзко

*) Какъ постепенно, по центробѣжной силѣ, давая центру просторъ и свободу, а центростремительно притягиваясь подъ эгиду центра, чудь *выступала изъ центра на периферію* «внѣшнимъ» образомъ, но такъ-сказать «душою» *возвращалась* къ нему, всего лучше примѣромъ *Мещера*, съ запада изъ-подъ Мещовска потянувшаяся на востокъ до Рязани и наконецъ до внѣшнихъ Мещеряковъ, но въ то же время рано вошедшая своими князьями и передовыми лицами въ составъ Руси; то же почти съ Радимичами въ ихъ движеніи къ области Рязанской, Тамбовской, Симбирской, изъ среды самихъ «Полей» и тамошнихъ Лѣховъ или Ляховъ, праотцевъ Полякамъ: хотя эти отпрыски впослѣдствіи были даже татаризованы, но и тогда, и еще сильнѣе, тянули они къ Руси, сливаясь съ нею и самими Татарами, представляя «переходный мостъ«, о чемъ подробности ниже.

наклонено нюѣсами постепенныхъ переходовъ и къ типу бѣлорусскому, и къ типу чудскому (въ особенности ливьскому и корѣльскому, лучшимъ и старшимъ во главѣ чуди южной); такъ что, конечно, подъ «кривичами лѣтописи, которые развивались сообща и сложили самое государство за одно съ Русью, послѣдующею Великой, одинаково должно разумѣть Литву разныхъ видовъ съ Русью Бѣлою, а равно Чудскихъ Куровъ, Корсь и Корѣлу съ Ливью *). Въ томъ же составѣ племенномъ, архаическомъ и религіозно-жреческомъ, Литва со временемъ покусилась и на «особое» государство: неудали его, «промежуточность» между Русью Великой и Польшею, а наконецъ неизбѣжное распаденіе доказали, что въ этой формаціи недоставало наиболѣе сильнаго и организующаго центра—Руси Великой. Но, на первое время, все это сложило собою «народъ», «единый» или «объединенный въ формахъ государства», государство же оказалось одновременно съ принятіемъ христіанства, а съ нимъ безостановочной цивилизаціи впереди. Тутъ были *ступени* народныя и племенныя, на ступени единаго *зданія*; были разные высшіе и низшіе *органы* и *члены*, но единый *организмъ* и единый *корпусъ*. И опять, до самаго XIII вѣка, сюда не привходили элементы «инородные», въ той далекой и несходной формѣ, какъ Туранскіе или Монгольскіе: напротивъ изъ нихъ многіе, именно изъ Туранскихъ, своими мелкими вѣтвями давно и рано «всасывались» теченіемъ центральной жизни Русской или, по крайней мѣрѣ, лѣпились вокругъ тѣла единаго паразитами, какъ улитки при скалахъ и утесахъ (нѣкоторыя о томъ подробности ниже). *Впервые*, крупное появленіе элементовъ Туранскихъ въ массѣ пришлось *на XIII-й вѣкъ* и было не сближеніемъ, не притѣсненіемъ, подавно не побѣдою, а *вторженіемъ со стороны*. Но прежде чѣмъ оцѣнить эту новую силу по степени, качеству и достоинству, вспомнимъ, что она же вызвала собою *противувѣсъ*, и именно къ выгодѣ Россіи: массы изъ опустошенной и разоренной восточниками области Кіевской и территоріи Полянской, хлынули ища спасенія и водворенія внутрь и отсюда размѣстились по окраинамъ Руси Центральной, Сѣверо-Восточной,—съ тѣхъ поръ она *Великая*; на убылыя поселища и на упраздненныя мѣста, въ Поля, изъ Полей, въ

*) Эти Куры, извѣстные съ глубокой древности, какъ преимущественные «богослужители», сначала слой, потомъ сословіе, каста и даже племя, совершенно равны въ роли и Галламъ (Gallus—Куръ), и Куретамъ—Квиритамъ въ зерцѣ слагавшагося Рима, подобно какъ Ливь и Леты (Латыши) отвѣчаютъ въ Италіи Лаціуму и Латинамъ. Когда-нибудь о томъ подробнѣе.

Полнево, въ Бѣлую Русь и Литву, еще сильнѣе Подоламъ и Вальною, съ Татръ-Карпатъ спускались и спустились, вовсесь нынѣшній «Новый» и «Южный» краі Россіи, родственные потоки населенія,—это нынѣшняя Русь Южная, тогда же вскорѣ и *Малая*, еще сильнѣе подкрѣпившая, но и обособившая, возвысившая въ чело развитія *Русь Великую*. За послѣднюю была народность «вторичная», окрѣпшая, разнородная еще но тѣсно сплоченная элементами единства и превосходства въ центрѣ, за нее было—государство, христіанство, общій языкъ, водворившаяся письменность, пройденная и начатая положительная исторія, вся цивилизація и все то, что̀ дастъ на долго, если не на вѣки, прочность и превосходство будущему. Легко и скоро поймемъ, что же и сколько противу такой формаціи могла успѣть «внѣшняя» и «матеріальная» по преимуществу, физическая и племенная, грубая самымъ развитіемъ духовнымъ и религіознымъ, сила вторгшихся «кочевниковъ». Внѣшнее разореніе и временная эксплоатація, вотъ все, что было возможно со стороны враговъ; подчиненіе имъ имѣло смыслъ повсюднаго подчиненія физическимъ силамъ природы внѣшней, какъ неотвратимой force majeure, безъ вліянія на внутренній составъ, еще крѣпче сплотившійся и сжавшійся въ себя самаго подъ знамя защиты для самостоятельности. Спустя одинъ вѣкъ, сами уже враги жалуются на подрывъ подчиненія, то зовутъ уже *къ себѣ*, не рѣшаясь пускаться внутрь, то сами стягиваются въ *центры*, въ главныя орды и въ города,—самое опасное явленіе для кочевниковъ,—земцы народные здѣсь находили ихъ въ гнѣздѣ и съ разу наступали имъ на голову. Русь была на столько едина и сильна, что приманчива врагамъ; приманка приближала ихъ внѣшнею стороною возможнаго насилія и чаемаго завоеванія: въ результатѣ, Русь ихъ самихъ объединяла, воспитывала своими вліяніями, сближала съ собою внутренно и наконецъ покорила способомъ внѣшнимъ; ничего подобнаго Русскому съ своей стороны не могли выставить кочевники, какъ племя—не народъ, безъ государства, съ фазами религіи первобытной, безъ земледѣлія и осѣдлости, съ бурнымъ вращеніемъ стихій внутри безъисходнаго круга, съ отсутствіемъ началъ прогрессивныхъ. Таковы факты *историческіе* и, отъ нихъ то переходимъ къ основнымъ этнологическимъ и внѣшнимъ этнографическимъ; теперь-то мы, на мѣстѣ, въ Восточникахъ и Кочевникахъ, къ намъ явившихся, оцѣнимъ ближе по достоинству *способность* къ роли, которую приписываетъ имъ близорукая наука и литература, съ теоріей *заимствованій*, не въ состояніи будучи отличить *параллельныхъ* явленій отъ ихъ *каузальности*, а въ каузальности опредѣлить

сторону, гдѣ весь перевѣсъ *причинъ*, гдѣ одна *зависимость* и лишь *послѣдствіе*.

Авторы извинительнаго увлеченія и ошибочнаго направленія довольно хорошо называютъ нашихъ враговъ Восточниковъ, въ извѣстную пору вторгшихся и скоро акклиматизованныхъ, *Тюрко-Монголами*, а мнимое ихъ вліяніе на существенное измѣненіе Руси и дѣйствительное воздѣйствіе на ея роль или постановку, — вліяніемъ *Тюрко-Монгольскимъ*. Но это, говоримъ, порядочно еще и сносно, при условіяхъ, довольно тяжелыхъ для партизановъ подобнаго воззрѣнія: а именно, во первыхъ, если они не называютъ разбираемыхъ враговъ «народами»,—это были не народы въ смыслѣ техническомъ, а «племена» и даже «племенныя вѣтви», какъ отпрыски извѣстнаго племеннаго типа. Далѣе, если здѣсь подъ «Тюрками» не разумѣютъ послѣдующихъ и нынѣшнихъ «Турокъ», хотя бы въ прямыхъ праотцахъ нынѣшнимъ (это была бы такая нелѣпость, что мы даже не предполагаемъ ея). Потомъ, если не допускаютъ въ это число чистыхъ «Туркменовъ», въ родѣ нынѣшнихъ; если не представляются здѣсь извѣстные «Торки», дѣйствовавшіе на Югѣ и Юго-Западѣ Россіи, имѣвшіе свою исторію происхожденія и значенія, не приходившихъ съ завоеваніемъ на Русь Великую, тѣмъ паче съ Востока. За тѣмъ, если не переносятся мыслію къ давнему и дальнему «Турану», игравшему роль для *всѣхъ* Аріевъ безъ исключенія, за тысячи лѣтъ до существованія Россіи, а потому обратившемуся въ миѳъ у Духинскаго съ братіею, хотя видимо и соблазнившему тѣхъ, кто не разсчитываетъ ни вѣковъ, ни мѣстъ и племенъ. Еще далѣе, если «Монгольскую» долю ставятъ только *рядомъ*, но *не смѣшиваютъ* съ «Тюркскою» и съ «Туранскою», какъ двѣ вещи совершенно различныхъ, хотя доселѣ постыднымъ образомъ смѣшиваютъ ихъ наши историки (подавно западно-европейскіе), поочередно на одной страницѣ употребляя выраженія — «Монгольское» или «Татарское иго», «Монгольскій ханъ при Татарскомъ нашествіи», «Татарскіе воеводы съ ихъ Монголизмомъ», и т. п. (какъ будто Монголизмъ *равенъ* Татарству). Здѣсь-то мы обращаемся къ самой положительной и самой серіозной сути дѣла.

Начнемъ съ *Монголовъ*. — «Подлинные» Монголы, какъ особое племя и рѣзко выдающійся расовой типъ, отдѣлились отъ «Общаго Племени» (Ur-Stamm) и союза вырабатывавшихся Народностей крайне рано, въ слѣдъ за старшими вѣтвями «дикими» (нынѣ такъ называемыми) и раньше даже многихъ «дикихъ» Америки, прежде «Сѣверной» Чуди, а подавно Египтянъ (стало быть, за тысячи лѣтъ до Р. Хр.). Преслѣдуемые по пятамъ первобытными предками Аріевъ (пред-

ками нашего племени и всѣхъ послѣдующихъ «нашихъ» народовъ), на Сѣверо-Востокъ отъ Месопотаміи (территоріи Общаго Племени), отъ Иранскаго же Плоскогорья на Сѣверо-Востокъ и Востокъ до послѣднихъ тамъ предѣловъ (гдѣ предварили ихъ лишь немногіе и «дикіе»), въ крайнія эти точки чрезъ горныя ущелья «передовые» изъ Монголовъ унесли даже съ собою первѣйшую — «односложную» ступень рѣчи, и лишь «задніе» пріобщились послѣдовавшей «слитной». Болѣе всѣхъ племенныхъ вѣтвей упрямые и менѣе подвижные, они хотѣли устоять даже противъ волнъ такъ называемаго «потопа» (въ его опредѣленной мѣстной формѣ разлитія въ долины древнѣйшихъ жилищъ послѣ періода «ледниковъ»), по собственнымъ, уцѣлѣвшимъ преданіямъ, отводили разливы плотинами, не участвовали потому въ старшемъ періодѣ Кавказа, остались чужды зародышамъ Кавказскаго типа и, вынужденные «другими» двинутыя съ мѣста, по неволѣ предались бѣгству отъ преслѣдованій. Напротивъ, участники тревогъ и страданій «потопа», спасшіеся на горахъ Кавказа, но и занявшіе тамъ прогрессивныя начала въ развитіи племени, быта, рѣчи и религіи, по возвратѣ оттуда въ лицѣ передовыхъ вѣтвей, въ томъ числѣ Аріискихъ предковъ, спустившись и хлынувши въ прежнія низменности, а оттуда поднявшись на прилегавшія плоскогорья, «обрушились» въ полномъ смыслѣ на племя упорное и отставшее отъ нихъ въ развитіи, державшееся еще, вопреки типамъ Кавказскимъ, самаго старшаго и грубаго Хамитизма, фаллическаго и матеріальнаго. Орудія и средства въ рукахъ тогдашней мести и преслѣдованія на вѣтви ненавистныя извѣстны своей тяжестью и жестокостью физической: то было урѣзованіе всѣхъ возможныхъ членовъ, преимущественно оскопленіе или кастрація, сдавливаніе въ узахъ, колодки на ноги, затяжка и выдергиванье волосъ, и прочее, сдѣлавшееся послѣ аттрибутомъ и символомъ рабства. Архаичность расы, сама по себѣ грубая и менѣе развитая, понесла отселѣ на себѣ слѣды намѣреннаго уродованія и, сравнительно съ другими, воплощалась особеннымъ уродствомъ («духа» въ отпоръ было еще мало, и попавшая въ организмъ порча развивалась физически съ быстротою болѣзни, съ выдержкою хроническаго недуга). То были, столь извѣстныя по Монголамъ, черты: сдавленный черепъ и низкій лобъ, вдавленные и растянутыя поперечно глаза съ остріями оконечностей, сжатыя колодами ноги (именно ступни, а верхняя часть искривленная), по мѣрѣ давленія внутрь снаружи—выдавшіяся другія части, особенно челюсти («прогнаты») и еще больше скулы, сплюснутый носъ, лишенныя курчавости волоса — «висльые» и въ бородѣ съ усами крайне рѣдкіе, желтый—по архаич-

ной расѣ—но кромѣ того и палевый—блѣдный—истомленный цвѣтъ кожи, низкій ростъ, медленность и связанность движеній, тонкій, пискливый и при подъемѣ пронзительный голосъ. Этотъ типъ и по древности своей, не одухотворенной движеніемъ сознанія, и по стогнаціи физической, по упорству расы, подъ гнетомъ насильства и послѣдовательнаго отчужденія отъ другихъ, по необходимости уйти слишкомъ далеко на первыхъ же порахъ укрѣпился до того и въѣлся въ натуру, что отличаетъ Монгола рѣшительно всюду, превосходитъ стойкостію многихъ дикихъ и даже порою Негра, при малѣйшей возможности сплачивается и, скучивается въ одеревенѣлую массу, при сліяніи съ другими, какъ бы ни скудна была проникшая доля крови Монгольской, вездѣ даетъ себя знать, принимая на себя, хотя не охотно и первоначально лишь принужденіемъ или завоеваніемъ, вліянія со стороны, пріобщаетъ непремѣнно и себя, и слѣды свои слишкомъ долго не даетъ переродить. Черезъ-чуръ глубоко внѣдрившись и связавшись съ функціями моральными, этотъ расовой типъ создалъ даже *намѣренность* и *виртуозность* въ томъ же направленіи уродства: нарочно, по религіи, обряду и для красоты выщипываютъ волосы, и безъ того рѣдкіе, или тянутъ ихъ въ тугіе пучки, подрѣзываютъ вѣки глазъ, забиваютъ ноги въ колодки до невообразимой уродливости и крохотности, рѣшительно наконецъ препятствующей ходить, простираютъ тѣже пріемы на окружающую природу, животныхъ, деревья и растенія, искусственно доводимыя до кривизны, уродливости и мизернаго роста, и т. д. (какъ извѣстно по переходу въ типъ Китаизма). Трудъ представителей этого типа, сообразно усидчивости и слѣдамъ былаго рабства, ведетъ къ обработкѣ мелочей до послѣдней дробности, къ крахоборной аккуратности, къ бережливости, къ скупости до скаредства. Характеръ, испорченный мстительностью за насиліе и лукавствомъ укрывательство, съ теченіемъ времени побѣждаетъ иногда затаенную злость, но остается навсегда капризнымъ до перваго повода. Это отнюдь племя *не кочевое*: періода кочевья со скотоводствомъ въ общемъ союзѣ оно не застало, само до него не доросло; «движеніе переселеній и разселеній», объявшее нѣкогда нынѣшнихъ «дикихъ», участниковъ послѣдствій «потопа», и раскидавшее ихъ по неизмѣримымъ пространствамъ, по материкамъ и островамъ, черезъ моря и льды, здѣсь неизвѣстно въ своихъ принципахъ и привычкахъ: оно здѣсь было вынуждено враждебностью преслѣдованія, *оно было не кочевьемъ*, а *бѣгствомъ*; оно и возобновляется, но непремѣнно къ *цѣли опредѣленной*, чтобы, достигши ея, *сѣсть на мѣсто*. Это *склонность* къ *осѣдлости*, вслѣдствіе помянутой усидчивости,

упрямства и трудничества, но осѣдлость не *земледѣльческая*: до земледѣлія «народовъ» само по себѣ племя не дошло, охотнѣе довольствовалось бы продуктами «готовыми» — какъ въ эпоху своей первобытности, но по нуждѣ и трудничеству ознаменовало себя преимущественно, подобно слоямъ и сектамъ всѣхъ кастратовъ (игравшихъ нѣкогда громадную роль и уцѣлѣвшихъ понынѣ), умѣлостью въ разведеніи растеній, кустовъ, полезныхъ и плодовитыхъ деревьевъ своего рода *садоводствомъ* и *огородничествомъ*, за которымъ слѣдовали уже *ремесла ручныя*. Религіозный складъ, еще на старыхъ мѣстахъ жизни пережившій «Астрапвность» (религію «Звѣздную»), но не увѣдавшій тамъ реакціи «Сабизма», не участвовавшій съ другими и лучшими вѣтвями въ послѣдовательномъ ходѣ «Политеизма» (которому и обязаны онѣ, и въ которомъ выражали свое развитіе), удержалъ только вѣрованія въ повсюдныхъ духовъ, удержалъ грубыхъ и чудовищныхъ, но безсмысленныхъ и безсистемныхъ идоловъ, менѣе склоненъ къ «Шаманству», требующему экстаза и одушевленія, «Исламизму» самъ по себѣ даже враждебенъ, къ Христіанству могъ бы «перешагнуть», но безъ субстрата и подготовки, а къ чему болѣе всего способенъ, къ чему оказалъ пристрастіе, — это къ «Буддизму», не въ истомъ его, одухотворенномъ видѣ Арійскаго происхожденія, а въ своеобразіи «Ламизма», создавшаго изъ главнаго Ламы своего родъ идолъ, изъ Ламъ промышленниковъ и ремесленниковъ. Наконецъ, здѣсь замѣчается доселѣ дѣйствіе «паръ» (самца и самки), съ кажущеюся и для нѣкоторыхъ соблазнительною свободою, а собственно— царство «родовъ»,—но безъ замкнутости кочевья и гаремности Ислама; за то—ни малѣйшаго тожества съ «семьею» народовъ, искусственность и опять—такъ сказать—ремесленность ея состава и отношеній, не обрядность со смысломъ и преданіемъ, а обработка внѣшними увертками, вывертками и *церемоніями* столь прославившими Китай; внѣ сихъ узъ «обстановки» — домъ, открытый входу и выходу, взорамъ и умамъ постороннихъ, домъ всѣхъ видовъ, смотря по вліянію исторіи со стороны, отъ шалаша до лодки, отъ землянки до вычурной архитектуры безъ идеи и исторіи; жилища открытыя,—свобода женщинъ, открытое ихъ общеніе съ мужчинами и посторонними, открытыя лица и даже черезъ-чуръ—съ залысеннымъ лбомъ. Довольно всего этого для убѣжденія, что еслибы гдѣ либо и особенно у насъ были бы «подлинные», типичные Монголы, или если бы имѣло мѣсто ихъ воздѣйствіе, мы не похожи были бы ни на Туранцевъ вообще, ни на Тюрковъ, ни на Турокъ и Татаръ: мы не закрыли бы жилищъ, не спрятали бы женщинъ, не пахло бы у насъ гаремомъ, дѣвушки

и жены не закрывали бы лицъ, невѣсты при свадьбахъ не укутывались бы покрываломъ (какъ и было въ дѣйствительности), ученые не путались бы Монголизмомъ (какъ они путаются), а знали бы его — по типичнымъ признакамъ. Въ числѣ послѣднихъ, со стороны расовой и племенной натуры, нашли бы они *Монгольскія*, выше означенныя, *черты*, наиначе въ головѣ и *лицахъ*: а такихъ головъ, и особенно *лицъ*, съ Монгольскими чертами, вслѣдствіе смѣшенія съ Монголами, *рѣшительно нѣтъ въ Великой Россіи*, за исключеніемъ лишь «козаковъ», и то «самыхъ южныхъ», преимущественно на Дону, по причинамъ, о коихъ ниже, бросается въ глаза привившійся многимъ Русскимъ типъ Чудской, спорадически попадаются въ Великоруссахъ черты Татарскія, позднѣе по происхожденію — черты нынѣшнихъ Кавказцевъ, *нѣтъ никакихъ слѣдовъ Монгольскихъ*.

И это естественно, необходимо и исторично. Монголы, въ своихъ предкахъ и первобытныхъ жилищахъ, сами пострадали отъ Аріевъ и нѣсколькихъ параллельныхъ крупныхъ племенныхъ вѣтвей, а не обратно, не вліяли на предковъ Арійскихъ; совмѣстнаго жительства на Кавказѣ они не извѣдали; они были преслѣдуемы, но ушли быстро и слишкомъ далеко; внутрь къ нимъ, ради и дальности, и опасности, предки Арійцевъ массами не проникали; ихъ отрѣзала и отграничила, заслонила и спасла промежуточная черта *Турана*, съ создававшимся племенемъ *Туранцевъ*, о которыхъ вскорѣ; но на *Туранской линіи* они не стояли, ибо линія Туранская, по самому значенію и имени, возникла и протянулась по однимъ точкамъ съ *Иранскою* (*Т-уранъ* = «тотъ Иранъ», «другой Иранъ», «не-Иранъ», не Иранская мѣстность и племенная вѣтвь: таково словопроизводство, замѣтно выступающее на сцену при столкновеніи Турана съ Ираномъ, *послѣ* того, какъ *древнѣйшее* начало — отъ Кавказскаго *тура* или *тавра* стало уже забываться между племенами), и Туранцы же отграничивали Монголовъ отъ Иранъ и прочихъ Аріевъ. Въ страшной борьбѣ, которая шла по этой линіи въ долгое время кочеваго періода, Монголы «подлинные» не участвовали. Они втянуты были въ борьбу лишь тогда, когда черта эта уже порвалась и даже перестала существовать—въ письменномъ и историческомъ, опредѣленномъ и древнемъ смыслѣ, оставшись лишь въ топографіи горъ и ихъ склоновъ; ибо Аріи «обширнаго» значенія, окончивши тянувшійся по этой чертѣ періодъ ихъ кочевья, раздѣлились на двѣ крупныхъ группы; Иранская пошла обратно на западъ, къ Иранскому плоскогорью, Тигру, Каспію и Кавказу, а затѣмъ и въ малую Азію и въ Европу; Арійская же «тѣснаго» значенія въ лицѣ Индусовъ,—начала спускаться

къ Инду, за тѣмъ на Гангу *) такимъ образомъ Туранцы остались *одни*, тѣмъ самымъ прекращалась распря *прежняя*. Но—тогда-то они сблизились тѣснѣе съ Монголами, поднимали Монголовъ, роднились, сливались, предводительствовали, вели къ завоеваніямъ и вторженіямъ, какъ во «вторичный», болѣе «тѣсный» Иранъ (послѣдующихъ Персовъ), такъ и въ Индію, а далѣе и къ Кавказу, и въ Переднюю, и въ Малую Азію, и на Европу разными путями, и на самихъ же Монголовъ «чистыхъ», «несмѣшанныхъ», въ ихъ углы и захолустья, да и по всѣмъ направленіямъ изнутри степей Азіатскихъ. Говорили, Монголы были «втянуты въ завоеванія,» не поднимались сами, не возбуждали движенія: по всѣмъ описаннымъ чертамъ, флегмѣ, уступчивости, отсутствію кочевыхъ и завоевательныхъ инстинктовъ, физической неподвижности, охотному труженичеству. Впереди всего были и всегда шли Туранцы: если въ ихъ формацію входили и Монголы то столько же и Сѣверная чудь, а общій типъ вырабатывался именно *Туранскій* и Монголизмъ здѣсь не примировалъ. Странно даже представить себѣ, чтобы Монголы «чистые» и «сами по себѣ» были ужасными и свирѣпыми завоевателями, какими ихъ представляли незнавшіе или представляютъ; смѣшно читать и слушать, когда, посѣщая нашихъ бурятъ, одинъ изъ коренныхъ видовъ Монгольства, вздыхая восклицаютъ,—«И это флегматическое, мирное и добродушное племя—потомки грозныхъ воеводъ, потрясавшихъ міръ!» Виною смѣшенія мнѣній было реальное смѣшеніе крови Монгольской съ Туранцами и появленіе въ полчищахъ ихъ послѣднихъ какъ Монгольскаго типа, сюда проникшаго, такъ и наличныхъ Монголовъ, увлекавшихся въ общую Азіатскую гурьбу, а главное—имя. Имя *Мангаловъ*, въ старшей формѣ (по нашему убѣжденію) *Монголовъ*, но и *Могуловъ*, *Муголовъ*, *Могаловъ* и т. д., исходило изъ корня Общей нѣкогда Племенной рѣчи, въ томъ числѣ и послѣдующей Арійской (гдѣ одинаково имѣетъ свой смыслъ и словопроизводство), у каждаго племени впослѣдствіи отзывалось своего рода корнемъ и доступнымъ смысломъ, у всѣхъ имѣлось въ той или другой формѣ для названія моленій давняго міра—религіозныхъ и бытовыхъ, въ урочищахъ и топографіи, было «популярно» и — тѣмъ самымъ переносилось съ одного племени на другое съ величайшей легкостью. Это испытали на себѣ названія и многихъ другихъ племенъ, столь же древнія и корнемъ общія, въ томъ числѣ именно Татаръ, Тюрковъ и Турковъ: изъ числа ихъ, Монголами называли (совершено

*) *Ганга*—священная рѣка «богини», женскаго рода.

нами, воздвигали постройки дивной, Туранской по типу и Мусульманской по идеѣ, архитектуры и оставили по себѣ изображенія— неправильно) такихъ завоевателей, а потомъ владѣтелей въ странахъ Индіи и оттуда до малой Азіи, которые являлись чистыми магометабезъ малѣйшей черты «собственнаго «Монголизма; «великой Тартаріей», «сѣверною и восточною Татаріей» звали долго края, завоеванныя на половину чистѣйшими Монголами; къ Монгольскому происхожденію выводили и послѣдующихъ Турокъ, прошедшихъ десятковъ ступеней племеннаго развитія совсѣмъ иныхъ расъ.

Была тому причина отчасти и *внутри* самого Монгольства. Древнѣйшіе, самые угловатые типы ихъ *сгибли* на мѣстѣ первобытной территоріи подъ ударами враговъ и въ узахъ насилія; крайніе отпрыски *спасли* физическій составъ и возможность жизни *въ отдаленномъ уединеніи,* среди послѣднихъ предѣловъ сѣверо-востока и всего востока Азіи, или среди такихъ горъ, какъ Тибетъ и къ нему ближайшія; задніе и отстававшіе, какъ сказано, заслонялись Туранцами и, чрезъ связи съ *ними,* чрезъ *сношенія,* родство и кровь, мало по малу *асимились.* Оставивъ въ цѣлости и даже закрѣпивъ многія основныя черты типа, время и исторія уврачевали то, что представлялось болѣзнію временною и поддавалось лекарству. Окрѣпли силы, у большинства Монголовъ натурализировался цвѣтъ, у иныхъ показался даже румянецъ; браки съ Туранцами подняли расу въ ростѣ, мышцахъ, огнѣ, энергіи; чрезъ Туранцевъ входило кочевье, скотоводство, торговля; чрезъ ихъ посредство достигали послѣдствія цивилизаціи изъ отдаленнѣйшаго центра Общаго племеннаго развитія; съ ними же спускались Монголы и въ классическія страны Азіи; осѣдлость своего рода помогала этому, простираясь и до началъ земледѣлія; необычайно прилежной и дробный трудъ доводилъ до чего-то сходнаго съ «народомъ» и «исторіей», искусственность вознаграждала собою нормальный процессъ натуры, племени и исторіи. И, тѣмъ не менѣе, все-таки, можно сказать утвердительно, «чистые» Монголы не выступали далѣе срединной глубины Азіи, далѣе сѣверо-восточной и юговосточной ея половины; западная половина самихъ Монголовъ, представлявшая болѣе удобную— почву для соединенія съ Туранцами, а частію и съ Чудью, равно какъ контингентъ для двигавшихся полчищъ, сама съ мѣста не срывалась цѣликомъ, навсегда; самые Калмыки, позднѣе, какъ извѣстно, двинувшіеся на западъ и югозападъ за предѣлы Азіи, проникшіе и къ намъ, оставившіе по пхнему воздѣйствію нѣкоторыя внѣшнія черты физіономіи въ нашемъ юго-восточномъ и южномъ казачествѣ, самые, говоримъ, Калмыки, при всемъ томъ, что не были уже «чистымъ»

типомъ и чистою кровью», вернулись однакоже въ большинствѣ массъ своихъ къ *прежнимъ* центрамъ, а намъ оставили по себѣ лишь слабые послѣдки. За исключеніемъ всѣхъ «частныхъ» попытокъ перехода, скорѣе «порывовъ», чѣмъ переселеній» (въ томъ и отличіе отъ Туранцевъ, что Монголы «ходили», участвовали въ «завоеваніяхъ», но «не переселялись» и «не оставались на новыхъ мѣстахъ»), формаціи племенныя, въ которыя проникалъ Монголизмъ, слагались по преимуществу чрезъ Монгольскихъ женщинъ»: въ этомъ смѣшеніи, перевѣсъ Туранскихъ мужчинъ творилъ главный типъ *Туранскимъ*, такъ что Монгольскія черты, ограничиваясь больше всего головою и лицомъ оставались частными» и «внѣшними» не простираясь на бытъ, складъ и характеръ. Поелику же онѣ, упоминали мы, слишкомъ рѣзки и замѣтны, то по нимъ можемъ судить, какъ *далеко на западъ и югъ* простирался Монголизмъ, хотя бы внѣшній, мелкій и физіономическій. Онъ не проникъ въ Африку, не водворился въ малой Азіи и на Кавказѣ (если несчитать крохотныхъ поселеній), едва скользнулъ по юго-востоку и югу Россіи (о чемъ еще ниже), чуть переступилъ Уральскій хребетъ, Яикъ и Волгу, а здѣсь оказался до того слабъ, что поглотившій его типъ Туранскій оставилъ у Великоруссовъ кое-что Татарское, чрезъ болѣе поздніе браки, но не присоединилъ сюда ничего Монгольскаго; а дальше уже, на западъ и югъ, нѣтъ о Монголахъ и помину, развѣ только не причислить сюда нѣкоторыя черты на сѣверѣ Америки, занесенныя отпрысками не Монголовъ, а Удовъ (о коихъ ниже), и занятыя послѣдними ближе съ сѣвера и угла самой Азіи. Къ намъ, для нга «Монгольскаго», не пожаловали даже Тунгусы и Манджуры, какъ ни трудно прослѣдить черту, гдѣ начинается или кончается въ нихъ Монголизмъ; и они слишкомъ были далеки отъ насъ; если считать Темучина или Чингисъ-хана даже чистымъ Монголомъ, то къ намъ явились только *полководцы* подвластныхъ ему западно-Азіатскихъ ордъ, Батый наслѣдовалъ страны восточныхъ окраинъ Урала и Каспія, *гдѣ не жило Монголовъ*; по его убѣжденію Ярославъ ѣздилъ на поклоненіе къ хану Гаюку *такъ далеко* къ Амуру, что не перенесъ странствія; Золотая Орда была уже намъ *мѣстная*, въ *нашихъ* краяхъ; въ разсчетѣ и территоріи, и племени, и быта, она была еще дальше и различнѣе отъ ордъ прочихъ, даже отъ *ближайшихъ Азіатскихъ*. У насъ были «своеобразные» *Туранцы*, къ которымъ теперь обращаемся въ интересахъ важнаго всѣмъ Русскимъ дѣла.

Прототипами ихъ и, хотя отдаленнѣйшими, но прямыми предками были *Аты* или *Ады*, въ формахъ съ равными гласными Эты—

Пты—Уты—Юты, *Эды*—Пды—Уды—Юды и т. д. (для краткости, у насъ избрана хотя не старшая, но болѣе извѣстная форма *Удовъ*). Это давнее, могучее и самое энергическое племя, одаренное значительно природою, прошедшее путь разнообразнѣйшаго развитія, они участвовали въ жизни первобытнаго Кавказа, послѣ нѣкоторое время владѣли имъ, попынѣ остались въ Адыхахъ — Черкесахъ и мелкихъ Удахъ; владѣли нѣкоторое время центрами Общаго Племени, не далеки были и лишь позднѣе отдѣлились отъ лучшихъ всѣхъ представителей, въ томъ числѣ Аріійцевъ, Индо-Европейцевъ и даже предковъ Славянскихъ; крупную долю брали въ общемъ ходѣ религій, исторіи племенъ и зарожденіи народовъ,—отъ клинописи *) до страницъ «Бытія» **) оставили по себѣ свидѣтельства. Вытѣсненные предками Аріійцевъ, ранехонько, чуть ли не первые послѣ Басковъ, перешли они въ Европу, разгромлены здѣсь знаменитымъ походомъ Египтянъ, преслѣдованы предками Финновъ и Саксовъ; одна вѣтвь разрожденныхъ дошла до самой Балтики, задала работу Лапамъ, Альбингамъ и Скандинавамъ; другая обратилась къ низовьямъ Волги и къ Каспію: здѣсь послѣдовало племенное перерожденіе, колѣно племеннаго развѣтвленія. Одна, изъ двухъ новыхъ вѣтвей, болѣе слабая и поздняя, поднялась по Волгѣ, Камѣ, Уралу и Хребту, въ соотношеніяхъ и борьбѣ съ «Сѣверною» Чудью (ср. выше); старшая и главная протянулась по линіи помянутаго Турана, отъ Каспія на Мервъ (нынѣ столь знаменитый), на Балхъ, до Гиндукуша, до Памира, доходя и до Балкаша, и т. д. Это означенная линія пресловутаго *Турана*, это *Туранцы* опредѣленной эпохи и техническаго значенія, получившіе и свою роль, и свое имя отъ кочевавшихъ по той же линіи, но по Южной сторонѣ, Пранъ, vis-à-vis Туранцевъ Сѣверныхъ. Это *первая* въ мірѣ и первобытной исторіи *Крайна* или *Украйна*, на которой боролись Аріійцы съ не-Аріійцами, какъ послѣ Славяне и Русскіе на всѣхъ своихъ украйнахъ, крайнахъ и покрайнахъ. Линія, географически опредѣленная, но относительно тогдашняго племени и быта лишь мыслимая и обнаружившая свою силу только по результатамъ. Тѣ и другіе, Туране и Иране, проходили періодъ кочевья, боролись и враждовали, зависѣли другъ отъ друга и обменялись элементами, оставшимися у обоихъ въ *одинаковъ* названіяхъ главнымъ явленіямъ и предметамъ кочевья (нѣкоторыя изъ такихъ названій при-

---

*) Такова древняя формація, бытъ которой нынѣ вскрывается изъ подъ клинописи, именемъ *А-к-к-Адъ*, гдѣ вторая часть принадлежитъ Адамъ.

**) Таковы имена—Адама, Эдема, Эдома и самой *Юд-еи*.

ведены выше). Если Туранизмъ кому нибудь можетъ служить упрекомъ, то слѣдами его, какъ результатами пройденнаго періода за одно и въ сношеніяхъ, то дружескихъ, то враждебныхъ съ Тураномъ, заражены одинаково предки *всѣхъ* Индо-европейцевъ (развѣ только меньше со стороны Галловъ) и предки «Южной» Чуди, обои одинаково двигавшіеся по Прану и «составлявшіе» собою тотъ давній Пранъ. Но они «кончили» кочевье, завершили религію и миѳологію на ступени племеннаго броженія, они вернулись назадъ дружинами и эмбріоническими народами, они перешли въ Европу готовыми народами, для земства и земледѣлія, съ Зевсомъ, Юпитеромъ, Перуномъ, Одиномъ, Торомъ и т. д. А Туранъ, въ лицѣ Туранцевъ, какъ потомковъ Удамъ, остался въ кочевьѣ и навсегда закружился въ немъ, уклонился отъ благаго воздѣйствія, хотя бы чрезъ отношенія враждебныя, со стороны высшей расы Прапской (и въ ней Арійской), предопредѣленной своими задатками во главу историческаго развитія, огрубѣлъ, смѣшалъ и слилъ въ безобразную массу зачатки духовные, удержалъ навсегда рѣчь «слитную» и недошелъ до организма «языка», обреченъ былъ на главную роль *въ Азіи*, предупредѣленъ на неудачи вѣ другихъ частяхъ свѣта, какъ ни блестящи его завоеванія тамъ, кончавшіяся и кончающіяся позоромъ. Отселѣ опять новая ступень въ судьбахъ этого племени и быта: взоры его обратились прежде всего на Сѣверъ и Сѣверо-Востокъ Азіи, гдѣ размѣщались расы, *низшія* его и по натурѣ, и по задаткамъ, и по развитію, какъ пища его завоеванію и водворенію, пища для его энергіи, для воплощенія его способностей и цѣлей. Какъ всегда и всѣ завоеватели, *клиномъ* врѣзались Туране того типа и періода между «Сѣверною» *Чудью*, доселѣ занимающую Сѣверо-Западъ, Сѣверъ и крайній Сѣверо-Востокъ нашей Сибири, и между *Монголами* (при всѣхъ смѣшеніяхъ, наиболѣе чистые потомки Удо-Туранъ, *Як-уты* *) остаются даже доселѣ *клиномъ* между другими, въ самыхъ топографическихъ очертаніяхъ Азіатской географіи). Началась помянутая эпоха то покоренія, то воздѣйствія бытоваго и моральнаго, то браковъ, то распространенія кочеваго скотоводства и религіи, извращенной до шаманства, впослѣдствіи же уступившей Исламу, то собиранія въ полчища и предводительства для новыхъ завоеваній, спускавшихся и къ Югу, и внутрь Китая, и разными путями въ Европу. Результатомъ были—*подъемъ* «Сѣверной» Чуди и Монголовъ *по ту и другую сто-*

*) Это точь въ точь одинакое названіе съ помянутымъ *А-к-к-Адомъ*.

рону, въ *центрѣ* же *питаніе* типа Удо-Туранскаго силами Чудскими и Монгольскими. Послѣ движенія Аріевъ, Пранъ и Арабовъ, всѣ завоеванія и завоеватели, всѣ вторженія, опустошенія и погромы, простиравшіяся по Азіи и проникавшія въ Европу, а за тѣмъ и въ Африку, всѣ отсюда и изъ этихъ началъ; отъ Скиѳовъ и Гунновъ по длинному ряду до Мадьяръ и до Татаръ съ Турками, всѣ отсюда ведутъ свою прямую родословную, болѣе или менѣе точную и подробную, но во всякомъ случаѣ несомнѣнную. Для насъ ближе и нужнѣе вспомнить, что это *централизующее* племя, которое грубо смѣшиваютъ иные съ Монгольскимъ, а обозначаютъ неопредѣленно — одни «Туранскимъ» (по его давней роли относительно Прана), другіе «Алтайскимъ», третьи «Скиѳскимъ», четвертые «Сѣверно-Азіатскимъ», пятые—по происхожденію—«Удскимъ», шестые—«Татаро-Турецкимъ (по отродившимся «позднѣе» вѣтвямъ, о чемъ и мы ниже), седьмые—для краткости — просто «Сѣвернымъ» (отличая впрочемъ при этомъ отъ «Сѣверной» Чуди, какъ отъ «Гипербореянъ») и т. д., это племя *по одну сторону* безпрерывно вбирало въ себя или покоряло «Сѣверную» *Чудь* (какъ Водь-Вогуловъ, Остяковъ и т. под.), съ *другой* одинаково *Монголовъ*, образуя изъ всего этого, въ собственномъ своеобразномъ *центрѣ*, *кортусѣ* и *типѣ* совершенно особый, главный, передовой, *покрывавшій* пришлые и воспринятые элементы, срединный и, *отъ себя уже*, отъ своего *средоточія*, вновь дѣлившій разныя группы и вѣтви, быстро и обширно возраставшія. Формаціи племенныя, отсюда возникавшія, разнообразны: въ однѣхъ ближе къ Монголизму, въ другихъ къ Чуди, въ однѣхъ нѣсколько уступаетъ, въ другихъ подавляетъ главный типъ, нюансы быта склоняются къ дикости и звѣроловству, кочевое скотоводство граничитъ съ воздѣлываніемъ земли и разведеніемъ растеній, тоже и въ цвѣтахъ кожи, чертахъ, жилищахъ, обрядахъ и обычаяхъ; но равновѣсіе все-таки сдерживается центральною, неистощимою силою, такъ сказать кружащеюся (какъ у всѣхъ кристаллизованныхъ кочевниковъ), повторяющеюся, но не исчерпаемою и какъ будто вѣчною въ своей энергіи.

Обрисуемъ въ двухъ-трехъ чертахъ этотъ *типъ главный*. Онъ въ корнѣ Кавказскій, его рѣчь во множествѣ корней одинакова съ Арійскою и начинаетъ дѣлиться лишь съ эпохи «быка», «рогатаго скота» и «коня» *), и только послѣ этой эпохи теряетъ способность

*) Эпоха эта или, лучше, двѣ эпохи, ибо «конь» нѣсколько позднѣе первыхъ началъ «рогатаго скотоводства», весьма опредѣленны въ Этнологіи, Археологіи и вообще въ области «доисторической древности».

«организма» *). Древность его началъ восходитъ къ 3-му — 4-му періоду Общаго Племени (Urstamm), не моложе. Судя по многимъ слѣдамъ, раса эта имѣла нѣкогда отцвѣтъ красноты, но въ спеціальности своей давно выработалась до высокой Кавказской *бѣлизны* и, не смотря на всѣ послѣдующія видоизмѣненія, остановилась на ней; лишь отчасти пожелтѣла въ формаціяхъ, смѣшанныхъ съ Монголами, что, отпечатлѣлось въ нижнихъ массахъ встрѣчающимся отекомъ лица и желтоватой смугловатостью на Сѣверо-Восточномъ краю Азіи, особенно же въ Инуитахъ; въ этомъ отношеніи и солнце Африки, и тамошняя пестрота расъ, и чернота, не подорвали бѣлизны, при благопріятномъ воспитаніи снова высоко поднимающейся. При всей смѣси съ «Сѣверною» Чудью, раса далека отъ бѣлыхъ и льняныхъ волосъ: она по преимуществу русая, въ нѣкоторыхъ вѣтвяхъ даже черноволосая и съ остаткомъ кудреватости (замѣтной въ бородѣ; голова — по принципу и нынѣшней религіи бритая). На значительную долю это ортогнаты (съ прямо спускающеюся, не выдвинувшейся челюстью) и даже частію длинноголовы; скулы не выдаются такъ, какъ у Монголовъ. Носъ по большей части прямъ и напоминаетъ иногда Кавказъ, переходя въ орлиный. Глаза не велики, не растянуты, очертанія ихъ часто красивы, взоръ быстръ, подвиженъ, проницателенъ, при грубости нѣкоторыхъ вѣтвей хищническій; по цвѣту, глаза есть и сѣрые, то больше каріе, а порою также съ густотою до черноты. Ростъ нынѣ господствующій средній: то удивлялъ высотою въ Удахъ—великановъ и въ отрываемыхъ скелетахъ ихъ, а спустя много вѣковъ удивлялъ Русскихъ въ Татарскихъ богатыряхъ. Представители по большей части длинолицы, сухощавы и поджары, выносливы, воздержны, но во всемъ способны къ экстремамъ и круто переходятъ отсюда въ забытую за болѣе позднее время одутловатую толстоту, въ распущенность и упоеніе сладострастія, хотя опять готовы воспрянуть и отсюда; при счастливой обстановкѣ холятъ и нѣжатъ себя, становятся полнокровны, круглолицы, даже румяны —какъ баре, господа; тогда они и щеголи, вѣтрены и расточительны. Чистоплотнѣе большей части Азіатцевъ по натурѣ, а въ послѣдующемъ Исламѣ черезъ-чуръ уже охочи до омовеній. Нѣкогда они подавили въ себѣ Хамитизмъ, но постепенно втягиваясь въ Исламъ, воскресили Хамитизмъ во всей силѣ, хотя въ обновленныхъ формахъ, такъ что нынче можно сказать о нѣкоторыхъ вѣтвяхъ ихъ,

*) Т. е. *не подымается* до организаціи, *останавливается* на явленіяхъ *организма неполнаго.*

что это послѣ Негровъ—болѣе грубыхъ, Хамиты самые развитые и дресированные. Выдвигаетъ ихъ по преимуществу необъятная *энергія*, не исчерпаемая и флегмою, въ которую они впадаютъ, какъ бы пережидая поры, когда броситься и устремиться (такова натура многихъ звѣрей); извѣстна ихъ храбрость и способность возвышаться до геройства: но имъ одинаково не стыдно и бѣжать съ позоромъ; умѣнье выжидать, хитрость и лукавство замѣняютъ у нихъ развитіе умственныхъ способностей; они склонны и къ мечтательности, даже къ поэтической, но не къ познанію и не къ наукѣ; веселость и развязность ихъ скрываютъ за собою прославленное предательство и равнодушный обманъ—какъ ни въ чемъ не бывало. По инстинкту своего давняго и высокаго происхожденія, по наслѣдованной привычкѣ повелѣвать полчищами, завоеванными странами, племенами и народами, они по преимуществу, рѣшительно болѣе всѣхъ другихъ, въ глубинѣ души сознаютъ себя владыками всего и всѣхъ, по крайней мѣрѣ предопредѣленными; и такими являются, и самыя неудачи ихъ не разувѣряютъ: это баре и господа по призванію и убѣжденію; ихъ искусство подчинять себѣ и властвовать неподражаемо; они съ самаго перваго раза франируютъ и долго потомъ отпонируютъ, даже самихъ Индо-европейцевъ и Европейцевъ вообще; Южные Славяне при всей личной храбрости, падали и терялись передъ ними, часто изъза пустаго; наши князья унижались предъ ними безъ особенной нужды. И только стойкій, преимущественно быстрый и нежданный отпоръ ставитъ этихъ господъ самихъ въ тупикъ, заставляя однако обдумывать хитрыя мѣры для *новаго* завоеванія. Житье чужимъ и готовымъ, а потому завоеваніе и покореніе глубокимъ инстинктомъ гнѣздятся въ крови ихъ: они чуютъ въ минуту, гдѣ пожива и слабость, и, если не своруютъ, не ограбятъ, то съ полнымъ величіемъ отнимутъ. Это носители «бѣлой кости», благороднаго происхожденія и наслѣдства: ни у кого не было внутри столькихъ князей,—каждый родъ имѣлъ такихъ и выставлялъ, кочевой бытъ безпрерывно отрождалъ и готовилъ: больше, чѣмъ сектантовъ и мыслителей въ Индіи, искусственныхъ мудрецовъ, мандариновъ въ Китаѣ, докторовъ ученыхъ въ Германіи. *Иныя* племена и народы по необходимости они терпятъ рядомъ съ собою, если не успѣли покорить: но въ душѣ презираютъ, ждутъ лучшаго и никогда не помирятся съ равноправіемъ. Любопытная особенность: какъ у Ляховъ (Польскихъ древнѣйшихъ «Леховъ») и Шляхты, у нихъ, и кажется у двухъ только этихъ вѣтвей, такой твердый, упругій, прямой, иногда жирный и толстый затылокъ.

Въ язычествѣ они-то придали всего болѣе энергіи шаманству, до безграничнаго экстаза, хотя столь же скоро и охлаждавшагося; къ буддизму же не склонные и недовѣрчивые, ибо онъ въ своей лучшей формѣ заставлялъ мыслить, а ламанизмомъ погружалъ во флегму и мирную торговлю, они только *допускали* буддизмъ и только въ тѣхъ своихъ въ формаціяхъ, которыя связаны съ *монголизмомъ*: но въ центрѣ своего типа, не чувствуя къ буддизму привязанности, терпѣли сначала *всякую вѣру*, притомъ вовсе не по уваженію къ ней въ другихъ, а по презрѣнію или равнодушію, какъ явленію, не мѣшавшему ихъ главной задачѣ; такими явились они сначала и къ намъ. Воспринятіе Исламизма возродило въ нихъ силы и черты всего ихняго прошлаго: здѣсь шаманы воскресали въ дервишахъ, ламы въ монастыряхъ, буддійскіе аскеты и мыслители въ софтахъ, давній хамитизмъ въ новыхъ усовершенствованныхъ формахъ. Разъ отдавшись Исламу, они явились самыми рьяными его приверженцами и *первыми* представителями, оставивъ за собою и старшихъ отцовъ этого кульшъ—Арабовъ. Всего больше пришелся онъ по мѣркѣ и къ кочевью, и къ племенному характеру. Разбираемый нами типъ есть типъ *кочевой по преимуществу*: въ устройствѣ его шатровъ, орды, стана, скотоводства—самый вѣрный образъ кочевья, нѣкогда общаго всѣмъ, ибо кочевье *остановилось здѣсь навсегда*, просвѣчивая сквозь кристаллизацію всѣ внутреннія черты и формы конфигураціи, нѣкогда общія, по самымъ терминамъ, одинаково и всѣмъ былымъ Аріямъ. Въ кочевомъ же устройствѣ Уды-Туране превзошли и всѣхъ кочевниковъ старшихъ, напримѣръ Хананитовъ и Арабовъ и всѣхъ младшихъ: кочевье вводили они всюду, куда проникали, съ кѣмъ смѣшивались, между племенами, дотолѣ его незнавшими, какъ напр. Монголами, и между тѣми, которые давно вышли изъ него, какъ напр. Славянами; этихъ послѣднихъ они поднимали съ мѣста, переселяли, гоняли взадъ и впередъ, заставляли создавать украйны, хайдуковъ, гусаръ, козачество. По типу и развитію говоримъ, они истые кочевники: но и кочевье чрезъ нихъ пріобрѣло оригинальный, не бывалый дотолѣ типъ. Сообразно первобытному Кавказу (съ его *туромъ* и *тавромъ*, смѣнившимъ еще старшаго «тигра», изъ эпохи звѣроловства), сначала они завлечены были «рогатымъ» скотомъ и въ параллель прочимъ Кавказцамъ, въ томъ числѣ Праномъ, подняли до религіи и миѳологіи значеніе «быка», въ особенности мѣстнаго—*Яка*, *Якха* (съ суффиксомъ въ именительномъ *Як-с Як-с*), столь своеобразнаго и извѣстнаго по всему Турану и его помянутой линіи, вплоть до Тибета: у Ираиъ впервые явился (и довольно на долго

удержался) въ высокой роли «конь»: при вѣковой жизни смежной и при взаимности борьбы, представители Турана приняли «коня» и отдались ему, такъ сказать, присяжно, соединивши имя его и съ собственнымъ архаическимъ именемъ Атовъ, Адовъ и Удовъ *). Пранцы современемъ умѣрили въ себѣ эту привязанность, особенно ихъ вѣтви, перешедшія въ Европу и спѣшившіяся; другія были, такъ сказать, кочевниками и перехожими людьми «водяными» по водѣ, какъ Эллины, Финикіяне, наши предки—Венеты и Анты. Большинство же Европейцевъ постепенно «спѣшилось», въ томъ числѣ Славяне и особенно Великоруссы, въ важныхъ случаяхъ, даже въ битвахъ, спѣшившіе съ коней и бросавшіе (по лѣтописямъ) даже и «сапоги». Напротивъ, разбираемый нами типъ—*конникъ* по преимуществу, конь для него все, безъ коня онъ ничто (послѣдующая пѣхота, напр. Турецкая, возникла уже по образцамъ Европейскимъ и отсюда привела силу). П Арабъ, какъ ни далекъ въ этомъ дѣлѣ все-таки отсталъ, ибо ему главное лошадь «верховая», скакунъ, падѣлившій породою Европу: для наслѣдниковъ же Удовъ и Туранъ необходимъ не только дикій табунъ, но и цѣлое «стадо», отсюда его товаръ, перевозъ шатра, выдѣлка одежды и предметовъ хозяйства, лучшая пища и исконное питье. Послѣ Пранскихъ Аланъ, Сарматовъ и т. д., все же къ концу спѣшившихся, распространена и обновлена порода лошадей, развита конница всѣхъ видовъ (она же носитъ и Восточное названіе—*уланъ, гусаръ*) и возобладала конская ѣзда, а въ заключеніе наши козаки, бывшіе нѣкогда мореходцами или пѣшими войсками, засѣли всѣ на коней чрезъ постепенное вторженіе и прямое воздѣйствіе Восточниковъ разбираемаго типа. Своеобразный бытъ, въ тѣсной связи кочевья и Пслама окрѣпъ: не повторяемъ уже о затворничествѣ и «гаремѣ», занятомъ первоначально у Пранцевъ, а въ имени изъ общей рѣчи (—очагъ, горимое—матеріалъ горѣнія), но доведенномъ до небывалаго господства и невиданной исключительности, опять далеко превзошедшей Арабовъ. Весь міръ поплатился этому «возобновлен-

---

*) *Ак-Як*—перешло въ названіе станов, урочищъ, рѣкъ, героевъ, лицъ, божествъ: *Якхъ, Яковъ, Аякъ, Аксанъ—Асканій, Ар-аксъ, Якс-артъ, Акс-ай, Акмолъ*, и тысячи другихъ, а позднѣе у Аріевъ на самаго «коня» (первоначально ѣздили на волахъ *eq-u-us ях-ати, пх-ать* и т. д.; *ам* и *ад*—«конь», и въ этой формѣ на тысячу ладовъ закрѣплено у Адовъ—Удовъ. Распространенное у нихъ имя *Ак-с-акъ* есть редупликація, удвоенная форма=сильный герой божественный по происхожденію=divus, греч. *діос*, наше старос—*дый*, «дѣй Игорь» (это связывалось и съ *дывою*),=*буй туръ, яръ-туръ, кен-таверъ* (коне-быкъ), откуда и «*бога-тырь*», и геройское имя *Ар-туръ* и т. д.

ному» гарему своими дѣвушками и женщинами, весь міръ въ лицѣ ихъ былъ порабощенъ и, за красоту своихъ дочерей и женъ, за чувство красоты, высоко развитое въ потомкѣ Кавказскаго типа, удѣлилъ ему волей-неволею значительную долю своей крови. Заклятой гаремникъ не выдавалъ другимъ своего сокровища, ни дочерей, ни женъ изъ заперти и священнаго крова (развѣ обветшавшихъ, но «своимъ» же); браки, чрезъ которые проникли къ нимъ кое-какія Татарскія черты, совершались позднѣе—выходами и выѣздами къ намъ цѣлыхъ семей, крестившихся: Восточникъ лишь «бракъ» и обращалъ въ свою пользу, въ свою плоть и кровь, въ свой племенной типъ: мужчины были на его сторонѣ и на его же сторонѣ господство выработаннаго, «собственнаго» типа; не только относительно Чуди и Монголовъ, относительно даже всѣхъ Индоевропейцевъ Восточники разбираемаго типа сдѣлались *типомъ* и *племенемъ промежуточнымъ*, между Европою и Азіей, между Азіей и прочими частями свѣта, съ тѣмъ вмѣстѣ, вспоминая прежде сказанное, еще яснѣе понимаемъ мы теперь, что при такомъ порядкѣ вещей *не могло* быть воздѣйствія на «браки» и на «свадьбы», вмѣстѣ связанные съ нимъ, на наши обряды и законы свадебные: мы къ себѣ не принимали невѣстъ, обряженныхъ по Восточному и Магометанскому, а изъ того, какъ у насъ похищали и увозили, конечно «закрывши», для сбереженія и утайки краденаго, для дороги чрезъ степи и воды, мы не могли извлечь себѣ назидательнаго *урока въ подражаніе*: да мы конечно по большей части этого процесса и не видали; «крестившіеся» же не могли повторять обычаевъ «бусурманскихъ».

На томъ же порядкѣ вещей основывалось у разбираемаго нами типа громадное, ни у какихъ другихъ племенъ и народовъ не практиковавное въ такой степени, дѣленіе на *группы* и безпрерывное возрастаніе *мелкихъ* группъ въ *крупныя*, постепенно въ свою очередь обособлявшіяся, и также дѣлившіяся: частицы крови чрезъ женщинъ (какъ называется у «народовъ» — «по кудѣли и прялицѣ») входили безпрерывно въ кочевниковъ отовсюду, не настолько сильныя, чтобы «подорвать» или уничтожить типъ, но достаточно способныя, чтобы плодами его, видоизмѣнять, разнообразить новыми и новыми группами. Въ этомъ и различіе отъ «народовъ»: группы, о которыхъ говоримъ, это группы съ неорганическимъ сцѣпленіемъ, хотя и съ общимъ главнымъ типомъ; движеніе ихъ въ процессѣ не прекращается, но и не выростаетъ отсюда ни единаго «народа», ни нѣсколькихъ «народовъ», а напротивъ — ежеминутно все стремится къ центру и все снова разлагается, и центростремится, и центробѣжитъ; въ этомъ

и состоитъ типъ «кристаллизовавшагося» кочевья съ его родовымъ бытомъ, столь противуположнаго народу съ семьею, какъ степь и перегонное скотоводство противуположны землѣ и земледѣлію земства, это вращеніе въ безъисходномъ кругѣ, процессъ физическій и матеріальный, безъ той цѣли, которую онъ нѣкогда имѣлъ, которой достигъ въ «семьѣ, народахъ и земствѣ», но которую потерялъ изъ виду навсегда въ отставшемъ отъ общаго и центральнаго процесса кочевьѣ застарѣломъ. Тѣмъ самымъ ясняетъ, какъ день, что такая низшая, запоздалая, отставшая формація, хотя бы напирала захватомъ, всегда вѣрна себѣ: не другимъ что либо даетъ она, не другихъ реформируетъ, не другимъ служитъ образцемъ, а себялюбиво все занимаетъ и отнимаетъ, претворяя въ себя; насильно взять, но ничего не дать—вотъ ея лозунгъ; не намъ перенимать, а имъ насъ высасывать—вотъ была норма и задача. Такъ именно, съ своей стороны, и Евреи, по недостатку или недугу, который не побѣжденъ еще въ ихъ племени, по недостаточному равновѣсію своей низшей народности съ народностью Аріевъ или Индо-европейцевъ, поставлены въ положеніе эксплоатаціи, въ невольное, лучшимъ ихъ лицамъ и самимъ ихъ давнимъ законамъ противное, высасываніе чужаго достоянія не равномѣрными средствами; такъ точно, слишкомъ долго живши бродячими дружинами и слишкомъ поздно сложившись народомъ, запоздавши у «раздачи долей»—особенно въ «землѣ», предки Германцевъ относились къ земледѣльческому и широко землевладѣвшему Славянству, да и понынѣ потомки ихъ эксплуатируютъ Славянъ постоянно, умственно, научно и словесно, на пути къ отнятію территоріи и средствъ народной жизни; Восточники же разбираемаго типа, какъ «племя изъ Племенъ» и всего меньше «народъ», соединили у себя *всѣ* виды эксплоатаціи, отъ грабежа достоянія и отъ пролитой крови, до похищенія крови черезъ женщинъ. Нѣтъ почти уголка въ Старомъ свѣтѣ, куда бы они не проникли съ сими цѣлями, изъ которыхъ «завоеваніе» одна только частность или внѣшнее средство: и нѣтъ элемента, до соковъ, крови и мозга, которымъ бы не поживились отовсюду. Говорятъ о «всеобщихъ плодахъ цивилизаціи», наслѣдственно всѣмъ открытыхъ, всѣмъ предлагаемыхъ; говорятъ о «заимствованіяхъ», естественныхъ и освященныхъ обычаемъ: и все это можно приложить только къ подлиннымъ «народамъ»; все это видоизмѣняется, и нерѣдко въ *обратную* сторону, при вопросѣ о «племенахъ». Лишь безотчетно можно было сочинять Духинскому, мечтать Полякамъ, высокомѣриться Восточникамъ Венграмъ, восхищаться Портою Семитамъ биконсфильдамъ: вопросъ о «чистокровности», о

чистотѣ и помѣси расъ введенъ нами въ разсмотрѣніе не даромъ, чрезъ него оказывается все въ иномъ свѣтѣ. Типъ, который мы вывели, не частность, не сухая спеціальность школы и профессуры, не узкое примѣненіе къ одному «Монгольскому игу» или свадебнымъ обрядамъ: онъ міровой, входящій во всю исторію племенъ и народовъ, уясняющій большинство явленій жизни современной. Это болячка, нарывъ, забирающій въ себя соки цѣлаго міроваго тѣла, портящій въ себѣ кровь и кровообращеніе полнаго организма; и благо еще, если онъ вздулся, обозначился, опредѣлился однимъ мѣстомъ: вотъ великое значеніе появленію его нѣкогда на Руси, вотъ судьба его, когда онъ сосредоточился въ Золотой Ордѣ. Именно, все обаяніе и вліяніе, вся роль такого типа важны и губительны тогда лишь, когда типъ, живымъ существомъ, растетъ издали и нечувствительно, когда онъ близится и настигаетъ—ордою, кочевьемъ, насиліемъ, нахлынувшею массою, какъ Батый со своими кибитками и ржаніемъ конскихъ тысячъ: когда же онъ опредѣлился предъ взоромъ сложившагося «народа» и укрѣпившагося «государства», когда въ него всмотрятся и оцѣнятъ его народы, политическія лица,—обаяніе кончено, исчезаетъ и страхъ; когда онъ осѣлъ на одномъ мѣстѣ,—начинается надъ нимъ операція; когда онъ напитался «народомъ», къ которому прикоснулся, судьба его рѣшена; губительны орды и ихъ наплывы, — Станбулъ съ европейскимъ устройствомъ обреченъ на гибель; остается лишь дѣло времени, насколько народъ сочтетъ часы для подчиненія ему пришельца, насколько пришелецъ отсрочитъ служеніе племени народу, а государство уравновѣситъ ихъ отношенія.

Продолжая разсмотрѣніе типа, видимъ далѣе, что они, хотя и промежуточныя по происхожденію и принципу, всего ближе къ *Сѣверной Чуди* по одну сторону, къ *Монголамъ*, по другую: это близость пищи и желудка, жертвы и звѣря; типъ этимъ матеріаломъ *пробавлялся*, и *пробавляется* до сихъ поръ. Что до прочихъ племенъ и народовъ, то довольно равномѣрны и уживчивы его отношенія къ Семитамъ, благодаря Исламу, связанному въ началахъ съ Еврействомъ и водворившемуся у Арабовъ, а еще больше благодаря догматическому обряду обрѣзанія: и эта связь очень древняя (уже Малаи, крайне рано, вынесли изъ общаго союза племенъ этотъ обычаи въ свои поселенія); доказательствомъ, кромѣ Аравіи и Африки, Афганистанъ, гдѣ ширятся племена и зачинавшіяся народности, равно и Удскія, и Семитическія; доказательствомъ самое имя *Іудеевъ*, занятое

отъ *Удовъ*; наконецъ доказательствомъ Іудействовавшіе Хозары *). При всей кажущейся разности, между обоими племенами есть пункты сближенія и кромѣ религіозныхъ преданій: это «недодѣланные», «недоработанные народы», слишкомъ отягченные племенными инстинктами и слишкомъ запоздавшіе, чтобы вызрѣть полнымъ «народомъ»; послѣдовавшій разбродъ Евреевъ аналогиченъ съ кочевьемъ и его завоеваніями; пользованіе другими и сознаніе господскаго призванія идутъ сюда же, хотя умственные и художественные таланты Евреевъ неизмѣримо выше совмѣстниковъ Удскихъ. Но, въ ту же мѣру, послѣ столкновенія на Кавказѣ и долгой борьбы въ Турано-Иранѣ, непримиримость съ Аріями вошла глубоко въ типъ, насъ интересующій: сверхъ мести, это вражда «племени», даровитаго и завоевательнаго, къ успѣшно и зрѣло сложившимся «народамъ»; если Славяне болѣе всѣхъ Индо-Европейцевъ приняли и принимаютъ на себя удары, то это причина и признакъ,—они наиболѣе «народны». Занятые нѣкогда края и потомъ потерянные не забываются племенами и, чѣмъ старше была эта эпоха, тѣмъ память глубже, ибо *мѣсто* и *земля* въ отдаленной древности были всего дороже,—съ ними соединялось развитіе въ «народѣ» и упроченіе народности; стремленіе *вернуться* на прежнее мѣсто, *месть* вытѣснившимъ никогда не покидаетъ впослѣдствіи: самымъ яркимъ доказательствомъ Месопотамія, поприще былаго развитія Общаго Племени, куда всѣ разошедшіяся вѣтви, сколько нибудь крупныя, усильно старались вторгнуться вновь, вновь тамъ зажить и отмстить вытѣснившимъ. Потомки Удовъ отмстили достаточно Египтянамъ, вытѣснившимъ ихъ съ Юга Европы и нынѣшней Россіи; водвореніе здѣсь Славянскихъ предковъ, послѣ споровъ на Кавказѣ и Туранской линіи, перенесло *наслѣдственную* вражду Удовъ на Славянъ; и этотъ край считался *наслѣдственнымъ* и задача завоевать его сдѣлалась непрерывнымъ *наслѣдствомъ* для Восточниковъ Скиѳовъ, за ними для Гунновъ, потомъ для Абаровъ, Хозаръ и такъ далѣе, рѣшительно по всему ряду передовыхъ Туранцевъ, какъ ни смѣнялись они и какъ ни были различны формаціями. Такъ щекотливы инстинкты племенные, воспитанные издавна, такъ чутки въ этомъ отношеніи племена и даже народы со стороны своихъ племенныхъ элементовъ: мы согласились даже признать это извѣстнымъ «недостаткомъ» у народовъ, какъ своего рода «пристрастіемъ», а выводили изъ того,

Библіотека Новго

*) Выходцы Афганистана и ближайшіе къ Турану по племени, но по вѣрѣ Іудеи.

обходимость политическихъ формъ. Потому, замѣтимъ кстати, неосторожное обращеніе Русскихъ съ Польскою народностью, притязанія Поляковъ относительно народности Русской и возведеніе ихъ въ теорію Туранизма, послѣдованіе тому же принципу, хотя и безсознательное, со стороны Малоруссовъ,—это все такія опасности, которыя необходимо устранять какъ можно скорѣе разъясненіемъ недоразумѣній и точнымъ по возможности знаніемъ. Такъ, между прочимъ, съ означенной выше точки зрѣнія, Великая Русь для Восточниковъ была вначалѣ вовсе *не цѣлію*, а лишь *переходнымъ путемъ на Югъ* *), и мы этого коснемся еще ниже: но они «сдѣлали» это цѣлью, многіе остановились здѣсь и остались,—и это было погибелью для типа ихъ, спасеніемъ для будущей жизни въ общемъ и цѣломъ; они натолкнулись на «народъ», слишкомъ прочный, присѣли около него и—были расшибены; вопросъ остался лишь о томъ, сами они способны ли были примкнуть и исцѣлиться.

Ведя далѣе рѣшеніе заданнаго вопроса, прибавимъ, что сверхъ формацій ближе связанныхъ съ Монголами, представителями разбираемаго типа, наиболѣе выдающіеся въ наличности, таковы: со стороны архаической древности, помянутые Адыхи и Уды; со стороны существенной, а по мѣсту въ вершинѣ древняго угла, которымъ Туране врѣзались между Сѣверной Чудью и Монголами, доселѣ образцемъ цѣльнаго типа, въ его задаткахъ и чертахъ, сложившихся еще до Ислама, являются *Як-уты* (прямое соединеніе Яковъ и Утовъ подобно какъ первое появленіе въ Акк — Адѣ подъ клинообразными письменами; рѣчь ихъ то же, что Санскритъ для Аріевъ; со стороны крайней алчности, хищности и оригинальнаго «кочевья» Киргизы («черные») и Киргизъ-кайсаки; со стороны близости къ Туранской линіи и былой здѣсь борьбы, съ наслѣдствомъ то рѣзкихъ отличій отъ Иранъ, то общихъ съ нимъ чертъ и элементовъ, таковы преимущественно Турк-мены или Турко-маны всѣхъ развѣтвленій, отъ Каспія до крайняго Туркестана, съ причисленіемъ сюда и Уз-бековъ или Хусовъ (Ghus) **); и Караколпаковъ, и прочихъ подобныхъ, равно какъ явно смѣшанныхъ съ древнимъ иранизмомъ, въ родѣ Таранчей или болѣе осѣдлыхъ Сартовъ; разумѣется сюда же относятся и нѣкоторыя

---

*) Восточники съ начала у насъ даже не останавливались: и кто бы ихъ заманилъ въ лѣса, болота и холодъ, когда прадѣдовское ихъ наслѣдіе—Скиѳія—обнимало благодатный Югъ?

**) Имя, простертое нѣкогда, гораздо раньше, чѣмъ уцѣлѣло при Узбекахъ, на всѣхъ «кочевниковъ»: *Хус-иты* и *Куш-иты* о чемъ выше.

вѣтви Афганистана (этого убѣжища на пути древнѣйшаго общаго кочевья, съ осадкомъ отставшихъ); не касаемся уже подобныхъ остатковъ на нынѣшнемъ Кавказѣ или Туранскихъ элементахъ въ нынѣшней Персіи. Но то, что наиболѣе выдалось изъ всей этой массы на пути къ народности, тѣ на которыхъ невольно сбиваешься при обрисовкѣ типа и которыхъ, не говоря о злоупотребленіи, наука почти готова бы назвать «народами» или же назвать «почти народами», это *Турки* и *Татары*.

Турки и *Татары*—несомнѣнно двѣ самыя выдающіяся и важныя формаціи типа, разбираемаго въ нашей статьѣ, отъ чего и все племя по ихъ имени называютъ иные «Турецко-Татарскимъ»; во многомъ это формаціи общія, и однако въ частностяхъ крайне различныя, а главное самыя сложныя. Обѣ онѣ съ одинакимъ правомъ возводятъ себя къ общему началу Удовъ или Утовъ, обѣ восходятъ въ древности до Гупновъ и нѣсколько ниже Гунновъ спускаются по одинакой лѣстницѣ; обѣ на извѣстную пору именуютъ себя сестрами или братьями (по олицетворенію родоначальниковъ) и, только съ половины пути, начинаютъ рѣзко раздѣляться. Одно названіе, какъ напр. *Турокъ*, и даже соединеніе съ нимъ первобытныхъ стихійныхъ элементовъ рѣчи, племени, быта, какъ ни важно, не даетъ объясненія для всей послѣдующей исторіи. Сближаясь съ огульнымъ именемъ *турана*, но имѣя и свою линію словопроизводства, и значеній, исходитъ оно конечно изъ помянутаго *тура* и *тара* «первичной» эпохи Кавказской *, но проникаетъ и въ названіе самыхъ разнообразныхъ племенныхъ вѣтвей, какъ напр. *Турреновъ* или *Тирреновъ* вѣтви параллельной Финикіянамъ (послѣдующіе *E-trusci, He-truzci* или *He-tursci*), отсюда же *Тусковъ* въ Италіи, *Тосковъ* въ Албаніи, *Тосковъ* и *Тусковъ* между «дикими», *Ага-турсовъ* и *Туран-гетовъ* на Югозападѣ, противуположныхъ *Тусса-гетовъ* или *Турса-гетовъ* на Сѣверо-Востокѣ нынѣшней Россіи, *Тавро-скитовъ*, *Тавріевъ* изъ древнихъ Галловъ и Славянъ. *Тироль* или *Туроль* (Tyrol) и *Туринговъ* въ областяхъ нынѣ Нѣмецкихъ, нашихъ *Туровцевъ* или *Тиверцевъ* (съ ихъ колоніей—*Тверью*), наконецъ на *Туркомановъ* помянутыхъ *Тюрковъ* (какъ принято называть всю вѣтвь) и самихъ нынѣшнихъ *Турокъ* и

---

* Имя это возложено, кромѣ звѣрей и прирученныхъ животныхъ, на рѣки напр. *Турасъ* или *Тирасъ*—Днѣстръ *Tiberis* и т. п.; на горы—*Тиверъ*, *Таврида* и т. п.; на бытъ кочевой—*таборъ*, *товаръ*—шалашъ и предметъ торговли, tabernae tabernaculum; на божества—*туръ*, *торъ* и т. п., на героевъ—«буй-*туръ*, *Яръ-туръ* и т. п., на лица—*Артуръ*, *С-туръ*, *С-турро*, *С-тавръ* и т. п.

т. п. и т. д. Еслибы всѣ эти названія, не смотря на безспорную ихъ связь, отождествлять съ особыми племенами (забывая *общее* происхожденіе, переносимое слѣдами на всѣхъ), еслибы всѣ эти вѣтви племенныя связать, хотя связь ихъ до извѣстной степени и уловима, но потомъ перенести на *Турокъ*, сосредоточивши здѣсь какъ на преемникахъ, и прямыхъ наслѣдникахъ то Турки, имѣли бы генеалогію во всемъ мірѣ, а родство гораздо обширнѣе, чѣмъ достигли они похищеніемъ женщинъ въ свои гаремы. Между тѣмъ, не говоря уже о нѣкоторыхъ изъ указанныхъ архаическихъ племенъ сего рода, нынѣшніе Турки, изъ ближайшихъ, по времени и мѣсту, соименниковъ и родичей, имѣютъ слишкомъ много различія даже и отъ Туркменовъ, различія «историческаго», при всемъ главенствѣ единаго общаго типа. Даже послѣ параллельной линіи съ развитіемъ Татаръ и послѣ Гунновъ, Турки проходятъ еще *десятки* ступеней племеннаго смѣшенія, и въ средѣ Уйгуровъ, и Узбековъ, Текэ и Тукинъ, и собственныхъ Туркменовъ, потомъ Сельджуковъ, пока доходятъ до Османлы, а оттуда до современнаго состава; на этомъ пути воспитались они, между прочимъ, и элементами Арабовъ и разнородными стихіями позднѣйшаго. «Персидскаго» Ирана; завоеванія ихъ вышли далеко за предѣлы Азіи и распространялись уже изъ Европы по самымъ далекимъ краямъ, а мы знаемъ, что все это сопровождалось по типу «питаніемъ» племени; гаремы ихъ далеко превзошли прочихъ Азіатцевъ, опять примѣшивая отовсюду и всяческую женскую кровь; Европейцы и Славяне дали имъ пищу самую сочную, стóитъ напомнить однихъ Янычаръ, по преимуществу изъ Югославянскихъ дѣтяй (не *ени-чаракоеа*—по осмышленію слова, а Славянскаго имени—*войничаръ*); названія предметовъ, сколько ни будь выше кочеваго Азіатскаго быта, всѣ изъ Арійскихъ корней и на половину Югославянскихъ. Ни одно племя въ мірѣ столько не подмѣшано и не фильтрировано черезъ другія, ни одинъ народъ не сложенъ изъ столькихъ, самыхъ разнородныхъ стихій. Мы замѣтили уже выше, что *отчасти* пригоденъ и проходится такой пмть при созданіи «государства»: но подобная сложность «происхожденія», какъ у Турокъ, растащила бы его на столько же нитей, сколько вошло племенныхъ элементовъ. Подавно никакой народъ «подлинный» изъ подобной амальгамы не появлялся на свѣтъ и не возможенъ; мы видѣли уже экономію міроваго процесса въ этомъ отношеніи, допускающую доселѣ много, если народы «вторичные«, а всему остальному предоставляя лишь «группированья» вокругъ. Занимая изъ центра или пріобщаясь ему. Между тѣмъ Турки, по типу ихъ, не способны пріобщиться, какой-либо чуждой народности, а напротивъ

все затягиваютъ въ свою типическую формацію. Могутъ разобрать до конца ихъ фиктивное государство, сами,—если и примкнутъ къ какому, то черезъ него не сольются ни съ однимъ цѣльнымъ народомъ; единственная судьба ихъ—раздѣлиться по нѣсколькимъ государствамъ и при нѣсколькихъ народахъ вымирать по частямъ; это другой образной экстремъ «дикости», хотя и сопровождаемый одинакими результатами. Смѣшно же послѣ этого предполагать изъ нихъ переходъ свадьбы и ея обрядовъ», или чего либо «народнаго», къ кому бы то ни было, тѣмъ паче къ Славянамъ и Русскимъ: у Турокъ самихъ подобныя явленія представляютъ *смѣсь отовсюду*, по мимо уже Исламскихъ отличій—общихъ Исламу, не однимъ Туркамъ; каждое почти племя, каждый народъ, въ случаѣ заима отъ нихъ, встрѣтится непремѣнно съ чѣмъ либо «своимъ» во многихъ чертахъ, въ «общемъ» долженъ найти лишь «общее», отнюдь же не спеціальность Турецкую. Потому же самому и общее какое нибудь воздѣйствіе на племя и народный бытъ чей либо вести отъ *Турокъ*—значитъ вести одинаково и отъ Пранъ и отъ Арабовъ, и Монголовъ, и Татаръ, и Гунновъ, и т. д., называть все это *Тюркскимъ*—разумѣя *Турокъ*—противно исторіи, этнографіи, современности; разумѣть здѣсь *Туркменское*—значило бы отличать отъ Турокъ; понимать подъ названіемъ *общее* всему *типу*—значило бы примѣнять имя ложное, ибо оно «цѣлаго» типа—по всему ряду ступеней—не заключаетъ, и не избѣжно пришлось бы *исключить* отсюда самихъ Турокъ, ибо они имѣютъ нынѣ пропасть особенностей; видѣть здѣсь всё—лишь бы *не Татарское*, несправедливо, ибо Татары въ связи—и съ разнаго рода «Тюрками», и съ «Турками спеціальными»; отдѣлять здѣсь, въ результатѣ; одно лишь наличное *Татарское* и *Турецкое*, это заставило бы позабыть корни Чудскіе Монгольскіе, а тѣмъ болѣе мелкіе, входившіе въ составъ; соединять въ одной связи *Тюрко-Монгольское*,—то же опять, что игнорировать *другіе* элементы, входившіе въ составъ типа *сверхъ* Тюркизма или Монголизма, а главное значило бы устранить отсюда Татаръ ближайшее звѣно двойной группы; представлять здѣсь существо конкретное и единое, какъ опредѣленное, живое и наличное племя въ оригинальномъ составѣ,—опять нельзя, такого *нѣтъ*; напротивъ, Тюрки всякіе и нынѣшніе Турки *менѣе* другихъ вѣтвей имѣютъ въ себѣ *Монголизма*; и т. д., и т. д. наконецъ въ особенности нельзя этого примѣнять къ *Россіи Великой*, къ *старшей ея эпохѣ* и къ періоду развитія *народнаго быта*, когда единственно и *могло* быть воздѣйствіе и откуду неосторожно берутся примѣры по памятникамъ творчества, уцѣлѣвшимъ обрядамъ и описаніямъ, якобы рисующимъ Турко-Монгольство: если, мы видѣли, къ

намъ отнюдь не проникали «подлинные» Монголы, а черты ихъ, едва-едва достигая нашихъ странъ, фильтрировались черезъ *другія* группы племени, то *особое племя Тюрко-Монголовъ* вовсе *неизвѣстно наукѣ* и *невѣдомо въ нашей исторіи*; *Турки* же, развившись изъ какихъ-то отвлеченныхъ *Тюрковъ*, документально прошли путь своего развитія *въ Азіи*, минуя Европу, *Россію обогнули и въ нее не заходили*, начали воевать и сноситься съ Русью Великой *поздно*, когда уже не было мѣста ни малѣйшему вліянію на преобразованія народнаго быта, притомъ *издали, съ юга, черезъ другихъ и ради другихъ*, особенно же *Татаръ*. Такимъ образомъ, «Туранская» теорія и примѣненіе ея не выдерживаетъ на малѣйшей критики, а употребленный терминъ названія во главѣ ея не соотвѣтствуетъ ни какой реальности и дѣйствительности.

Татары восходятъ своимъ происхожденіемъ, чрезъ отдаленныхъ предковъ, къ помянутымъ Адамъ или Удамъ: когда послѣдніе вытѣснены были изъ Скиѳіи (нынѣшней Новороссіи и половины Россіи Южной), по Днѣстру, въ прилежащія громадныя горы съ пропастями и ущельями, горы получили имя *Татръ, Татры*. И это *старшее* ихъ имя: *Хрѣбты, Хрѣбаты*, т. е. «хребты», въ иностранной формѣ «Карпаты», явились съ симъ названіемъ позже, когда сюда, тѣснимые Волохами или Галлами, продвинулись предки Славянъ и во главѣ ихъ получили гегемонію предки Сербовъ, а у нихъ одна половина племени и имени, *Хрѣваты*, слилось съ именемъ занятой гористой мѣстности. Но и послѣ уже разселенія здѣсь Славянъ, между ними, мѣшаясь племенемъ, долго еще оставались слѣды вѣтвей — и прямо Татарскихъ, каковы *Черніи Клобуци* *) нашихъ лѣтописей, прямой переводъ, даже одинакимъ, общимъ у Арійцевъ и Удовъ, корнемъ слова—*Кара Капаки*, и слѣды вѣтвей, изстари родныхъ и параллельныхъ Татарамъ, каковы, упоминаемые рядомъ и въ лѣтописяхъ, *Торки*. И дѣйствительно, имя *Та-тар* корня общей рѣчи, соединявшей нѣкогда и Удовъ, и Арійцевъ: это есть ничто иное, какъ «редупликація» или удвоеніе корня *тр—*, являющагося въ извѣстныхъ уже намъ наименованіяхъ—*тигръ, туръ* и *тавръ* (*тигръ*— именованіе «звѣря», «стрѣлы» и знаменитой рѣки Общаго Племени въ Месопотаміи; въ формѣ *туръ*, съ Кавказской эпохи, перешло оно отъ дикаго звѣря уже на прирученнаго животнаго, между прочимъ козла, грѣч. *тр-аг-ос*, а далѣе на *тавра* — дикаго быка и наконецъ

---

*) Смѣсь предковъ нынѣшней Южной Руси съ послѣдвами Татаръ, смѣшавшаяся въ горахъ Татръ.

быка прирученнаго, съ послѣдующими волами, со старшею ѣздою на нихъ, воловьимъ возомъ и началомъ пашни волами же; о послѣдствіяхъ ср. выше). Это такое же удвоеніе, какъ въ Лат. *te-tig-i*, «натянулъ», и въ нашемъ *те-тива*, которою «натягиваютъ» лукъ: имя орудія соединялось со звѣремъ въ эпоху звѣроловства, а послѣ перешло на звѣря прирученнаго—домашняго животнаго. Примѣнительно къ жизни «племенной», страна, противъ воли покинутая и бывшая «раемъ», по уходѣ изъ нея представлялась низшею, *подъ землею* («земля», какъ живое Земство, шла съ ушедшими, они и занимали ее налично: въ прежней же странѣ ихъ поселенія оставались кости— и души — ихъ предковъ, кладбище); вытѣснившіе враги представлялись «не людьми», а *чудовищами;* если удавалось вытѣснять и ихъ въ свою очередь, тогда они вольны были въ «своихъ» представленіяхъ, а взявшіе ихнюю землю представляли ее себѣ *верхнею* и *лучшею*, страну же ушедшихъ *«преисподнею со злыми демонами»*. Такъ создалось извѣстно представленіе и имя *Ада*, которое совпадаетъ совершенно съ племенемъ Адовъ и *Удовъ*, боровшихся съ Арійцами, нерѣдко вытѣснявшихъ, но наконецъ и самихъ вытѣсненныхъ (*А-идъ*, какъ мѣсто невидимое» съ существами «невидимыми», совпадая совершенно значеніемъ съ вышесказаннымъ, «осмысленъ» уже позднѣе у Грековъ и привязанъ къ «новому» словопроизводству въ языкѣ «послѣдующемъ»; между прочимъ, какъ нынѣ доказано наукою, исторія Ад-ама «воспроизведена» Еврейскими сказаніями именно изъ эпохи племени Адовъ, сравнительно-поздно, около 2000 лѣтъ до Р. Хр.). Отсюда же крайне давнее имя, уцѣлѣвшее у Латинъ—*tar-tarus* (опять въ «редупликаціи»), греч. *та́р-тар-ос* и *та́р-тар-а*, Славянское *тар-тар* наше *тар-тар-ары́* (въ господствующемъ выраженіи—«въ тартары́, въ преисподнюю»), опять Латинск. *te-ter*—гадкій, чудовищный, черный, и т. д. На извѣстной намъ древнѣйшей «линіи» борьбы, глядя со стороны Прана, задняя часть Турана, то-есть на Сѣверъ. Сѣверо-Востокъ и въ глубь нынѣшней Сибири, получила то же самое имя *Та-таръ* или *Тар-таръ* (какъ помянуто, глубь Восточниковъ, вплоть до Китая, носила имя *Тартаріи* и такъ называлась у путешественниковъ, у ученыхъ, до конца прошлаго вѣка. Ущелья и пропасти *Татръ* удержали тоже имя и значеніе, особенно по Латинскимъ памятникамъ, для Византіи и Славянъ; Византійцамъ это былъ тотъ же «тартарос», выпускавшій изъ себя періодически массы нашествія, толпы завоевателей). Имя это, *общаго*, какъ сказали мы, корня рѣчи, совпадавшее и съ именемъ Адовъ, удержано и самимъ племенемъ, впослѣдствіи съ бытовымъ уже значеніемъ—«ѣздокъ, на-

ѣздникъ, вѣстникъ (ср. выше о значеніи «конеи»). Уже прежде и старше отрожденія вѣтви Турокъ въ Азіи, родословная знаетъ тамъ олицетворенныхъ родоначальниковъ *Татара* и *Монгола*, двухъ братьевъ близнецовъ (по Асленджѣ-ханѣ). Въ дальнѣйшеи исторіи, отчасти уже нами очерченной при главномъ типѣ, Татарскіе предки, кромѣ смѣшенія съ Монголами и общеи нѣкогда судьбѣ, или жизни съ предками Турокъ, имѣли одинаковое отношеніе и къ «Сѣверной именно Азіатской Чудп, и къ Киргизамъ, и, разумѣется къ Турко-манамъ или Турк-менамъ разныхъ видовъ. Чѣмъ старше, тѣмъ они меньше дѣлились; Турк-манъ же, имя, въ первой половинѣ достаточно уже намъ извѣстное по своему отношенію къ Турану и предкамъ Турокъ; во второй—имѣетъ корень такой же, общей нѣкогда, рѣчи: это знаменитый *Ману*, полубогъ и первобытный человѣкъ въ божественномъ образѣ, откуда послѣ у Аріевъ обыкновенныи человѣкъ—*Мануджа*»,—рожденныи отъ Ману, наше *мужъ* съ носовымъ звукамъ, *Mann*, и т. д.; примѣнительно къ вѣтви племенъ это значитъ «рука» или, что то же древле, «вѣтвь», *man-os*: имя *Манджу*—Манджуровъ—оттуда же, и вѣроятно того же происхожденія имя *Мадьяръ* или *Маджаръ*. Къ намъ Татары явились, группоюуже особенною» и вѣтвію «отдѣлившеюся», довольно поздно для своеи исторіи, но впервые для Европы и исторіи послѣдующеи: именно *съ Юга*, побѣдивши Кавказскія полчища и сквозь землю Половецкую. Сообразно этому, въ первыя времена нашествій, лѣтопись наша употребляетъ еще кое-гдѣ именованіе *Таур-мени*, мѣтко связывая тѣмъ выходцевъ съ основными ихъ корнями, съ Тавромъ и значительно Пранизованнымъ Тураномъ; да и нѣсколько позже, въ представителяхъ и лицахъ Золотой Орды, документально поднимавшихся иногда съ низовья Волги, мы *по именамъ* усматриваемъ близкое родство съ Турк-менами, а потому находимъ и особенность племенной крови весьма для насъ важную, именно—устранявшую перевѣсъ Монголизма. Вообще чѣмъ далѣе на Западъ отъ глубины типа, а по мѣсту отъ Китая и собственной Монголіи, тѣмъ мы открываемъ въ группахъ *менѣе Монголизма*, но, обратно, чѣмъ глубже туда, къ ступени Тунгусовъ и Манджуровъ, тѣмъ *монголизмъ сильнѣе*, въ «Восточной «половинѣ азіатскаго мѣстопребыванія. Согласно тому же, и старшая наша лѣтопись вовсе не выводитъ на сцену *Монголовъ*: это, съ самымъ именемъ, выводъ историческихъ «соображеній», болѣе позднііі. Какъ бы то ни было, но относительная чистокровность» Золотой Орды, по предыдущему нашему разсмотрѣнію, тѣмъ для насъ опаснѣе, а опасность устранилась, прежде всего и нагляднѣе, осадкою выходцевъ на «опре-

дѣленное мѣсто», существеннѣе же—опасность сокрушена послѣдующими судьбами и *особенно новой «помѣсью»*, новымъ смѣшеніемъ племени. Еслибы эта помѣсь, свойственно «типу», насъ занимающему, совершалась съ кѣмъ попало и отовсюду, какъ это впослѣдствіи у Турокъ, намъ было бы все равно и не легче отъ вырабатывавшагося отсюда главнаго типа: но относительно *Татаръ* намъ важно было именно, съ *кѣмъ* они мѣшались, и эта *спеціальная* примѣсь условила собою особый характеръ нашествія, переселенія, водворенія. Уже наиболѣе «глубокія» и вдавшіяся въ монголизмъ вѣтви типа замѣтно смѣшаны были съ вѣтвями Чуди такъ называемой «Гиперборейской», нынѣ очутившейся на самомъ крайнемъ Сѣверо-Востокѣ Азіи и на островахъ, такими, какъ Юкагиры, Чукчи, Коряки, Алеуты и т. п. ближайшіе къ намъ, т. е. къ Западу и срединные въ Сибири, такъ называемыя «Сибирскіе» *Татары*, обособившіеся сильнѣе и уже съ симъ опредѣленнымъ именемъ во всѣхъ отдѣлахъ своихъ представляютъ значительное вліяніе или, лучше, поглощеніе Чуди, «Сѣверной», но все еще Азіатской (Остяковъ, Самоѣдовъ и т. п.). Это ступень, съ которой видимо началось отдѣленіе и обособленіе предковъ «Турецкихъ», на болѣе самостоятельную дорогу, въ отличіе отъ Татаръ. Вотъ все, что предки Турокъ унесли въ себѣ изъ *Чуди* и слѣдомъ чего осталось родство ихъ съ Уграми или Мадьярами, раздувается нынѣ тенденціонно съ политическими цѣлями. Съ этой же грани начинается и преимущественное обособленіе Татаръ, въ жизни племени» обыкновенно условленное измѣненіемъ «состава» и сопутственною перемѣною «страны.» Дѣло въ томъ, что, подобно преемникамъ Удовъ, да и всѣхъ крупныхъ племенъ и народовъ (какъ скоро по чему либо наступаетъ эпоха измѣненія поселеній и для того, если понадобятся эпоха завоеваній), предки Русскихъ, подвигаясь съ Юга, врѣзались также *острымъ угломъ* въ середину «Сѣверной Чуди разрѣзая ее по поламъ и отодвигая, отъ вершины угла на Сѣверѣ, къ Западу и Востоку; на Западѣ сжали такимъ образомъ Финновъ во взаимной борьбѣ ихъ съ Лапами, на Востокѣ тѣснили другихъ. Такъ Самоядь, несомнѣнно прежде входившая Западными отростками въ страны нынѣшней Литвы, отъ чего названія края и народа «Самогитія», «Жмуть» (совпадавшіе съ Чудскимъ основнымъ «Suoma»), постепенно отодвигалось все Сѣверо-Восточнѣе и Восточнѣе, до нынѣшнихъ мѣстъ уже въ Азіи; Остяки, по основѣ сродные древле съ Эстами, потерпѣли ту же участь; направленіе это удерживается или, что тоже, движеніе въ этомъ направленіи повторяется неизмѣнно, даже доселѣ, для «всѣхъ» Чудскихъ вѣтвей, расположенныхъ отъ

Русскаго угла въ право или къ Востоку. Онѣ переходятъ безпрерывно къ хребету, на Уралъ, за хребетъ и за Уралъ. Это движеніе, какъ видите, *обратное Татарскому*, двигавшемуся на Западъ и отчасти съ Юга. При столкновеніи же обоихъ движеній или при встрѣчѣ направленій, Чудь неизмѣнно *Татаризуется* а *Татары* (и они сильнѣе) забираютъ въ себя *Чудскіе Элементы* питая ими типъ свой, но вмѣстѣ непремѣнно, особенно въ пору древнѣйшую и до Ислама, видоизмѣняясь Чудскимъ приливомъ, а съ Исламомъ исламируя такой составъ до конечныхъ результатовъ. Если «Сѣверная Чудь уже въ Азіатскихъ отдѣлахъ своихъ вліяла сильно на племя Татаръ, какъ замѣтили мы выше, тѣмъ сильнѣе должна была вліять Чудь, подвигаемая постепенно изъ Европы, разнося съ собою между прочимъ вліяніе и «Русское». Таковы были, напримѣръ Вотяки и Вогулы, повидимому развѣтвленіе одного корня и разорванная часть Чуди Западной, сберегавшейся въ меньшихъ остаткахъ, «Води». Между тѣмъ, уже наслѣдство, полученное Батыемъ, принадлежало Сибири Западной, нашей окраинѣ ближайшей: здѣсь, и по мѣрѣ углубленія на западъ, встрѣчались Татарамъ племенные элементы все болѣе и болѣе Чудскіе (которые всегда и занимали наши окраины, каймою при переселеніяхъ), все болѣе и болѣе податливые, доступные, мягкіе, но и болѣе развитые, ближайшіе къ организаціи «народной», проникнутые стихіями Русскими отъ соприкосновенія, хотя бы въ борьбѣ, отъ сожительства и соучастія въ общихъ дѣлахъ. Самое появленіе Батыя не было ни прежнимъ, ни обыкновеннымъ погромомъ для грабежа, а *завоеваніемъ* и, главное, пріобрѣтеніемъ *мѣста*, для *поселенія*, и отъ того-то оно закончилось прочною осадкой Золотой Орды: за наѣздниками его и воинами тянулись кибитки съ женщинами, стада и все хозяйство; а въ исторіи «племенъ» это значитъ, почти безъ исключенія, что въ «составѣ» племени произошло и продолжается видоизмѣненіе, что другія вѣтви или центръ типа «выпираютъ» изъ своей области и среды вѣтвь, утрачивающую съ ними однородность и сходство, отдѣляемая же вѣтвь чувствуетъ уже сама свою особность и идетъ къ обособленію, пріобѣтая и новое мѣсто. На семъ пути уже при переходѣ въ Европу встрѣчали Татары еще важнѣйшую вѣтвь—*Болгаръ*.

Если Вогулы и ихъ, при движеніи на Востокъ, аріергардъ—Вотяки несли въ себѣ черты еще старшихъ Удовъ (о движеніи сихъ послѣднихъ и къ Балтикѣ по одну сторону, и къ Уралу, хребту, Камѣ по другую мы уже замѣтили выше); Если Зыряне, повсему видно, подвигаясь нѣкогда съ Юга, порядочно были иранизованы древними Сарматами, а потому крѣпче устаивали отъ сосѣднихъ

племенныхъ вліяній: то *болгаре* представляли элементъ самый пригодный Татарамъ. Издревле послѣ напора еще Волоховъ—Галловъ, причинившаго и разселеніе Славянъ съ Юга, Болгаре вмѣщали въ себѣ «смѣсь» разнородныхъ вѣтвей: тутъ была и доля Славянства, отбитая при общемъ переселеніи на Донъ и къ Волгѣ; тутъ была и часть замѣшанныхъ сильно измѣненныхъ Волоховъ (то и другое впослѣдствіи способствовало одной изъ вѣтвей болгарскихъ прорѣзать Валахію, перейти Дунай и поднять тамошнихъ Славянъ, укрѣпивши стародавнее имя Болгаръ); сюда же привходили и отпрыски Гунновъ съ Аварами, по видимому примировавшихъ своею энергіею; а наконецъ, тутъ было и большинство массы *Чудской*. Смѣшанное, торговое по элементу Чудскому, предпріимчивое по Гуннскому и Аварскому, доступное всѣмъ по разнородности состава, племя это издревле, и долго потомъ служило звѣномъ и посредствомъ между Югомъ, Востокомъ и Сѣверомъ, въ томъ же числѣ и съ Великой Россіей, съ которой сходилось во многихъ пунктахъ; Волга, съ именемъ которой оно и связывало себя (хотя общее происхожденіе именъ рѣки и племени старше), изстари въ низовьяхъ занимаема была попеременно также болгарами. Въ разбираемый періодъ, отдѣльною вѣтвію, болгаре утвердились на Камѣ: здѣсь-то, отъ нихъ или въ лицѣ ихъ, была первая встрѣча Татарамъ, искавшимъ переселенія, на почвѣ Европейской. Нечего повторять извѣстное всѣмъ, что Татары и завоевали, и съ распростертыми руками приняли такую новую, столь подходящую, вѣтвь, и внѣдрились въ нее, и вобрали въ себя. Это рѣшило и всю послѣдующую исторію, и судьбу разложившейся позднѣе Золотой Орды, пріуготовивши ей лучше и болѣе видное мѣсто и преемство. Именно, изъ поселеній на Волгѣ, у вѣтви болгаръ Волжскихъ давно уже облюбовано было мѣсто *Казани*: самое имя ея утвердившееся кажется, ранѣе водворенія Татаръ, въ средѣ поселившихся болгаръ, исходило изъ корня «общей» нѣкогда рѣчи (это «Котелъ», какъ «кошь», при которомъ состоялъ «Кошевой», переведенный на однородного «кашеваго» варившаго на весь станъ кашу: собственно же здѣсь корень продревній, означавшій «кочь» и «кочевье», а вмѣстѣ станъ «кочевой вѣтви», въ прямой связи съ помянутой выше *Хас-а* или *Хаз-а*, которая позднѣе перешла въ имя постояннаго «дома» *casa*, Славянск. *хыжа, хижина*). Но вмѣстѣ имя Казани, будучи извѣстнымъ словомъ типа Татарскаго свидѣтельствуетъ, что между болгарами присутствовали именно, однородные Татарамъ элементы Гуннскіе, Хозарскіе, Половецкіе и т. п. По протяженію разселенія отъ Нижняго Новгорода, также точно на Казань давно уже простиралось вліяніе и Великорус-

ское: мы ставили туда даже мѣстныхъ головъ или владыкъ (съ именами, опять болгарскими, но близкими и къ Татарскимъ). Распавшаяся Золотая Орда ожила въ Казанской, а послѣдняя подняла къ жизни и помѣщенную еще ниже Астрахань, древній Атель или Этель (старшее становище еще Адовъ или Атовъ; съ ихъ преемниками). Казанское ханство (и все Поволжское Казанское царство по происхожденію своему и развитію, есть на половину созданіе *Болгарское*, а въ немъ торжество племени *Чудскаго*, по большинству и численности этого элемента въ составѣ, наконецъ, на значительную долю, продуктъ и Русскаго воздѣйствія, въ близости къ политическимъ формамъ Россіи.

Но и здѣсь не остановилось дѣло въ томъ же направленіи. Если Татары при завоеваніяхъ и разселеніи шли у насъ обыкновеннѣе *тьмы* областями, гдѣ присутствовала *Чудь* какихъ либо вѣтвей, чуя Татарскимъ чутьемъ, гдѣ и что родньѣе, доступнѣе (фактъ большой важности, не замѣчаемый нашими историками по ихъ невниманію къ Этнографіи и Этнологіи), то и движеніе на встрѣчу также продолжалось, «подгоняемое» со стороны самихъ Русскихъ: дошло до роли и Чуди «Южной» (ср. выше). Имѣя отдаленными предками своими Финиковъ или Финикіянъ съ Пунами и Торренами (самое имя *Фонн* или *Фоен*, *Пун* или *Пен* и *Пён*, однородно и съ нынѣшними «Фуніями» въ Африкѣ, и съ «Фѣммами» или Финнами), оттуда еще занявши свой талантъ торговли и промышленности, раздѣлявши долго и судьбу съ нашими предками во всемъ движеніи по Югу, «Южная» Чудь шла вмѣстѣ и въ разселеніи къ Сѣверу, и къ Сѣверо-Востоку. И также точно, говорили мы выше, по естественной роли Русскаго народа, первенствующей въ центрѣ, эта Чудь располагалась по «окраинамъ», и сама собою, и оттѣсняемая туда, то уединяясь отъ насъ, то способствуя нашему отпору на врага, то принимая на себя первые его удары, подчиняясь ему или воздѣйствуя на него (доселѣ еще, увы, нѣтъ у насъ исторіи этихъ любопытныхъ окраинъ). Окраины эти замѣтны сильно и по нынѣ, и то же движеніе еще продолжается, подступая къ Волгѣ, переходя ее и Каму, къ Уразу и за него, за хребетъ, въ Азію. Извѣстна въ семъ смыслѣ роль Мордвы, Черемисъ и т. п. Если Татары успѣли уже простереть свое вліяніе на Башкиръ (при сравнительной отдаленности корня сихъ послѣднихъ, ибо они замѣтно ведутъ свою линію отъ Бхазовъ или нынѣшнихъ Абхазовъ и Басковъ, искавшихъ въ Біарміи спасенія нѣсколькимъ отбитымъ вѣтвямъ); если Татары уже передѣлали Мещеру, путь которыхъ изъ нашей среды, съ Запада на Востокъ, можно

вычислить по шагамъ, начиная съ Мещовска (древняго Мещерска) до Рязанской области и далѣе; то подавно они насѣли на ближайшихъ и окружныхъ. Возникли даже такія формаціи, гдѣ хорошенько не знаемъ, (подобно выше означеннымъ Тунгусамъ и Манджурамъ въ ихъ соотношеніи), гдѣ кончается Чудь или начинается Татаризмъ, и обратно; наприм. въ Черемисахъ предѣлъ Чуди татаризованной, а въ Чувашахъ-Татаризму Очудированному. Между тѣмъ это элементы племенные, уже *ближайшіе* къ намъ, по крови и по давней совмѣстной исторіи, по судьбамъ и явленіямъ общаго развитія, по взаимному обмѣну формъ быта, по участію даже въ устройствѣ первобытнаго государства. Во сколько же они своимъ участіемъ должны были *измѣнить* и *передѣлать* Татаръ? Ясно, и тѣмъ болѣе, что Татары уже прежде шли по этому же пути, обязанные ему значительнѣйшими обособленіемъ, а наклонность пути все усиливалась, воздѣйствія росли во всѣхъ отношеніяхъ, обмѣнъ плоти и крови, быта и обычаевъ расширялся, тѣмъ конечно быстрѣе, что до Ислама совершались тутъ «взаимные» браки, а съ Ислама не мѣшало имъ ничто, такъ какъ эта Чудь одинаково исламилась. И такъ, если Татары уже въ Азіи вели начало своего обособленія *благодаря Чуди*, въ нихъ проникавшей или татаризованной; если у насъ уже, въ Европѣ, съ самаго начала, на половину успѣха и значенія зависѣли они отъ Болгаръ: то въ результатѣ вообще «*наши Татары* суть племя, видоизмѣнившее основной типъ вслѣдствіе *ближайшихъ* своихъ отношеній къ *Чуди*; это есть *новая* и совершенно *обособленная отъ Азіатской* формація, насквозь проникнутая и пропитанная *свойствами и отличіями Чудскими*». Это сколько Уды по корню, столько же Чудь по плоду. Отсюда же ихъ глубокое отличіе отъ Киргизовъ, отъ Туркменовъ, отъ Турокъ (не говоря уже объ Азіатскомъ типѣ и Монголахъ): съ самого начала избѣгая подобныхъ названій и лишь при первомъ шагѣ нашествія отмѣтивъ Туркменовъ въ составѣ, лѣтопись наша утвердила и распространила, а за нею вся Русь приняла, творчество сохранило въ постоянномъ употребленіи начиная съ эпоса, бытъ усвоилъ имя *Татаръ не кого либо другаго.*

Съ этимъ связаны и прочія отличія *этого* Татарскаго племени, къ намъ же перенесенныя или у насъ на глазахъ создавшіяся: отвращеніе отъ *завоеваній далекихъ*, такъ что и «первые» Татары проникли въ Европу лишь до Моравіи, а разбитые отказались отъ попытокъ, унаслѣдованныхъ и развитыхъ Турками; прекращеніе *кочевья* и обращеніе къ *осѣдлости*, даже къ *земледѣлію*; по памяти еще Финикійской, а больше по крови Чудской, любовь къ *торговлѣ* и умѣнье

въ ней, сопровождаемое замѣчательною *честностію*; (выдающимся свойствомъ Чуди), *воздержность*, вовсе не нарушаемая такъ, какъ Турками; *скромность гарема*, сообразная съ отсутствіемъ или покрайности съ меньшимъ количествомъ завоеваній и укрѣпляющая чистоту племенной крови, а намъ въ самомъ Исламѣ, весьма выгодная тѣмъ, что намъ не даетъ она женщинъ и съ ними никакого вліянія, тогда какъ на оборотъ открыла разнымъ вліяніямъ нашимъ; далѣе, *промышленность*, *разсчетливость*, *бережливость*; довольно значительная *государственность*, не расторгающая союза, а напротивъ ищущая всегда черезъ посредство государства сближаться съ нашимъ народомъ въ одно тѣло, признавая его премирующее значеніе; наконецъ, въ личныхъ качествахъ, извѣстная *уживчивость*, *терпѣливость*, *услужливость*, сила *работящая* (замѣчательно: даже отъ *коня* многіе изъ нихъ отреклись и сдѣлались *пѣшими*, странствующими торговцами); а относительно искусствъ—здѣсь выдается чувство *музыкальное*, нигдѣ рѣшительно не развитое у другихъ ихнихъ соплеменниковъ и гармонирующее лишь съ музыкальною натурою Чуди. Все это отличія и свойства, вовсе не извѣстныя «типу» и прочимъ его представителямъ, или далеко тамъ не развитыя, или въ цѣломъ своемъ и въ соединеніи не встрѣчаемыя. *На пути* къ такому результату, разумѣется, намъ уже легко было разгромить центры, по скольку еще были они враждебны, а еще легче и скорѣе сжиться, не теряя для себя и своего народа, воспитывая и пріобщая племя, распространяя на него блага государства.

Надѣемся, этимъ рѣшена и задача, поставленная нами,—уяснить значеніе «состава и чистокровности или смѣшенія племенаго, по отношенію къ народу и къ государству». Ясно также, что у насъ не было ни «Монгольскаго ига», ни «Тюрко-Монгольскаго воздѣйствія» вообще, а въ частности на семью, на бракъ, на свадьбу и прочіе существенные обряды: у насъ можно говорить только о *Татарахъ* и о томъ, на сколько они суть созданіе *нашей* исторіи, благодаря ея существу и ходу; вмѣсто Татарскаго «воздѣйствія» и «вреда» будемъ лучше высчитывать (чего опять не дѣлаютъ, къ сожалѣнію, историки и статистики) массу принесенной намъ Татарами силы и пользы, орудій цивилизаціи, участія, службы и служилыхъ людей, крестившихся лицъ, и между ними видныхъ дѣятелей, изъ всѣхъ классовъ отъ владѣтельныхъ князей до земледѣльцевъ и чернорабочихъ. А кто *не пишетъ только* о Татарахъ, но *видалъ* Татарскія жилища, бытъ, домашнюю жизнь, свадьбы, или кто видалъ, среди такой дѣйствительности, Чувашей татаризованную Мордву, и т. п., тому и въ умъ не

придетъ, что они могли *передѣлать* нашъ бытъ и завести то, чего нѣтъ у нихъ самихъ.

Но можетъ быть, намъ возразятъ, что дѣйствительно вопросъ «Татарскій» превратился со временемъ въ «Чудской», что послѣ разгрома Казани пришлось воевать съ Мордвою, Черемисью, Чувашами и т. д., что позднѣе извѣстны ихъ бунты по разнымъ окраинамъ и вынужденное усмиреніе, а все это доказываетъ силу типа Татаризующаго, вліяніе его въ противодѣйстіе намъ и податливость или, по крайности, слабость вашего народа, слѣдовательно и возможность вреднаго воздѣйствія инородцевъ на его бытъ? Отвѣчаемъ. Мы и сами не уничтожаемъ Татарскаго типа, и признаемъ еще много въ немъ силы архаической: процессъ племенной еще продолжается, не законченъ ни относительно Чуди, ни Татаръ. Но это борьба уже «внутренняя»; не внѣшнее нашествіе, не завоеваніе, не отпоръ или битва съ врагомъ на жизнь и смерть. Такого рода борьба бывала съ Чудью и раньше пришествія Татаръ, и всегда возможна, какъ несчастье внутренней распри или какъ недавнее движеніе на Евреевъ. Не идеализируемъ «всѣхъ» нашихъ государственныхъ мѣръ, не скрываемъ недостатковъ и въ нашемъ «народѣ», его—по мѣстамъ разслабленія, подрыва въ его силахъ, и *особенно все это* за *послѣднія двѣсти лѣтъ*; а въ частности относительно «народа», горько оплакиваемъ, между прочимъ, паденіе и мельчаніе его народнаго творчества, какъ симптомъ внутренняго распаденія нѣкоторыхъ органовъ. Но все это совершилось и совершается, когда *типъ* народа окончательно *сложился самъ въ себѣ* и достаточно ясно опредѣлилъ свой взглядъ *на отношенія къ государству*. Типъ можетъ подпадать ущербамъ, уёмамъ, лишеніямъ, сокращеніямъ, умаленіямъ: «силою можно все *взять*» (Сербы говорятъ—«сила отме и градове»), но «нельзя силою *дать*», нельзя уже пересоздать окончательно созданнаго типа, набавить ему неорганическіе наросты со стороны,—они будутъ лишь грязью, которую всегда смоетъ правда дѣйствительности и истина науки. Крайне жалѣемъ, что таланты Чудскаго племени во многихъ случаяхъ и мѣстахъ не идутъ прямо на благо ихъ самихъ и на пользу Россіи а идутъ другимъ инородцамъ, Татарамъ и только чрезъ посредство послѣднихъ, намъ уже возвращаются: но они идутъ же и на пользу Нѣмцамъ, и до того напримѣръ, что между «Русскими» учеными съ трудомъ встрѣтимъ понимающаго Чудскую словесность, народность и особенность, а литература на Нѣмецкомъ языкѣ полна уже всѣмъ этимъ и каждый новый каталогъ ея удивляетъ насъ богатствомъ въ сей области. Если не брать въ разсчетъ пользы всего

этого прямо на сторону Татаръ или забыть, что наши «балтійскіе» Нѣмцы подобнымъ же образомъ «переработаны» и Чудью и Латышами, а въ результатѣ оказываются на каждомъ шагу хорошими гражданами и съ поколѣніями русѣютъ; если жаловаться при этомъ всего больше на «посредственность», на то, что это идетъ *не прямо* народу главному, а черезъ посредство и окольными путями: то вспомнимъ, *кто* по принципу, выставленному у насъ въ началѣ, и по нашимъ выводамъ завѣдуетъ» такимъ посредствомъ народовъ и племенъ; здѣсь прямо вина нѣкоторыхъ мѣръ *государственныхъ*. Однако, при «типѣ» легко возможно и исправленіе, и прогрессъ, на который надѣемся. Развѣ *народъ* виноватъ, что не живетъ онъ на милліонахъ пустопорожнихъ земель Печорскаго, Оренбургскаго, Уральскаго и за-Уральскаго края, не развертывается тамъ со всею народною силою и не перевоспитываетъ ею инородцевъ? Развѣ отъ *народныхъ* силъ зависитъ тамъ *вредъ* инородцамъ, воплощаемый кабаками или подобными «винными» учрежденіями, поборами чиновниковъ, эксплоатаціей мѣстнаго труда? Наоборотъ, развѣ обнаруживается *сила* Татарскаго типа въ томъ, что и онъ самъ, а вмѣстѣ и разная Чудь подъ его вліяніемъ, постепенно *отодвигаются* отъ насъ далѣе и далѣе? Это не напоръ, не воздѣйствіе съ ихней стороны, а равно и не прогрессъ съ нашей. Если мы прозѣваемъ еще дальше, то и всѣ помянутыя массы могутъ постепенно уйти въ глубь Азіи, для соединенія съ типомъ оригинальнымъ, старшимъ и сроднымъ. Здѣсь-то и связь съ «вопросомъ о *переселеніяхъ*; но не будемъ же на этомъ пути извращать науку и опытъ взятыми съ вѣтра теоріями: лишь истинное пониманіе нашего *народа* и *его отношеній къ племенамъ инородцевъ* можетъ оказать дѣйствительную пользу для предстоящей практики въ этомъ родѣ.

IV.

На сколько недомысленно и фальшиво направленіе письменности, «ищущей» Тюрко-Монгольскаго воздѣйствія на основныя явленія *Великорусской народности*, видно въ значительной мѣрѣ изъ того, какъ забываетъ она о положеніи и исторіи *Руси Южной*, «преполагаемой» совершенно обезпеченною въ этомъ родѣ. Не менѣе легкомысленно и причисленіе къ сему блаженному состоянію *Славянъ Западныхъ*, соблазняющее теоретиковъ Туранизма. Въ противовѣсъ имъ, мы обязаны слегка, но съ точностію, коснуться того и другаго, тѣмъ больше что насъ, по дѣятельности нашей и профессіи, конечно не заподо-

зрятъ въ недостаткѣ сочувствія или должной оцѣнки достоинствъ ни относительно Южно-Руссовъ, ни какого либо Славянства.

Извѣстно для современной науки, что дрѣвніе Ады или Уды *не коснулись* центра нынѣшней Россіи. А между тѣмъ они *покрывали* нѣкогда *весь* нашъ *Югъ* отъ Татръ до Дона и отчасти до Птиля (устьевъ Волги; доселѣ остался ихъ памятный слѣдъ—рѣка *Уды*, впадающая въ Донецъ, съ замѣчательными урочищами на ней и въ ея ближности). *Татры* ихъ же, Удовъ, вмѣщали по изгнаніи, а принадлежали съ извѣстной поры не Великоруссамъ, но Славянамъ Западнымъ, Южнымъ и Руси Южной, какъ принадлежатъ и доселѣ. Ихъ же, Удовъ, отродившіяся позднія вѣтви—были помянутые *Торки* дѣйствовавшіе заодно съ Русью Южною, и *Черніи Клобуци*, въ Малоруссовъ превращавшіеся «Кара-Калпаки.» *Ят-в-яги (Ат-у-аги, Ят-у-аги*, властители изъ Атовъ)—послѣдній отпрыскъ Атовъ или Удовъ, безпокоившій Полянъ, оставшійся наслѣдіемъ—въ урочищахъ и пословицахъ—для Руси Холмской, Галицкой и Подольской, равно какъ для Восточныхъ Поляковъ.

Если въ *Скиѳіи*, наступившей и извѣстной въ слѣдъ за вытѣсненіемъ оттуда Удовъ (ср. выше), а частнѣе въ Скиѳахъ «Царственныхъ» (такъ называемыхъ), помѣщавшихся на Сѣверо-Востокѣ, сѣвернѣе Донца и Дона, и лишь «спускавшихся по этимъ рѣкамъ, значительно Прѳизованныхъ Мидскимъ вліяніемъ, въ особенности Аланами и Сарматами, наконецъ тянувшихъ къ «царю», которымъ въ то время, и долго признавался и назывался лишь «царь Иранскій», во главѣ Мидо-Персовъ (потому вѣроятно и послѣ избравшихъ себѣ «царя»), если въ нихъ, говоримъ, и и по этимъ и по многимъ другимъ признакамъ; нельзя узнавать послѣдующихъ Славянъ Великорусскихъ; если въ другой половинѣ Скиѳіи, Западной, Скиѳы «Земледѣльцы и Пахари» вмѣщали въ своихъ массахъ несомѣнно праотческіе зародыши и послѣдующихъ Славянъ Западныхъ, и Южной Руси: то Скиѳы самыхъ Южныхъ «степей» и «приморья», внѣ всякихъ уклоненій науки, оказываются родичами Удовъ, вторгнувшихся на Югъ Россіи, какъ въ свое давнее «наслѣдіе», съ Востока изъ-за Дона и Волги, во всемъ же образѣ своемъ представляютъ соединеніе типа Чуди «Сѣверной» съ воздѣйствіемъ «Удскаго» и съ нѣсколькими отличіями Монголизма (вспомнимъ: чѣмъ старше, тѣмъ послѣдняго элемента въ выходцахъ больше). А между тѣмъ эти закоренѣлые и грубые до фанатизма кочевники оставались на Югѣ и даже распространялись по нынѣшней Южной Россіи, послѣ переселенія оттуда Славянъ въ Татры по Днѣстру, въ Поля, въ верхъ по Днѣпру и наиболѣе

далекій Сѣверо-Востокъ; они дождались еще тамъ Гунновъ и спорадически показывались еще позже. По освобожденіи же тамошнихъ пространствъ отъ нѣсколькихъ «находниковъ» въ промежутки между ихъ нашествіями опустилась туда въ Скиѳскія мѣстности на Югъ, не иная, а *раньше всѣхъ Южная Русь*, и тамъ же доселѣ остается. Отнюдь не говоримъ, что она была *однородна* съ помянутыми, старшими *Скиѳами Степными*. Но, при наслѣдствѣ земли другъ у друга, конечно имѣли мѣсто и нѣкоторые пункты давняго *сближенія*. Въ уцѣлѣвшихъ изображеніяхъ Скиѳовъ *исподнее платье* «совершенно такое же», какъ носятъ Малороссы доселѣ, вовсе и никогда не извѣстное ни Великой, ни Бѣлой Руси; замѣтенъ *прямой, разрѣзной* воротъ, а не косой, не косоворотка (рѣзкій этнографическій признакъ); надѣтъ *башлыкъ* или *капюшъ*, наушникъ, нужный лишь въ горахъ и степяхъ по преимуществу, носимый Малороссами—и множествомъ даже простыхъ крестьянъ—доселѣ, Великороссамъ же знакомый только съ новѣйшей эпохи Кавказа (наушникъ или «треухъ» Великорусскій совсѣмъ другой формы и сошелся съ Киргизскою, Башкирскою, притомъ опъ «мѣховой» или «теплый», не «холодный»); между нѣсколькими схожими еще обычаями выдается описанное у Скиѳовъ отвращеніе отъ мытья тѣла и *бани* («ванна» женщинъ другое дѣло—это отличіе «Востока» и гарема), отвращеніе, котораго придерживаются Малороссы доселѣ, не моясь по долгу, иные по нѣскольку мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ баня, и частая, по крайности недѣльная, царствовала въ въ «поляхъ», удостовѣрена лѣтописцами и составляетъ для Великорусса conditio sine qua non *).

За симъ Гунны опять *миновали* мѣстность Великой Руси и захвативши развѣ только единицы (и то предположеніе) въ низовьяхъ Волги (куда въ ту пору Великая Русь и не проникала), простерлись по всему Югу во всѣхъ краяхъ, гдѣ нынѣ Малороссы всѣхъ видовъ, проникли въ *Татры*, влекли за собою *Западныхъ* Славянъ и *Южныхъ* (отсюда только и могли быть между ними, столь замѣтные, Славянскіе элементы), имѣли становище въ Славянскихъ равнинахъ послѣдующей Венгріи, гдѣ опять и оставили свои останки.—*Авары—Обры* шли тѣмъ же путемъ, «прищучивали» имѣнно Славянъ *Южныхъ* и *Западныхъ*, Дулѣбовъ, по Бугу Западному, въ склонахъ Татръ или *Карпатовъ*, и задали послѣ работу Сербо-Хорватамъ.

---

*) Сюда же относятся у Малороссовъ обычай (въ простомъ народѣ): не умываться, а лишь обтираться мокрымъ полотенцемъ; не употреблять носовыхъ платковъ и по долгу не сморкаться, и т. п.

Хозары, несмотря на ихъ іудейство, и по племени, и по быту, и по пути кочевья, примыкали къ разбираемому нами типу Восточниковъ», въ формаціи, подобной тѣмъ, какія доселѣ сохранились въ Афганистанѣ, и даже съ Монголизмомъ (*Hazarah* между Гератомъ и Кабуломъ, *Кафири-станъ* въ Гондукушѣ и т. под.). Ихъ становище распространялось по всей послѣдующей Слободской Украйнѣ, гдѣ и оставило много урочищъ, а главный станъ у нихъ былъ, въ головѣ, *Бѣла Вежа (Вѣжа*; шатеръ палатка: здѣсь «главный» шатеръ, «бѣлый»— ханскій), на рубежѣ, гдѣ именно кончаются элементы Великорусскіе и начинаются Малорусскіе, при крутомъ переломѣ мѣстности и почвы; Бѣла-Вежа разгромлена Святославомъ и возсоздана Русскимъ городомъ—Бѣлгородомъ, донынѣ существующимъ; имя же ихъ, отъ *хаса* и *хаза*, *casa* (ср. выше), чрезъ кочевье и кочевое племя, вошло одинаково и въ формы *Хозаръ, Козаринъ, Хусаръ, Хусаринъ*, далѣе *Кациръ* (отщепенецъ, сектантъ), *Кафиръ* (то же), у Латинъ «осмысленное» *cursor*, и т. д., а вмѣстѣ и въ названіе *козакъ* (путь образованія вездѣ конечно *свой*, но совпадавшій по корню и значенію).

Асы или *Ясы*, нѣкогда Арійцы въ формаціи Иранской, передовые Мидянъ, имѣвшіе въ свою пору вліяніе на Русь Сѣверо-Восточную, спускались *въ Южную* уже съ Кавказа, захваченнаго на половину *Восточниками*, потому были сами значительно проникнуты элементами типа, нами разбираемаго, а позднѣе туркизованы и татаризованы подобно какъ нынѣшніе остатки Аваръ на Кавказѣ и Осетины (потомки Асовъ и Ясовъ, носившіе нерѣдко ихъ имя), подпадшіе вліянію Восточному; *Кас-оги (Хас-аги*, властители и представители племени кочеваго)—подавно; однимъ словомъ; кромѣ побережья Каспія и низовьевъ Волги съ направленіемъ черезъ Донъ, Кавказъ болѣе тысячи лѣтъ постоянно снабжалъ *Южную Русь* наплывами племенныхъ вѣтвей Удированныхъ, Гуннированныхъ, Аварированныхъ, Туркированныхъ, Татаризованныхъ и т. д. —Замѣтимъ кстати, что *Черкасы*, имя, среди Малой Руси и на Украйнѣ чередовавшееся съ именемъ и видами «козачества», а послѣ перенесенное и на Донъ, самый *Южный*, есть извѣстное *Черкесы Circassi*, т. е. *Адыхи* Кавказа, послѣдки первобытныхъ Адовъ или Удовъ (ср. выше), въ формаціи вліяній Азіатскихъ.

О *Печенѣгахъ* и *Половцахъ*, по отношенію къ «Полямъ», а обширнѣе ко всей Южной Руси, Волыни, Подоліи, Галичу, послѣдующей Венгріи и «Венгерскимъ» Славянамъ, въ томъ числѣ Западнымъ, излишне и распространяться: ихъ остатки засѣли даже цѣлыми клочьями въ утесистыхъ странахъ Карпатскихъ и Половцы послужили тамъ

кадромъ полковъ; не подалеку отъ Харькова всѣмъ извѣстно урочище *Печенѣги*, возвышенный холмъ, господствующій надъ низшими холмами и всей мѣстностью окружающей, конечно станъ былаго «главнаго» хана или князя.

А затѣмъ уже *Татары*: старшая ихъ часть, со старшею долею и наибольшаго Монголизма, если только былъ онъ (ср. выше), побывала на Кавказѣ, вторглась *Югомъ*, прошла *Южную* Россію, не только разгромила «Поля», но, съ дополненіями прибывавшихъ, среди *Южной* же Руси стала крѣпкимъ становищемъ, въ *Татрахъ* вспомнила своихъ предковъ, утвердила навсегда имя и этихъ горъ, и свое съ ними связанное, проникла въ главный центръ тогдашнихъ *Западныхъ* Славянъ, до Моравіи. *Золотая Орда* съ низовьевъ Волги одинаково простирала свои хищническія руки и быстрыя ноги своихъ коней и въ Сѣверо-Восточную, и въ Южную Русь: но съ тѣмъ различіемъ, что съ первою боролась, владычествовала издали, впослѣдствіи покорена и понесла на себѣ обратное воздѣйствіе въ лицѣ Казанскихъ и Астраханскихъ преемниковъ, а во вторую являлась *представителями наличными и массами*, не только тамъ опустошала наѣздами, но на самомъ мѣстѣ *селилась, становилась* и *водворялась*; *Ногайскія* орды были одно время самыми сильными, были помощью для Руси Великой, когда послѣдняя уже совсѣмъ высвобождалась, противу собственныхъ же братій, а въ это же самое время держала *Югъ* въ рукахъ и рабствѣ; *Крымцы* то же,—это были *мѣстные* или по крайности *ближайшіе* владыки; на самыхъ даже Кораимовъ, Семитовъ и старожиловъ предварившихъ вторичное заселеніе Юга Малороссами, наложенъ былъ пришлый языкъ, поддались ихъ нѣкоторые обычаи и одежда. Если вторженія изъ за Урала, съ Камы, со средины Волги, *не всѣ* дошли *до Юга* (хотя Батый шелъ тѣмъ же путемъ), то для Юга уравновѣшивалась эта прибыль низовьями и устьемъ Волги съ Каспіемъ и его «воротами племенъ», этимъ обычнымъ путемъ Восточниковъ, направлявшихся ординарно отсюда на Донъ и въ Южную Россію; а *сугубо* еще увеличивалась инородная прибыль, какъ помянуто, движеніями *съ Кавказа*, слишкомъ далекими отъ прежней Великой Руси и до позднѣйшихъ временъ не достигавшимися. Всѣ «находники» этими послѣдними путями, выше обозначенные и болѣе еще дробные, *до Татаръ*, побывали въ *Турань*, на его *линіи* или *около* (не исключая и Скиѳовъ, проникшихъ по берегамъ Каспія и подгорьямъ Кавказа во владѣнія Персовъ), всѣ они болѣе или менѣе *Туранцы* такъ или иначе, свирѣпствовавшіе и на Кавказѣ, и проникавшіе въ Малую Азію; потому рѣчь о *Туранскомъ* вліяніи на племя, быть и

языкъ, если уже заводить ее примѣнительно къ Славянамъ, то всего ближе примѣняется къ *Южной* Руси: тутъ прадревній Туранъ соединялся обновлявшимся *безпрерывно*, тогда какъ въ Великую Русь проникло, мы выше замѣтили, развѣ только *кое-что* «Таурменское» или «Туркменское», лишь за первое время Золотой Орды. Все «Восточное» рисуемаго типа и времени, когда проникало къ *Западнымъ* Славянамъ и за Дунай къ Южнымъ, проникало *сквозь Южную Русь*, черезъ нее и благодаря ея посредству Татарскіе элементы поднялись въ *Русь Бѣлую* и спустились *въ Болгарію* за одно съ движеніемъ элементовъ *Южно-Русскихъ* или черезъ ихъ посредство; потому кстати прибавимъ, что простираемое вліяніе *Тюрко-Монгольское* на Бѣлоруссію и Болгарію (послѣ Великой Россіи) есть вмѣстѣ предположеніе, что эти края и страны надѣлила *Турко-Монголизмомъ* Русь *Южная*,—и вотъ до чего доводитъ разъ въ основѣ воззрѣнія допущенная кривь. Что не говорите, а слово *козакъ*, исходя изъ общаго нѣкогда всѣмъ періода *кочевья*, а потому общее всѣмъ старшимъ племенамъ и послѣдующимъ народамъ въ той или другой формѣ (помянутыя—*хас а, хаз а, cas-а, хус-ъ куш-, кош-, коч-* и т. д.), въ значеніи коч-евой «коч-евникъ», съ прекращеніемъ кочевья у Аріевъ и подлинныхъ народовъ, въ томъ числѣ Славянъ и Русскихъ постепенно забывалось или переходило къ другимъ употребленіямъ, въ иномъ смыслѣ, но, разумѣется оно, въ той или другой формѣ, удерживалось у тѣхъ, кто *продолжалъ* кочевье или на немъ остановился (ср. Хазарь, Хазаръ, Козаръ, Хусаръ и т. п.), а при появленіи ихъ предъ лицомъ народовъ сложившихся, при завлеченіи народовъ въ передѣлку съ ними, воскресало равно и въ памяти: а въ употребленіи народовъ всячески примѣнялось, словоупотребленіемъ же самихъ кочевниковъ поддерживалось и распространялось. «Поля» въ началѣ еще не знали этого имени (Козакъ), или знали въ другой формѣ, или забыли и устранили его изъ употребленія въ формѣ прежней; то же старшая Великая Россія; то же представляетъ собою и старшее былевое творчество въ основахъ и лучшихъ образцахъ; того же держалась и возникшая древле письменность; вездѣ здѣсь *буй-туръ* (ср. выше), *яръ-туръ* и далѣе формированное *боги-тырь* (у другихъ племенъ *богадуръ, богатеръ, батуръ* и т. п.), *дый* («dios греч., divus), *молодецъ*) у другихъ Славянъ *юнакъ*), *удалецъ*; даже при «заставахъ» (древле «богатырскихъ»), на линіи (въ родѣ помянутой Туранской), гдѣ встрѣчались лицомъ къ лицу со врагомъ и должны были «стоять», и тамъ является *краина-крайна, украина, крайнецъ* (оттуда извѣстная «краіна» у Хорутанъ Словенцевъ, Марки, Маргіи у народовъ и Славянъ запад-

ныхъ), *украинецъ*, *крайникъ* и т. д.,—и таково словоупотребленіе долго у Великой Руси, у всѣхъ Славянъ, у Сербо-Хорватовъ, Словенцевъ, да и у самой Руси Малой, прославленной своею старшею *Украйною*. Съ нашествіемъ же *кочевниковъ* появляется *козакъ* (процессомъ выше означеннымъ), и тамъ, «гдѣ кочевники ранѣе, гдѣ постоянные между населеніемъ и сильнѣе, именно у *Южной* Руси, тамъ это явленіе и названіе водворяется, оттуда и распространяется съ извѣстнымъ уже «спеціальнымъ» значеніемъ, въ спеціальной формаціи «козачества»; оно проникаетъ и въ былевое творчество, портя его подставкою «козака» вмѣсто «богатыря» и тутъ же вмѣшивая уже разныхъ «идолищъ», находниковъ и кочевниковъ, а позднѣе и Татаръ, хотя бы дѣло шло при Владимірѣ. Наконецъ, опять у Великой Россіи, по одолѣніи кочевниковъ, явленіе и названіе «козака» обращается на родъ «войска и здѣсь застываетъ; у прочихъ Славянъ, точно также, лишь при появленіи кочевниковъ, выступаютъ на сцену имена «Хайдукъ (ср. ниже)», *хусаринъ* (козаръ, козакъ) и снова останавливаются на *войскѣ*; народъ у насъ совсѣмъ и не употребляетъ именованія *козака* о комъ либо, кромѣ извѣстныхъ военныхъ: а *среди Малоруссовъ* народъ доселѣ охотно употребляетъ это имя и объ себѣ, и обо всякихъ удальцахъ, и вставляя въ пѣсни, даже въ новыя. Между тѣмъ, единственная ближайшая форма къ этому слову и по звукамъ, и происхожденію, и смыслу, есть именно *Татарская*—*кайсакъ* (Киргизъ кайсаки), по мѣстамъ даже прямо *казакъ*. Весьма сходно и *хайдукъ*, являющееся на Югѣ у Славянъ съ появленіемъ опять кочевниковъ; хотя здѣсь корень общій (наше *ход-*, *хож-*), но формація *хайд-гайд- айд* (*айда*)—«Восточная», Азіатская, возводимая тамъ къ знакомымъ для насъ Адамъ, и въ такой же точно формѣ, рядомъ съ *хайд-укомъ* и *гайд-укомъ*, утвердилось въ Малороссіи явленіе и названіе *гайда-макъ* (*мак* тоже восточное, съ Чудскимъ оттѣнкомъ). Гдѣ же распространились конники (ср. выше это отличіе кочевья и обрисованнаго нами типа), гдѣ посажены самые пѣхотинцы на *коня* и цѣлыя массы составили войско *кавалеріи*, какъ не въ *Южной* же Россіи, а оттуда и повсюду, въ отпоръ конникамъ-кочевникамъ, въ отличіе отъ пѣхоты древле-Славянской (ср. выше участіе вѣтвей Мидскихъ?

Наконецъ, *Турки* дѣйствовали сначала и довольно долго, на *Южную* Русь, на нее *непосредственно* и *ближайше*, за одно на Татарскія массы тамошнія, и, лишь позднѣе, чрезъ Южанъ и Татаръ, вошли въ отношенія къ Руси Великой. Что же касается до *Западныхъ* Славянъ, которыхъ теорія выгораживаетъ изъ вліянія Тюрко-Монгольскаго, токъ нимъ-то именно и заходили Тюрки, внутрь страны.

Если изъ всего ряда перечисленныхъ Восточниковъ мы выдѣлимъ *Татаръ*, то они на Югѣ Россіи и между Малороссами гораздо болѣе, какъ помянуто, имѣли отношеніе къ Кавказу, къ низовью Волги, къ Турану, а по мѣрѣ того, гораздо меньше *нашихъ*, то есть *къ намъ* ближе проникавшихъ и *у насъ* осѣдавшихъ, гораздо меньше имѣли въ себѣ *элементовъ Чудскихъ*, слѣдовательно, вмѣстѣ съ симъ, были суровѣе, напористѣе, вліятельнѣе и неподатливѣе на уступки. Въ близи Южно-Руссовъ и подъ ихъ бокомъ не было того смягчающаго посредства, которое имѣли Великоруссы въ Вотякахъ, Мещерѣ, Черемисахъ, Мордвѣ и т. п. «Чудированные» Татаре проникали на Югъ уже *отъ насъ*, а не къ намъ *съ Юга*. Если же возьмемъ мы весь рядъ означенный *до Татаръ*, то тамъ въ насильникахъ и властителяхъ Руси *Южной* совсѣмъ уже *не было* Чудскихъ элементовъ, или были они не сильны, не истекали изъ Чуди «Южной», а восходили къ одной лишь «Сѣверной» и Азіатской: за то, соразмѣрно сему, гораздо болѣе было элементовъ древле-Удскихъ, Туранскихъ, Монгольскихъ, какъ *болѣе ранніхъ*, чѣмъ смѣсь съ Чудью и чѣмъ формація «спеціально Татарская», всѣмъ одолженная Чуди и ею реформированная. Отъ того, если судить *по теоріи* и *умозаключенію* изъ сихъ фактовъ, въ *Южной* Руси должно быть, сравнительно съ Великою, значительно болѣе элементовъ *Монголизма*, *Туранизма* и *Удизма* *).

Но мы съ намѣреніемъ изъ дѣятелей, подвизавшихся среди Руси Южной и отчасти среди Западныхъ Славянъ, опускали доселѣ *Болгаръ* и *Мадьяръ*: и это потому, что въ нихъ наиболѣе стихій *Чудскихъ*. Если-бы Болгаре удержались въ Руси Южной, они конечно привили бы тамъ болѣе элемента Чудскаго; но они раздѣлились на двѣ вѣтви; одна, тѣснимая превосходствомъ «Удскаго» типа, въ частности Татарскаго, ушла въ Валахію и за Дунай; другая поднялась къ Сѣверо-Востоку на окраины Руси Великой, до Камы и даже за Каму,—въ силу притяженія къ однородному центру Чудскому,—фактъ знаменательный, доселѣ не оцѣненный достаточно историками. *Угры* же (Мадьяры), судя по всѣмъ даннымъ, очень рано раздѣлились также

---

*) *Уды*, кромѣ отношенія къ Аріямъ, имѣли близкое отношеніе въ отдаленной древности, среди жизни Общаго Племени, и къ Семитамъ: съ ними, по самому корню имени, связано названіе и лицо *Іуды* или *Юды*, олицетвореннаго родоначальника, и роль *Юдаизма* въ отличіи отъ «Гебраизма» и «Израилизма»: отсюда объясняются и впослѣдствіи племенныя формаціи Афганцевъ, Хазаръ, Караимовъ, и т. д., соединявшихъ долю *Іудейства* и *Удскаго* состава.

на двѣ племенныя вѣтви, которыя для краткости можно назвать *Черною* и *Бѣлою*. Первая возникла чисто на почвѣ Чуди «Сѣверной» и искони обитала въ Азіи самой глубокой, такъ что мелкая вѣтвь *Юкагировъ* по видимому есть ихъ отсадокъ въ задн послѣдовавшаго движенія: тамъ уже, изначала, набыли они Монголизма, постепенно и и по мѣрѣ движенія впередъ стершагося съ нихъ, а особенно много пріобрѣли элементовъ Удскихъ или—позже Гуннскихъ. По мѣрѣ движенія на Западъ, наполнялись они элементами Чудскими, на рубежѣ Азіи и Европы входили въ близкое родство съ «Сѣверо-Чудскими» Остяками и Вогулами, и, въ началѣ же нашей исторіи, извѣстны были на хребтѣ Уральскомъ, равно какъ по склонамъ его, *Югрою* *). Слѣдуя дальше, въ концѣ IX-го вѣка по Р. Хр., они прошли *насквозь* всю послѣдующую Россію Великою, съ Сѣверо-Востока на Юго-Западъ, отъ угла до угла поперегъ: они *нигдѣ не остановились здѣсь* на житье и *первое прочное становище* утвердили въ «Полѣхъ», подъ Кіевомъ, вступивши въ *Южную* Русь (и идоша Угри мимо Кіевъ горою, еже ея зоветь нынѣ Угорское, и сташа *вежами*»—станомъ шатровъ, «бѣша бо ходяще аки се Половци»,—кочуя кочевьемъ; Несторъ). Отличіе *кочевья*, съ развитымъ станомъ и шатромъ, привито къ самой Чуди вліяніемъ извѣстнаго намъ типа Удскаго или Гуннскаго и т. п. Между тѣмъ, другая вѣтвь, *Бѣлая*, отдѣлилась еще въ Азіи, спустилась по Восточной сторонѣ хребта, раздѣляющаго отъ Европы, явилась между Каспіемъ и Араломъ, побывала на линіи былаго Турана; по всѣмъ признакамъ извѣстна была тамъ древнимъ подъ именемъ *Масса-гетовъ*, насквозь пропиталась тамошнимъ *Туранизмомъ*, отчасти же, по причинамъ, намъ извѣстнымъ, «прапизовалась» (если старые Маджары имѣли отношеніе къ Манджурамъ, то здѣсь приблизились къ *Мадаямъ*—Мидянамъ, и оттуда же, вѣроятно, закрѣпилось

---

*) Отношеніе къ *горамъ* и *камню* выдается весьма въ исторіи племенъ древнихъ, тѣснимыхъ лучшими, по преимуществу Арійскими: оно скользнуло и по старшимъ Монголамъ (изъ эпохи ихъ движеній по плоскогорью, чрезъ горы, въ Тибетъ), но такъ сказать, повисло всею силою на Удскихъ огросткахъ, и на Кавказѣ и при Алтаѣ, и на Уралѣ, и въ Таграхъ. Обыкновеннѣйшее сказаніе, часто повторяемое есть то, что эти вѣтви бѣжали или «заложены» въ *горы*» «заравлены» въ *камень*», откуда ищутъ «высѣчься» и высѣкаются: между прочимъ это извѣстно о нашей *Печорѣ* или *Пещерѣ*, о нашихъ Киргизахъ *Каменныхъ* и совпадаетъ съ такъ называемыми «людьми *пещерными*»; естественное представленіе, что они, отчужденные и «остановившіеся» въ развитіи, *каменѣли*. Прививая сюда корень «своего» языка Арійцы и особенно Славяне сопоставляли имя Угровъ и Югры съ возвышеніемъ *горъ* и *угорьемъ*, какъ съ *угремъ* или *бугромъ*.

именованіе *Мадьяръ*; имена старшихъ князей ихъ одинаковы съ Пранскими и повторялись, не зависимо отъ Мадьяръ и до водворенія еще ихъ, у старшихъ Сербо-Хорватовъ). Отсюда они проникли въ Сѣверный Кавказъ, къ низовьямъ Волги, на путь къ Дону, подраздѣлившись снова на вѣтвь,современемъ исчезшую при Каспіѣ, другую же—водворившуюся во всей *Южной* Руси, въ станахъ, которые называли они *Атель-Кузу* или *Кусу* (ср. выше корни этихъ словъ,—«становище шатровъ и племени Атовъ», Адовъ). Явно, что тѣ и другіе, Черные и Бѣлые Угры—Мадьяры, смотрѣли на Южную Россію, подобно Гуннамъ и всѣмъ ихнимъ предшественникамъ, какъ на *свое исконное наслѣдство* послѣ Удовъ», подобно какъ восточнѣе видѣли тоже при устьяхъ Волги (Атель и Астрахань, ср. выше). *Туранизмъ* здѣсь преобладалъ; *Славянскаго*, какъ было въ Болгарахъ, нисколько; отголоски Чуди «*Сѣвернои*» доносились лишь изъ самаго дальняго происхожденія; а элементовъ древней Чуди «*Южнои*», наиболѣе талантливой и культивированной, также не замѣтно никакихъ: этимъ объясняется и немедленное вступленіе ихъ въ жаркую борьбу съ Болгарами, при перемѣнномъ счастіи, кончившуюся однако раздѣленіемъ сихъ послѣднихъ на двѣ вѣтви и удаленіемъ, къ Сѣверо-Востоку и къ Югу, въ Валахію и за Дунай, куда Мадьяры преслѣдовали ихъ по пятамъ и долго еще тамъ продолжали распрю, доходя до самаго Царь-града;—и все это изъ центра *Южнои* Руси или *черезъ нее*. Частнѣе, вѣтвь Бѣлая, проникшая въ Южную Русь и здѣсь водворившаяся, судя по всѣмъ даннымъ, гораздо ранѣе Черной (въ слѣдъ за Аварами и частію даже раньше ихъ), значительно истощила себя и въ борьбѣ съ Болгарами на мѣстѣ, и въ Валахіи, и за Дунаемъ; мы застаемъ ее и въ составѣ области Печенѣжской, и подъ Хазарами, и конечно тогда же общая власть сверху соединила Бѣлую вѣтвь съ Черною, пока тѣснимые опять Печенѣгами и прочими соплеменниками разнообразнаго вида, *общею* и болѣе *полною* массой двинунулись Угры въ другое, старѣйшее свое наслѣдіе послѣ Удовъ,—въ Татры или Карпаты, получившіе съ тѣхъ поръ у Славянъ имя «горъ *Угорскихъ*» или *Угорщины*, Венгріи. Тамъ они нашли уже себѣ новую пищу для кормленія своего типа и для завоеванія, и въ горахъ, и въ склонахъ, и въ долинахъ: именно такъ называемую «Русь Угорскую», отчасти и Галицкую, куда простиралось ихъ вліяніе, а пуще Славянъ *Западныхъ*, которыхъ окончательно подавили они своимъ господствомъ,—Словаковъ и Мораву, зачатки тамошняго государства, православія и самобытной литературы въ Поппоніи, сосѣднія вѣтви Поляковъ, ряды вытѣсненныхъ и отступавшихъ за Дунай Сербо-

№ Новгородсѣверской гимназіи

Хорватовъ, и т. д. («Устремишася чрезъ горы великія»—Карпаты—и почаша воевати на живущую ту Волхи и Словѣни, и наслѣдиша землю, и сѣдоша съ Словѣны, и покорившеся подъ ся, оттолѣ прозвася земля Угорьска»; Несторъ). Территорія и власть ихъ, *среди Южной Россіи*, перешли наслѣдіемъ къ Татарамъ, той формаціи, о которой мы говорили, гдѣ подобно и Мадьярамъ, было лишь отношеніе племенное слишкомъ далекое, къ Чуди «Сѣверной», всего менѣе присутствовало лучшихъ элементовъ Чуди «Южной», развѣ только проникали они черезъ Русь Великую и черезъ ея «спеціальныхъ», «Чудированныхъ» Татаръ, а наконецъ потому же, въ слѣдъ за предшествовавшими владыками на Югѣ, самый Татаризмъ былъ здѣсь грубѣе и дичѣе, носилъ въ себѣ непремѣнно болѣе Монголизма—не облагороженнаго развитіемъ Чудскимъ, отзывался сильно настойчивостью и гордою вѣрою въ себя, свойственною столь Туранцамъ поддерживался жестокостью Кавказа и его Черкесовъ, пребывалъ коче, вымъ и подвижнымъ, сохраняя устройство кочевья въ самыхъ станахъ, не переходилъ къ земледѣлію, не строилъ городовъ въ Арійскомъ или народномъ» видѣ, (а развѣ лишь пользовался древними ихъ стѣнами) устранялъ государственность, чуждался торговли и промышленности, нисколько не культивировался бытомъ и не воспринималъ, хотя по частямъ, христіанства. И все это *противуположно* Татаризму Руси Великой, и все подготовляло путь *Туркамъ*, которые безъ сомнѣнія и захватили бы Южную Русь, раздробленную, среди борьбы ея съ Ляхами и внутри съ Еврействомъ, если бы не встрѣчное движеніе съ Сѣвера—изъ среды уже вполнѣ объединенной и могучей, возобладавшей надъ всѣми своими кочевниками, — изъ Россіи Великой.

Итакъ, признавая въ сей послѣдней значительную родственность съ типомъ Чудскимъ, въ его лучшемъ и культивированномъ видѣ (не «Сѣверномъ»), равно какъ частное вліяніе на физическую натуру со стороны типа Татарскаго, совершенно мѣстнаго и спеціальнаго, воспитавшагося тою же Чудью и общеніемъ съ Русью, мы какъ замѣчено выше мимоходомъ, уже по самой *теоріи* и по *умозаключенію* должны бы видѣть гораздо болѣе значительные слѣды воздѣйствій отъ всякаго рода образованныхъ «Восточниковъ», отъ Удовъ до Татаръ, отъ Монголизма до Турана и дикаго Кавказа, а наконецъ до Турокъ, воздѣйствій именно на Россію *Южную* и *Малороссію*: не могла же она, при такой непрерывной серіи враговъ обладателей, изъ такой мѣстной школы, не вынести хотя бы *отпечатковъ*, и нѣкотораго *воспитанія*. А потому, сверхъ приведенныхъ уже и

сюда примыкающихъ чертъ въ Южно-Русскомъ и Малорусскомъ типѣ, мы позволимъ себѣ добавить и еще нѣкоторыя, хотя бы немногія выдающіяся изъ многихъ еще спорныхъ. Такъ, извѣстно всякому наглядному наблюденію, что типъ лица здѣсь, съ соотвѣтственнымъ складомъ всей головы, раздѣляется на *три* главныхъ вида. 1-й совершенно «горный» или «горцевскій»; крючковатый съ горбомъ или орлиный носъ; быстрый, сосредоточенный и проницательный взоръ; глаза каріе, густѣющіе до черныхъ; такіе же волосы—русые до черноты, иногда нѣсколько волнистые или съ завитками на вискахъ; висльіе усы; сообразная продолговатость лица и сухощавость; у нѣкоторыхъ длинота головы (такъ что, несомнѣнно, при болѣе внимательномъ изслѣдованіи здѣсь нашли бы многихъ «долихокефаловъ», ближайшихъ къ Западнымъ Европейцамъ, и отринули бы усвоенный Славянамъ, общій будто бы, «брахикефализмъ»); выдающійся и заостренный подбородокъ, достигающій въ старости, особенно у женщинъ, формы какбы изогнутой костистой лопатки; ростъ высокій, голосъ густой, переходящій въ прекрасный басъ и т. п. Все это относится происхожденіемъ къ доисторическому, первобытному Кавказу, дозволяющему многимъ обозначать Индо-Европейскій типъ «Кавказскимъ», и къ давнему житью въ Татрахъ, гдѣ Русь тѣсно соединялась подъ гегемоніей Сербо-Хорватской, а потому же типъ сей распространенъ одинаково въ формаціи Сербо-Хорватской за Дунаемъ. Но, не менѣе это близко и къ Удамъ давнимъ, и къ Черкесамъ нынѣшнимъ; а встрѣчающійся при этомъ взлизъ лба и откосъ до остроконечной маковки (повыраженію Гоголя—рѣдькой хвостомъ вверхъ), свойственъ наиболѣе Китайцамъ съ Японцами, да Семитамъ, особенно Арабамъ, т. е. формаціямъ, между коими Уды древніе, какъ замѣчено выше, составляли соединительное звѣно. Къ тому же 1-му типу относимъ мы въ характерѣ рѣшительность при случаѣ потребномъ, настойчивость въ достиженіи разъ задуманной цѣли, сдержанность и молчаливость, терпѣливость подъ бѣдою и грозою, но и крѣпкую охрану самостоятельности, и вспыльчивость при рѣзкомъ нападеніи на самостоятельность, и стремленіе къ обособленію, часто крайнему, свойственному родовымъ разсчетамъ кочевья и племени, подрывающему «общину», умѣстному скорѣе въ неприступныхъ горахъ, чѣмъ въ «Поляхъ» (тѣмъ же отчасти страдаютъ доселѣ и Сербы) и нѣкоторую мстительность, соединенную со злопамятствомъ (послѣднія два качества менѣе свойственны Великоруссамъ; у нихъ и рѣшительность замѣняется часто напоромъ или дерзостью, менѣе крѣпка сдержанность и осторожность, а склонность къ разговорчивости и болтливости отличаетъ ихъ всюду). Если

присоединимъ сюда типъ конника и казака, способность къ переселеніямъ,продвинувшую, какъ выше замѣчено, Малороссовъ не только къ Дунаю на Черноморье, на Кавказъ, въ Азію, но и въ глубину ея, если прибавимъ прямой разрѣзной воротъ рубахи на груди и стоячіе воротнички, пѣніе думъ, музыкальность и пляску, юморъ и остроуміе, то образъ 1-го типа выйдетъ довольно полный.—Типъ 2-й выражаетъ себя круглою головою, плоскимъ лицомъ—у иныхъ какъ доска, довольно «смачнымъ» и широкимъ носомъ, и главное—глазами съ разрѣзомъ узкимъ,поперечно растянутыми и на оконечностяхъ стрѣльчатыми, да волосами висльми и тонкими, съ рѣдкими усами. Подобные глаза довольно часты у Малороссовъ; они отчасти замѣчались у Гоголя и Бодянскаго (между прочимъ, судя по портрету, то же самое у одного изъ *нашихъ* личныхъ предковъ, Гедеона балабана, и у потомковъ его, самыхъ близкихъ къ намъ); а «курчавыхъ» головъ вообще въ Малороссіи и всей Южной Россіи встрѣчаемъ рѣдко, тогда какъ въ семъ отношеніи Великоруссы крайне выдаются. Съ этимъ сообразны—приземистая статура, лѣнь, отзывающаяся не извѣстной Южною, а скорѣе Восточною, упрямство и упорство, неповоротливость въ схватываніи передаваемой мысли и въ рѣчахъ; мстительность и злопамятство, сообразныя и 1-му типу, но здѣсь соединенныя еще со скрытностью, хитростью и значительной обидчивостью, короче—съ капризностью, которая спѣшитъ замкнуться въ себя, не наппраетъ, а «уединяется»; голосъ тенористый, переходящій въ «козла и манера «взвизгивать» при началѣ рѣчи (поднимать ее съ самыхъ верхнихъ нотъ), особенно у женщинъ (этого Малорусскаго «взвизгиванья» рѣшительно *нѣтъ ни у кого изъ прочихъ Славянъ*, а сколько мы знаемъ, и у другихъ племенъ встрѣчается оно лишь между Монголами Китайцами и Японцами). Прибавить ли сюда крайнюю медленность походки до воловъ съ ихъ шагомъ и скрипучею телѣгою, да «вишневенькій садокъ съ грушами» за мѣсто лѣса и парка, да образъ чумака, да припляску толчась на одномъ мѣстѣ и т. д., то мы получимъ истаго «степняка», и не столько кочеваго, сколько осѣдлаго съ садкомъ при палимой жгучимъ солнцемъ, низенькой и уютной хатѣ, и т. п. Этотъ типъ есть отчасти опять у Хорватовъ и особенно у Сербовъ, исходитъ конечно изъ глубокой, доисторической древности, но имѣетъ довольно много аналогическаго и съ Монголизмомъ; замѣтимъ кстати объ отвращеніи ко *гвоздямъ* въ сапогахъ (обратно Великоруссамъ), что объясняется отчасти вязкой почвой подъ ногами, но распростерто и по Востоку въ разныхъ папучахъ, туфляхъ, толстыхъ подошвахъ, деревянныхъ башмакахъ и т. п.—Типъ 3-й возникъ уже на глазахъ поло-

жительной исторіи и шаги его въ Русь Южную *со стороны* можно указать на картѣ, пересчитать по пальцамъ: это вліяніе *Бѣлой Руси* (которую поэтому опять напрасно отдаютъ въ антитезъ Югу, на жертву Тюрко-Монголизму). Когда, послѣ Татарскаго разгрома, изъ «Полей» двинулись массы выселявшихся Южонъ на Сѣверъ въ Бѣлую Русь, а на мѣста упраздненныя начали постепенно спускаться съ Татръ, чрезъ Подолъ и Волынь (ср. о томъ выше, колонизація прошла чердзъ Пинское Полѣсье и Минскую область, занявши и половину области Гродненской: далѣе Бѣлая Русь была уже слишкомъ густа, упиралась въ Литву и Южанамъ подвигаться было некуда (послѣдніе доселѣ выдаются тамъ всѣми своими признаками—темными волосами и глазами, черными шапками, ростомъ, нарѣчіемъ). Но, послѣ того окакъ воспрянула Литва и создалось Литовское государство, а особенн когда все это затянуто было въ Польскія руки, тогда отъ католичества и пановъ, отъ чужеродства и ненароднаго быта, началась колонизація обратная—*изъ Руси Бѣлой*: съ верховьевъ Днѣпра, чрезъ области Могилевскую и Черниговскую, въ среду Руси Южной и особенно въ Слободскую Украйну, какъ въ мѣсто просторное послѣ періодическаго вытѣсненія отсюда Восточниковъ, въ мѣсто, приглашавшее переселенцевъ на освобожденныя урочища, дальше же и въ степи Новороссіи. Относительно Великой Россіи такая колонизація началась нѣсколько ранѣе съ извѣстными Вятичами и Радимичами, протянулась по всей Окѣ (имѣя въ товарищахъ «Южную» Чудь), вошла въ Рязанскую область, утвердила такъ называемый «высокій» говоръ, усилилась съ эпохи помянутаго уклоненія отъ Литвы и Поляковъ, овладѣла Москвою и породила извѣстное Московское «*аканье*», уже подъ бокомъ—напр. у Владимірцевъ и Суздальщины—встрѣчающее доселѣ отпоръ въ первобытномъ Славянскомъ и коренномъ звучномъ *О*. Среди Южной Руси это переселеніе—совершенная, такъ сказать, «Заплата», замѣтно отличаемая отъ основныхъ типовъ: тѣмъ не менѣе она сильно распространена и распространяется, даетъ себя знать малымъ ростомъ, мягкими бѣлокурыми волосами, переходящими въ ленъ, сѣрыми глазами, особенно же вздернутымъ носомъ и часто раздутыми ноздрями, валеною бѣлою шапкою съ малыми, загнутыми на тулью, полями (въ противуположность *черной* или коричневой у 1-го и 2-го типа, древнему «клобуку» или «колпаку», одинаковому съ Сербами, позднѣе же шапкѣ бараньей), длинною одеждою и, хоть разрѣзнымъ еще воротомъ рубахи, но уже безъ стоячихъ воротничковъ, далѣе же относительной слабостью характера до вялости и уступчивостью до униженія, наконецъ помянутымъ «аканьемъ» столь не гармонирующимъ съ

кореннымъ Южнорусскимъ о (о поддерживается еще тѣмъ, что подъ удареніемъ, изъ глубочайшей древности, имѣетъ свойство чередоваться съ оригинальнымъ *і*, но безъ ударенія, нынѣ уже уступаетъ все больше и больше звуку *а*). Письменность, по корню бѣлорусская, съ особымъ складомъ рѣчи, словоупотребленіемъ и фразеологіей, довела характеръ слабѣющаго языка до крайности, подорвала въ Малороссіи бодѣе древнія пѣсни, имѣла чрезъ Малороссію же громадное вліяніе на Москву и теперь продолжаетъ портить рѣчь и складъ черезъ посредство классовъ образованныхъ, преимущественно чрезъ духовенство и чрезъ выходцевъ его семьи (нельзя равнодушно слышать этого—«благословенна цáрства», «я́ка», «памúлуй» и т. п.). Бѣлорусскій типъ въ особенности сливается со 2-мъ, степнымъ, и теперь уже во многихъ мѣстахъ представляется однимъ изъ неизбѣжныхъ отличій Малорусса. Всѣ же прочія отличія суть промежуточныя, переходныя, частныя, и составляютъ ступени трехъ предыдущихъ. А затѣмъ, кто не помнитъ, сколько вся Россія обязана Руси *Южной* воздѣйствіемъ на Кавказъ и на Черноморье? Но кто же не знаетъ также, что въ физическій складъ и въ наружность переселенцевъ, а особенно козаковъ, на этомъ пути проникло много вліяній совсѣмъ не-Славянскихъ и не-Индо-Европейскихъ?

Такимъ образомъ, и на Южную Русь воздѣйствія были же, и выливались даже въ физическія наглядныя формы, и сохраняютъ здѣсь доселѣ многія параллели съ разновидными «Восточниками», Азіатцами. Но, при всемъ томъ, сохрани насъ Богъ утверждать, и даже предполагать, что 1) многое изъ этихъ отличій не исходило изъ *общаго* періода и корня съ инородцами, въ отдаленнѣйшія времена, въ ровень съ другими Арійцами, или, что то же, произошло все это *со стороны, внѣшнимъ* вліяніемъ, а *не самобытнымъ процессомъ;* 2) что вліянія со стороны, дѣйствительно имѣвшія мѣсто, проникли *въ глубь народнаго состава,* подорвали и измѣнили такіе существенные принципы и явленія, какъ домъ и жилище, семью, значеніе дѣвушекъ и женщинъ, бракъ, свадьбу, религіозныя воззрѣнія, истекающіе оттуда обряды, и т. д.; 3) что отъ того *существенно* пострадалъ *народный* типъ и *языкъ* Малороссовъ, отдѣлившись, какъ противуположность, отъ остальнаго Славянства. Этимъ главнѣйше и разнится нашъ взглядъ, этимъ безпристрастіемъ и спокойствіемъ положительнаго знанія связуется съ достоинствомъ науки, въ отличіе отъ теоріи Духинскихъ съ братіею, а тѣмъ паче отъ нѣкоторыхъ историковъ—романистовъ, которые, напримѣръ, въ описаніи Мамаева побоища, столь недавно рисовали намъ слабость, трусость и неумѣлость Великороссовъ, на-

оборотъ храбрость, опытность и обдуманность предводителей, «говорившихъ по-Малорусски». Такая комедія въ наукѣ по меньшей мѣрѣ излишня.

Вотъ все, что имѣли мы сказать *пока* по вопросу о Туранизмѣ Руси. Здѣсь же читатели встрѣтятъ главныя основы для правильной оцѣнки народнаго и племеннаго состава подлинной роли государства въ отношеніи къ народу премирующему и къ инородцамъ, для древняго доисторическаго движенія наслеленій и для предстоящихъ въ практикѣ новѣйшихъ, «нормальныхъ» переселеній. Развить такія основы *въ подробности,* съ примѣненіемъ къ симъ послѣднимъ, сейчасъ помянутымъ, вопросамъ и нуждамъ, предоставляемъ себѣ въ *статьяхъ послѣдующихъ.*

П. Безсоновъ.

БИБЛІОТЕКА
№
Новгородсѣверской